

Просто Христианство.

К.С.Льюис.

ПРЕДИСЛОВИЕ

То, о чем говорится в этой книге, послужило материалом для серии радиопередач, а впоследствии было опубликовано в трех отдельных книгах под названием "Радиобеседы" (1942), "Христианское поведение" (1943) и "За пределами личности" (1944). В печатном варианте я сделал несколько дополнений к тому, что сказал в микрофон, но вообще оставил текст без особых изменений. Беседа по радио не должна, по-моему, звучать как литературный очерк, прочитанный вслух, она должна быть именно беседой, и очень искренней. Поэтому я использовал те обороты и слова, какие обычно употребляю в беседе. В печатном варианте я их воспроизвел, а все те места, где по радио я подчеркивал значимость слова тоном голоса, в книге выделил курсивом. Сейчас я склонен считать, что это было ошибкой - нежелательным гибридом искусства устной речи с искусством письма. Рассказчик должен оттенками голоса подчеркивать и выделять определенные места, сам жанр беседы этого требует, но писателю не следует использовать курсив в тех же целях. У него есть другие, свои средства, вот пусть и пользуется ими, чтобы выделить ключевые слова.

В данном издании я убрал сокращения и курсив, переработав те фразы, в которых они встречались и не повредив, надеюсь, тому "простому тону", который свойствен радиобеседам. Кое-где я что-то прибавил, что-то вычеркнул, исходя из того, что первоначальный вариант, оказывается, поняли превратно, да и сам я, по-моему, стал лучше понимать предмет беседы теперь, чем десять лет назад.

Хочу предупредить читателей, что я не предлагаю никакой помощи тем, кто колеблется между двумя христианскими "деноминациями". Вы не получите от меня совета, кем вы должны стать - приверженцем ли англиканской церкви или методистской, пресвитерианской или римско-католической. Это я опустил умышленно (даже приведенный выше список дал просто в алфавитном порядке). Из моей собственной позиции я не делаю тайны. Я совершенно обычный, рядовой член англиканской церкви, не слишком "высокий", не слишком "низкий", и вообще не слишком какой-то. Но в этой книге я не пытаюсь переманить кого-либо туда же.

С того самого момента, как я стал христианином, я всегда считал, что лучшая, а может, - единственная услуга, какую я окажу моим неверующим ближним, - объяснить и защитить веру, которая была всегда общей и единой почти для всех христиан. У меня достаточно для такой точки зрения.

Прежде всего, то, что разделяет христиан (на разные деноминации), часто касается высокой теологии или даже истории, и вопросы эти следует оставить специалистам, профессионалам. Я бы захлебнулся в таких глубинах и скорее сам нуждался бы в помощи. Во-вторых, я думаю, мы должны признать, что дискуссии по этим спорным вопросам едва ли способны привлечь в христианскую семью человека со стороны. Обсуждая их письменно и устно, мы скорее отпугиваем его от христианского сообщества, чем привлекаем к себе. Наши расхождения во взглядах надо бы обсуждать лишь при тех, кто уже верит, что есть один Бог, а Иисус Христос - Его едиnorodный Сын.

Наконец, у меня создалось впечатление, что гораздо больше талантливых авторов вовлечено в обсуждение этих вопросов, чем в защиту самого христианства, "просто христианства", как его называет Бакстер (1). Та область, в которой, видимо, я мог

послужить лучше всего, именно в такой службе и нуждалась. Естественно, туда я и направился.

Насколько я помню, лишь к этому сводились мои молитвы и побуждения, и я был бы очень рад, если бы люди не делали далеко идущих выводов из того, что я ничего не говорю о некоторых спорных вещах.

К примеру, такое молчание вовсе не всегда означает, что я чего-то жду, выжидаю, хотя иногда это так. У христиан порой возникают вопросы, ответов на которые, я думаю, у нас нет. Встречаются и такие, на которые я, скорее всего, никогда не получу ответа: даже если а задам их в лучшем мире, то, возможно, получу такой ответ, какой уже получил однажды другой, гораздо более великий вопрошатель: "Что тебе до этого? Следуй за Мной!" (2) Однако есть и другие вопросы, тут я занимаю совершенно определенную позицию, но храню молчание. Ведь я пишу не для того, чтобы изложить "мою религию", а для того, чтобы разъяснить христианство, а оно есть то, что оно есть, было таким задолго до моего рождения и не зависит от того, нравится оно мне или нет.

Некоторые люди делают необоснованные заключения, когда я говорю о Деве Марии только то, что связано с непорочным зачатием и рождением Христа. Но причина очевидна. Если бы я сказал немного больше, это сразу завело бы меня в область крайне спорных мнений. Между тем ни один другой вопрос в христианстве не нуждается в таком деликатном подходе, как этот. Римско-католическая церковь защищает свои представления не только с обычным пылом, свойственным всем искренним религиозным верованиям, но с особой, вполне естественной горячностью, ибо здесь проявляется та рыцарская чувствительность, с какой защищает человек честь своей матери или невесты. Очень трудно разойтись с нею ровно настолько, чтобы не показаться ей невеждой, а то и еретиком. И наоборот, противоположные мнения протестантов вызваны чувствами, которые уводят нас к самым основам монотеизма. Радикальным протестантам кажется, что под угрозой само различие между Творцом и творением (каким бы святым творение ни было) и вновь возрождается многобожие. Очень трудно и с ними разойтись во мнениях ровно настолько, чтобы не оказаться в их глазах похуже еретика, а именно - язычником. Если есть на свете такая тема, которая способна погубить книгу о христианстве, если какая-то тема может сделать абсолютно бесполезным чтение для тех, кто еще не поверил в то, что Сын Девы есть Бог, то это именно она.

Получается странно: из моего молчания вы даже не можете вывести, считаю я это важным или нет. Дело в том, что самый вопрос тоже относится к спорным. Один из пунктов, по которому христиане расходятся во мнениях, это - важны ли их разногласия. Когда два христианина разных деноминаций начинают спорить, вскоре, как правило, один из них спрашивает, а так ли уж важен данный вопрос; на что другой отвечает: "Важен ли? Ну конечно, в высшей степени!"

Все это я сказал только для того, чтобы объяснить, какую книгу я попытался написать, а не для того, чтобы скрыть свои верования или уйти от ответственности за них. Как я уже говорил, я не держу их в секрете. Выражаясь словами дядюшки Тоби: "они есть в молитвеннике" (3).

Опасность в том, что под видом христианства я мог изложить что-нибудь чисто англиканское или (что еще хуже) свое. Чтобы этого избежать, я послал первоначальный вариант того, что стало здесь книгой второй, четырем священнослужителям (англиканской церкви, методистской, пресвитерианской и римско-католической) и попросил их дать критический отзыв. Методист решил, что я недостаточно сказал о вере, а католик - что я зашел слишком далеко, когда говорю о том, что теории, объясняющие искупление, не так уж важны. В остальном мы пятеро согласились друг с другом. Другие книги я не стал подвергать такой проверке: если бы они и вызвали расхождения среди христиан, это были бы расхождения между людьми и школами, а не между разными деноминациями.

Насколько я могу судить по этим ответам или по многочисленным письмам, эта книга, какой бы она ни была неверной в других отношениях, преуспела, по крайней мере, в

одном - дала представление о христианстве общепринятом. Таким образом, она, возможно, хоть как-то поможет преодолеть то мнение, что, если мы опустим все спорное, нам останется лишь неопределенная и бескровная вера. На деле христианская вера оказывается не только определенной, но и очень четкой, отделенной от всех нехристианских вер пропастью, которую не сравнить даже с самыми серьезными разделениями внутри христианства. Если я не помог воссоединению прямо, то надеюсь, ясно показал, почему мы должны объединиться. Правда, я нечасто встречался с легендарной нетерпимостью убежденных христиан, входящих в ту или иную общину. Враждебны в основном люди, принадлежащие к промежуточным группам, в пределах англиканской церкви и других деноминаций, то есть такие, которые не очень-то считаются с мнением какой бы то ни было общины. Это утешает - ведь именно центры общин, где сосредоточены истинные их дети, по-настоящему близки друг другу - по духу, если не по доктрине. И это свидетельствует что в центре каждой общины стоит что-то или Кто-то, и вопреки всем расхождениям, всем различиям темперамента, всей памяти о взаимных преследованиях, говорит одно и то же.

Вот и все, что касается моих умолчаний. В книге третьей, где речь идет о нравственности, я также кое-что обошел молчанием, но по иным причинам. Еще с той поры, когда я был рядовым во время первой мировой войны, я проникся антипатией к людям, которые в безопасности штабов издавали призывы и наставления для тех, кто воевал на линии фронта. Поэтому я и не склонен много говорить об искушениях, с которыми мне самому не приходилось сталкиваться. Наверное, нет такого человека, которого бы искушали все грехи. Уж так случилось, что импульс, который делает из нас игроков, не был заложен в меня, и, вне сомнений, я расплачиваюсь за это отсутствием других, полезных импульсов, которые в преувеличении или искажении толкают на путь азартной игры. Вот поэтому я не чувствую себя достаточно сведущим, чтобы советовать, какая азартная игра позволительна, а какая нет; если и существуют позволительные азартные игры, я об этом просто ничего не знаю. Обошел я молчанием и вопрос о противозачаточных средствах. Я не женщина, я даже не женатый человек; поэтому я не вправе говорить неукоснительно и жестко о том, что связано с болью, опасностью и прочими издержками, от которых я сам избавлен. Кроме того, я не пастырь, и "должность" меня к этому не обязывает.

Могут возникнуть и более серьезные возражения - они и были - о том, как я понимаю слово христианин, которым обозначаю человека, разделяющего общепринятые доктрины христианства. Люди спрашивают меня: "Кто вы такой, чтобы устанавливать, кто христианин, а кто нет?" Или: "А вдруг многие люди, не способные поверить в эти доктрины, окажутся гораздо лучшими христианами, более близкими духу Христа, чем те, кто в эти доктрины верит?" Это возражение в каком-то смысле - очень верное, очень милосердное, очень духовное и чуткое. Но при всех этих прекрасных свойствах, оно бесполезно. Мы просто не можем безнаказанно пользоваться языковыми категориями так, как наши оппоненты. Я постараюсь разъяснить это на примере другого, гораздо менее важного слова.

Слово "джентльмен" первоначально означало нечто вполне определенное - человека, у которого есть свой герб и земельная собственность. Когда вы называли кого-нибудь джентльменом, вы не комплимент ему говорили, а констатировали факт. Если вы говорили про кого-то, что он не джентльмен, это было не оскорблением, а простой информацией. В те времена можно было, к примеру, сказать, что Джон - лгун и джентльмен; во всяком случае, это звучало не более противоречиво, чем если бы мы сказали сегодня, что Джеймс - дурак и магистр какой-то науки. Но появились люди, которые сказали - верно, доброжелательно, с пониманием и чуткостью: "Да ведь для джентльмена важны не герб его и земля, а то, как он себя ведет. Конечно же, истинный джентльмен - тот, кто ведет себя, как джентльмен, правда? Значит, Эдвард - джентльмен, а Джон - нет". У них были благородные намерения, но слова их не несли полезной информации. Намного лучше быть честным, и вежливым, и храбрым, чем обладать собственным гербом. Но это не одно и то же. Хуже того - не каждый захочет с этим согласиться. Слово "джентльмен" в новом, облагороженном смысле не сообщает нам что-то о человеке, а превращается в похвалу; сказав, что такой-то - не джентльмен, мы его оскорбляем. Когда слово из средства описания становится средством похвалы, оно свидетельствует только об отношении

говорящего. ("Хорошая еда" значит лишь то, что она говорящему нравится.) Слово джентльмен, очищенное от четкого и объективного смысла, едва ли значит теперь что-нибудь кроме: "Мне нравится тот, о ком идет речь". Слово стало бесполезным. У нас и так уже было множество слов, выражающих одобрение, и для этой цели мы в нем не нуждались; с другой стороны, если кто-то (к примеру, в исторической работе) пожелает использовать его в старом смысле, ему придется прибегнуть к объяснениям, потому что слово это не выражает того, что выражало раньше.

Так и здесь: если мы позволим возвышать, облагораживать или "наделять более глубоким смыслом" слово "христианин", оно тоже утратит смысл. Во-первых, сами христиане не смогут применить его ни к одному человеку, и нам решать, кто, в самом глубоком смысле, близок духу Христа. Мы не можем читать в сердцах. Мы не можем судить, судить нам запрещено. Опасно и самонадеянно утверждать, что такой-то - христианин или не христианин в глубоком смысле этого слова. Но слово, которое мы не можем применять, становится бесполезным. Что же до неверующих, то они, несомненно, рады будут употреблять это слово в его "уточненном" смысле. В их устах оно сделается похвалой. Называя кого-то христианином, они будут иметь в виду, что это - хороший человек. Но такое употребление слова не обогатит языка, ведь у нас уже есть слово "хороший". Между тем слово "христианин" перестанет выполнять то действительно полезное дело, которому оно служит сейчас.

Мы должны, таким образом, придерживаться первоначального, ясного значения этого слова. Впервые христианами стали называться "ученики" в Антиохии, то есть те, кто принял учение апостолов (Деян. 11:26). Несомненно, так назывались лишь те, которые извлекли для себя большую пользу из этого учения. Безусловно, это имя распространялось не на тех, кто колебался, принять ли им учение апостолов, а на тех, кто именно в возвышенном, духовном смысле оказался "гораздо ближе к духу Христа". Дело тут не в богословии или морали. Дело в том, как употреблять слова таким образом, чтобы всем было ясно, о чем идет речь. Если человек, который принял доктрину христианства, ведет жизнь, не достойную ее, правильнее назвать его плохим христианином, чем сказать, что он не христианин.

Я надеюсь, ни одному читателю не придет в голову, что "просто христианство" предлагается здесь в качестве альтернативы вероисповеданиям существующих христианских церквей, то есть вместо конгрегационализма, или православия, или чем бы то ни было другою. Скорее его можно сравнить с залом, из которого открываются двери в несколько комнат. Если мне удастся привести кого-нибудь в этот зал, я цели достигну. Но камин, стулья, пища - в комнатах, а не в зале. Этот зал - место ожидания, из которого можно пройти в ту или иную дверь; в нем ждут, а не живут. Даже худшая из комнат (какая бы то ни было) больше подходит для жилья. Некоторые, наверное, почувствуют, что для них полезнее остаться в зале подольше; другие почти сразу же с уверенностью выберут для себя дверь, в которую надо постучаться. Я не знаю, от чего бывает такая разница, но я уверен в том, что Бог не задержит никого в зале дольше, чем требуют интересы вот этого, данного человека. Когда вы наконец войдете в вашу комнату, вы увидите, что долгое ожидание принесло вам определенную пользу, которой иначе вы не получили бы. Но вы должны смотреть на предварительный этап как на приуготовление, а не как на привал. Вы должны и впредь молиться о свете; и, конечно, даже в зале, вы должны хоть как-то, в меру сил, следовать правилам, общим для всего дома. Кроме того, вы не должны спрашивать, какая дверь истинна, хотя форма и цвет какой-то из них нравится вам больше. Словом, вы должны спрашивать себя не: "Нравится мне эта служба?", а "Правильны ли эти доктрины? Здесь ли обитает святость? Сюда ли указывает моя совесть? Почему я не хочу постучать в дверь - от гордости, или по воле вкуса, или из-за личной неприязни к этому, вот этому привратнику?"

Когда вы войдете в вашу комнату, будьте милостивы к тем, кто вошел в другие двери, и к тем, кто еще ожидает в зале. Если они - ваши враги, помните, что вам сказано молиться за них. Это - одно из правил, общих для всего дома.

Книга 1. ДОБРО И ЗЛО КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ВСЕЛЕННОЙ

1. Закон человеческой природы

Каждый слышал, как люди ссорятся. Иногда это смешно, иногда - неприятно; но как бы это ни выглядело, мы можем извлечь для себя важные уроки, слушая, что говорят ссорящиеся друг другу. Они говорят, например: "Как бы вам понравилось, если бы кто-нибудь сделал то же самое вам?", "Это мое место, я его первый занял", "Оставьте его в покое, он ничего вам не делает", "Почему я должен тебе уступать?", "Дай мне кусочек апельсина, я же тебе давал!", "Ты же обещал!" Каждый день люди говорят все это - и образованные, и необразованные; и дети, и взрослые.

Здесь важно одно: человек говорит, что ему не нравится поведение другого человека, и взывает при этом к кому-то стандарту поведения, о котором, по его мнению, другой человек знает. И тот, другой, очень редко ответит: "Какие еще стандарты?" Почти всегда он старается показать, что на самом деле стандарта не нарушил, а если нарушил, для этого есть особые, веские причины. Он делает вид, что в данном случае у него эти причины были, - скажет, что ему дали кусочек апельсина совсем при других обстоятельствах или что нечто непредвиденное освобождает его от обязанности выполнить обещание. Так и кажется, что обе стороны имели в виду какой-то закон, какое-то правило игры, или поведения, или морали, или чего-то в этом роде, с которым они согласны. И это действительно так. Если бы они не имели в виду такого закона, они могли бы, конечно, драться, как дерутся звери, но не могли бы ссориться и спорить. Ссорясь, мы стараемся показать, что другой человек неправ. В этом не было бы смысла, если бы между нами не было какого-то согласия, что такое правота.

Точно так же нет смысла говорить, что футболист что-то нарушил, если нет определенного соглашения по поводу правил игры в футбол.

Этот закон раньше называли "естественным", то есть природным, законом природы. Когда мы теперь говорим о "законах природы", мы подразумеваем тяготение, или наследственность, или химические законы. Но, когда мыслители древности называли так законы добра и зла, они подразумевали под этим "закон человеческой природы".

Мыслили они так: все физические тела подчиняются закону тяготения, все организмы подчиняются биологическим законам, у существа по имени человек есть свой закон, с той великой разницей, однако, что физическое тело не может выбирать, подчиняться ли ему закону тяготения или нет, тогда как у человека есть право выбора - подчиниться естественному закону человеческой природы или нарушить его.

Ту же мысль можно выразить по-другому. На каждого человека постоянно, каждую секунду действует несколько разных законов; и среди них только один он волен нарушить. Будучи физическим телом, он подвластен закону тяготения и не может пойти против него: если вы оставите человека без поддержки в воздухе, у него будет не больше свободы выбора, чем у камня, упасть на землю или не упасть. Будучи организмом, он должен подчиняться биологическим законам и не может нарушить их по своей воле, как не могут нарушить животные. Словом, человек непременно подчиняется законам, которые он разделяет с другими телами. Но тот закон, который присущ только человеческой природе, который не распространяется на животных, растения или на неорганические тела, человек может нарушить по своему выбору. Этот закон называли "естественным": люди думают, что каждый человек знает его по естеству, инстинктивно и никого не надо ему учить.

Конечно, мыслители понимали, что время от времени будут попадаться люди, которые не знают о нем, как время от времени встречаются дальтоники или те, у кого совершенно нет музыкального слуха. Но, рассматривая человечество в целом, они полагали, что представления о том, как себя надо вести, очевидно для каждого. По-моему, они были правы. Будь они неправы, все, что мы говорили о войне, например, лишилось бы смысла.

Есть смысл говорить, что враг жесток или подл, если нет такой вещи, как добро? Если бы нацисты не знали в глубине сердца так хорошо, как и мы с вами, что надо подчиняться голосу добра, если бы они не имели представления о том, что хорошо, что плохо, то, хотя нам и пришлось бы воевать против них, мы смогли бы их винить в содеянном зле не более, чем в цвете волос.

Я знаю, некоторые думают, что у закона порядочного поведения, знакомого всем нам, нет твердого основания, потому что в разные века разные цивилизации по-своему смотрели на нравственность.

Это неверно. Различия были, но они всегда касались частных случаев. Если кто-нибудь возьмет на себя труд сравнивать нравственные учения, господствовавшие, скажем, в Древнем Египте, Вавилоне, Индии, Китае, Греции и Риме, то его поразит, насколько эти учения похожи друг на друга и на наше, сегодняшнее понятие о нравственности.

Некоторые свидетельства я обобщил в одной из моих книг под названием "Человек отменяется", а сейчас хотел бы лишь попросить читателя, чтобы он подумал о том, к чему бы привело совершенно разное представление о морали. Представьте себе страну, где восхищаются людьми, которые убегают с поля битвы, или где человек гордится тем, что обманул своих благодетелей. С таким же успехом можно представить страну, где дважды два будет пять. Люди сходились во взглядах на то, по отношению к кому нельзя быть эгоистичным - только ли к членам своей семьи, или к тем, кто живет вокруг, или вообще ко всем на свете. Однако они всегда были согласны в том, что не следует ставить на первое место самого себя. Эгоизм никогда и нигде не считали похвальным качеством.

По-разному думали и о том, сколько жен следует иметь, одну или четырех. Но всегда были согласны в том, что брать каждую понравившуюся женщину мы права не имеем.

Однако самое замечательное - в другом. Когда бы вам ни встретился человек, утверждающий, что он не верит в добро и зло, вы тут же увидите, как он возвращается к отвергнутым принципам. Он может нарушить обещание, данное вам, но если вы попытаетесь нарушить обещание, данное ему, то не успеете вы и слово вымолвить, как он воскликнет: "Это несправедливо!" Представители какой-нибудь страны могут утверждать, что договор не имеет значения, но тут же, перечеркнув собственное утверждение, скажут, что договор, который они собираются нарушить, несправедлив. Однако если договоры не имеют значения, если нет добра и зла, иными словами - если нет никакого естественного закона, какая же может быть разница между справедливыми и несправедливыми договорами? Я думаю, шила в мешке не утаишь: что бы они ни говорили, совершенно ясно, что они знают это так же хорошо, как любой другой.

Отсюда следует, что мы вынуждены верить в подлинное существование добра и зла. Иногда люди ошибаются в определении, как ошибаются, скажем, при сложении чисел, но понятие о добре и зле не больше зависит от вкуса и взглядов, чем таблица умножения. Теперь, если вы согласны со мной в этом, мы пойдем дальше. Никто из нас по-настоящему не следует естественному закону. Если среди вас найдутся исключения, я прошу их меня простить и советую почитать какую-нибудь другую книгу, потому что все то, о чем я собираюсь говорить здесь, не имеет к ним отношения.

Итак, возвратимся к обычным человеческим существам.

Надеюсь, вы не поймете превратно то, что я собираюсь сказать. Здесь я не проповедую и, видит Бог, не пытаюсь показаться лучше других. Я просто стараюсь обратить ваше внимание на то, что в этом году, или в этом месяце, или, что еще вероятнее, сегодня мы с вами не сумели вести себя так, как хотели бы, чтобы вели себя другие люди. Объяснений и извинений может быть сколько угодно.

Например, вы страшно устали, когда были несправедливы к детям; не совсем чистая сделка, о которой вы почти забыли, подвернулась вам и ту минуту, когда у вас было очень туго с деньгами; вы обещали что-то сделать для старого приятеля (и не сделали) - да вы никогда не стали бы связывать себя словом, если бы знали заранее, как ужасно

будете заняты! Что же до вашего поведения с женой (или мужем), сестрой (или братом), то, если бы я знал, как они могут раздражать, я бы не удивлялся - да и кто я такой в конце концов? Да, я такой же. Мне самому не удастся соблюдать естественный закон, и только кто-нибудь начнет говорить мне, что я его не соблюдаю, в моей голове сразу же возникнет целый рой извинений и объяснений. Но сейчас нас не интересует, насколько они обоснованны. Дело в том, что они - еще одно доказательство того, как глубоко, нравится нам это или нет, верим мы в естественный закон. Если мы не верим в ценность порядочного поведения, почему мы так ревностно оправдываем свое не совсем порядочное? Правда - в том, что мы верим в порядочность очень глубоко, испытываем очень сильное давление этого закона, просто не можем вынести, что нарушаем его, и пытаемся списать ответственность на кого-то или на что-то.

Вы заметили, что мы подыскиваем объяснения только нашему плохому поведению? Только его мы объясняем тем, что устали, или обеспокоились, или проголодались. А вот хорошее свое поведение мы не объясняем внешними причинами: мы ставим его в заслугу себе. Итак, я хочу обратить ваше внимание на две вещи. Первое: во всем свете люди принимают любопытную мысль о том, что они должны вести себя определенным образом, и не могут от нее отделаться. Второе: в действительности они себя так не ведут. Они знают естественный закон и нарушают его.

На этом основано то, как мы понимаем самих себя и мироздание, в котором живем.

2. Некоторые возражения

Если эти две вещи так важны, мне следует остановиться, упрочить основу, прежде чем идти дальше. Некоторые письма свидетельствуют, что есть немало людей, которым трудно понять, что же такое естественный закон, или нравственный закон, или правила порядочного поведения.

Например, я читаю: "А вдруг то, что вы называете нравственным законом - просто стадный инстинкт? Не развился ли он так же, как все наши другие инстинкты?"

Что же, не отрицаю, у нас может быть стадный инстинкт; но это совсем не то, что я имею в виду под нравственным законом. Мы все знаем, как чувствуем мы побуждения инстинкта - будь то материнская любовь, или похоть пола, или голод. Нам очень хочется действовать определенным образом. Конечно, иногда нам очень хочется помочь другому человеку, и желание это возникает благодаря стадному инстинкту. Но желание помочь - совсем не то же самое, что веление помочь, хочешь ты этого или нет.

Предположим, вы слышите крик о помощи. Возможно, вы почувствуете два желания: одно - помочь (в силу стадного инстинкта) и другое - держаться подальше от опасности (в силу инстинкта самосохранения). Однако в дополнение к этим двум импульсам вы обнаружите, что вам надо следовать тому импульсу, который толкает вас помочь, и подавить в себе тягу к бегству. Побуждение, которое судит инстинкты и решает, какому из них следовать, какой - подавить, не может быть ни одним из них. Вы могли бы с таким же основанием сказать, что ноты, которые указывают, по какой клавише ударить в данный момент, - одна из клавиш. Нравственный закон говорит нам, какую мелодию играть; наши инстинкты - только клавиши.

Есть еще один способ показать, что нравственный закон - это не просто один из наших инстинктов. Если два инстинкта противоречат друг другу и в сознании нашем нет ничего, кроме них, то, вполне очевидно, победил бы тот, который сильнее. Однако, когда мы особенно остро ощущаем воздействие этого закона, он словно бы подсказывает нам следовать тому из двух импульсов, который слабее. Вам, вероятно, гораздо больше хочется не рисковать своей безопасностью, чем помочь человеку, который тонет; но нравственный закон побуждает вас помочь тонущему. Он часто говорит нам: попытайтесь усилить тот, правильный импульс.

Нам часто хочется подбодрить свой стадный инстинкт, мы пробуждаем в себе воображение и жалость, чтобы у нас хватило духу сделать доброе дело. И конечно же, мы

действуем не инстинктивно, когда стимулируем в себе эту потребность. Голос внутри нас, который говорит: "Твой стадный инстинкт спит, пробуди его", - не может сам принадлежать стадному инстинкту.

На это можно взглянуть и с третьей стороны. Если бы нравственный закон был одним из наших инстинктов, мы могли бы указать на определенный импульс внутри нас, который всегда в согласии с правилом порядочного поведения. Но мы не находим такого импульса. Среди всех наших импульсов нет ни одного, который нравственному закону никогда не приходилось бы подавлять, и ни одного, который ему никогда не приходилось бы стимулировать. Было бы ошибкой считать, что некоторые наши инстинкты - такие, к примеру, как материнская любовь или патриотизм, - правильны, хороши, а другие - такие, как половой инстинкт или воинственный, - плохи. Просто в жизни чаще сталкиваешься с обстоятельствами, когда надо обуздать половой или воинственный инстинкт, чем с такими, когда приходится сдерживать материнскую любовь или патриотическое чувство. Однако в определенных ситуациях долг женатого человека - возбудить половой импульс, долг солдата - возбудить в себе воинственный инстинкт.

С другой стороны, бывают обстоятельства, когда надо подавлять любовь к своим детям и любовь к своей стране; в противном случае мы были бы несправедливы к детям других родителей и к народам других стран. Строго говоря, нет хороших и плохих импульсов. Вернемся снова к примеру с пианино. На клавиатуре нет двух разных клавиш - верных и неверных. В зависимости от том, когда какую мы ноту взяли, она прозвучит верно или неверно. Нравственный закон - не отдельный инстинкт или какой-то набор инстинктов. Нечто (назовите это добродетелью или правильным поведением) направляет наши инстинкты, приводит их в соответствие с жизнью.

Между прочим, это имеет серьезное практическое значение. Самое опасное, на что способен человек, - избрать какой-то из присущих ему природных импульсов и следовать ему всегда, любой ценой. Нет у нас ни одного инстинкта, который не превратил бы нас в бесов, если бы мы стали следовать ему как абсолютному ориентиру. Вы можете подумать, что инстинкт любви к человечеству всегда безопасен, и ошибетесь. Стоит вам пренебречь справедливостью, как окажется, что вы нарушаете договоры и даете ложные показания "ради человечества", а это в конце концов приведет к тому, что вы станете жестоким и вероломным.

Некоторые задают мне такой вопрос: "Может быть, то, что вы называете нравственным законом, на самом деле - общественное соглашение, которое мы узнаем, когда учимся?" Я думаю, такой вопрос возникает потому, что мы неверно понимаем некоторые вещи. Задающие его мыслят так: если мы научились чему-то от родителей или учителей, это непременно выдумали люди. Однако это не верно. Все мы учим в школе таблицу умножения. Ребенок, который вырос один на заброшенном острове, не будет его знать. Но из этого, конечно, не следует, что таблица эта - всем лишь человеческое соглашение, люди изобрели ее для себя, а могли бы изобрести и другую, если бы захотели. Я согласен с тем, что мы учимся порядочному поведению у родителей, учителей, друзей, книг точно так же, как учимся мы всему другому. Однако только часть того, чему мы учимся, - просто условные соглашения, которые можно изменить; например, нас учат держаться правой стороны дороги, но мы с таким же успехом могли бы установить другое правило. Иное дело - такие правила, как математические. Их изменить нельзя, потому что это реальные, объективно существующие истины.

Вопрос в том, к какой категории относится естественный закон.

Есть две причины считать, что он принадлежит к той же категории, что и таблица умножения. Одна, как я сказал в первой главе, заключается в том, что, несмотря на разные взгляды в разных странах и разные времена, различия эти несущественны. Они совсем не так велики, как некоторые думают. Всегда и везде представления о нравственности исходили из одного и того же. Между тем простые (или условные) соглашения, вроде правил уличного движения или покроя одежды, могут отличаться друг от друга на все лады.

Вторая причина - в следующем: когда вы думаете об этих различиях, не приходит ли вам в голову, что мораль одного народа лучше (или хуже) морали другого? Не улучшили ли бы ее некоторые изменения? Если нет, тогда, конечно, не могло быть никакого прогресса нравственности; ведь прогресс - не просто изменение, а изменение к лучшему. Если бы ни один из нравственных кодексов не был вернее или лучше другого, то не было бы смысла предпочитать мораль цивилизованного общества морали дикарей или мораль христиан - морали нацистов.

На самом деле мы все, конечно, верим, что одна мораль лучше, правильнее, чем другая. Мы верим, что люди, которые пытались изменять нравственные представления своего времени, так называемые реформаторы, лучше понимали значение нравственных принципов, чем их ближние. Ну что ж, хорошо. Но как только вы скажете, что один моральный кодекс лучше другого, вы мысленно прилагаете к ним некий стандарт и делаете вывод, что вот этот кодекс лучше соответствует ему, чем тот.

Однако стандарт, который служит нам мерилom, должен отличаться от того, что им меряют. В данном случае вы сравниваете эти кодексы с некоей истинной моралью, признавая тем самым, что истинная справедливость действительно существует, независимо от людских мнений и от того, что мнения одних лучше соответствуют этой справедливости, чем мнения других. Давайте посмотрим на это с другой стороны. Если ваши нравственные представления могут быть более правильными, а представления нацистов - менее правильными, должна существовать какая-то истинная норма, которая может служить мерилom тех или иных взглядов. Ваше представление о Нью-Йорке может быть вернее или неправильное моего, потому что Нью-Йорк - это реальное место и существует он независимо от того, что мы о нем думаем. Если бы каждый из нас, говоря "Нью-Йорк", подразумевал просто "город, который я вообразил", как могли бы представления одного быть вернее, чем представления другого? Тогда не было бы и речи о правоте или заблуждении. Точно так же, если бы нравственные правила просто значили "все, что ни одобрит этот народ", не было бы смысла говорить, что один народ справедливее мыслит, чем другой. Не было бы смысла говорить, что мир может улучшаться или ухудшаться в нравственном отношении.

Таким образом, я могу вывести, что, хотя различия между понятиями о порядочности поведения часто приводят к сомнению, существует ли нравственный закон, мы склонны задумываться об этих различиях и это доказывает, что он существует.

Перед тем как я кончу, позвольте мне сказать еще несколько слов. Я встречал людей, которые преувеличивали упомянутые расхождения, потому что не видели разницы между различиями в нравственных представлениях и в толковании определенных фактов. Например, один человек сказал мне: "Триста лет тому назад в Англии убивали ведьм. Проявлялся тут этот ваш естественный закон, или закон правильного поведения?" Но ведь мы не убиваем ведьм сегодня потому, что мы в них не верим. Если бы мы верили - если бы мы действительно думали, что рядом живут люди, продавшие душу дьяволу и получившие от него взамен сверхъестественную силу, которую они используют для того, чтобы убивать соседей, или сводить с ума, или вызывать плохую погоду, - мы бы согласились: кого-кого, а этих бесчестных злодеев казнить надо. Нет различия в нравственных принципах, разница - только во взглядах на определенный факт

То, что мы не верим в ведьм, возможно, свидетельствует о прогрессе человеческого знания; то, что мы не судим ведьм, в которых перестали верить, нельзя считать нравственным прогрессом. Вы не назовете добрым человека, который перестал расставлять мышеловки, если он просто убедился, что в его доме нет мышей.

3. Реальность закона

Теперь я вернусь к тому, что сказал в конце главы 1 о двух любопытных особенностях, присущих людям. Во-первых, людям свойственно думать, что они должны соблюдать определенные правила поведения, иначе говоря - правила честной игры, или порядочности, или морали, или естественного закона.

Во-вторых, люди этих правил не соблюдают. Кое-кто может спросить, почему я называю это странным. Вам это может казаться естественным. Возможно, вы думаете, что я слишком строг к роду человеческому. В конце концов, можете сказать вы, то, что я называю нарушением закона, просто свидетельствует о несовершенстве человеческой природы. Собственно говоря, почему я ожидаю от людей совершенства? Такая реакция была бы правильной, если бы я пытался точно подсчитать, насколько мы виноваты в том, что сами поступаем не так, как, с нашей точки зрения, должны поступать другие. Но мое намерение - совсем не в этом. Сейчас я не сужу о вине, я стараюсь найти истину. С этой точки зрения сама мысль о том, что мы - не такие, какими надо быть, ведет к определенным последствиям.

Какой-нибудь предмет, например камень или дерево, - такой, какой он есть, и нет смысла говорить, что он должен быть другим. Вы, конечно, можете сказать, что у камня "неправильная форма", если хотите использовать его, украшая свой сад, или что это - "плохое дерево", потому что под ним мало тени. Но вы только подразумевали бы, что камень или дерево не подходит для ваших целей. Вы не станете, разве шутки ради, винить их за это. Вы знаете, что из-за погоды и почвы ваше дерево просто не могло быть другим и "плохое" оно потому, что подчиняется законам природы точно так же, как и "хорошее".

Вы заметили, что из этого следует? Из этого следует, что "закон природы", - например, влияние условий на дерево, - быть может, нельзя называть законом в строгом смысле слова. Ведь говоря, что падающий камень всегда подчиняется закону тяготения, мы, в сущности, подразумеваем, что "камни делают так всегда". Не думаете же вы, в самом деле, что камень вспоминает веление лететь к земле. Вы просто имеете в виду, что камень действительно падает на землю. Иными словами, вы не можете быть уверены, что за этими фактами скрывается что-то, кроме самих фактов, какой-то закон о том, что должно случиться, в отличие от того, что случается.

Законы природы, применительно к камням и деревьям, лишь констатируют то, что происходит. А вот когда вы обращаетесь к естественному закону, к закону порядочного поведения, вы сталкиваетесь с чем-то совсем иным. Этот закон, безусловно, не означает "того, что люди действительно делают" - как я говорил раньше, многие из нас не подчиняются ему совсем, и ни один из нас не подчиняется ему полностью. Закон тяготения говорит вам, что сделает камень, если его уронить; закон же нравственный говорит о том, что люди должны делать и чего не должны. Иными словами, когда вы имеете дело с людьми, то, помимо простых фактов, подлежащих констатации, есть еще какая-то привходящая сила, стоящая над фактами. Перед вами факты (люди ведут себя так-то); но перед вами и нечто еще (им следовало бы вести себя так-то). Во всем, что касается остальной Вселенной, помимо человека, не нужно ничего, кроме фактов. Электроны и молекулы ведут себя определенным образом, из этого вытекают определенные результаты, и, наверное, это все. (Впрочем, я не думаю, что о том свидетельствуют доводы, которыми мы сейчас располагаем.) Однако люди ведут себя определенным образом, и этим, безусловно, ничто не исчерпывается, ибо мы знаем, что они должны вести себя иначе.

Все это настолько странно, что люди стараются как-нибудь это объяснить. Например, мы можем придумать такое объяснение: когда вы говорите, что человек не должен вести себя так, как ведет, вы подразумеваете то же самое, что "с камнем неправильной формы": поведение этого человека вам мешает. Однако такое объяснение совершенно неверно. Человек, занявший угловое сиденье в поезде потому, что он пришел туда первым, и человек, который проскользнул на это место и снял ваш портфель, когда вы повернулись спиной, причинили вам одинаковое неудобство. Но второго вы обвиняете, а первого - нет. Я не сержусь - разве что несколько мгновений, пока не успокоюсь, - когда какой-нибудь человек случайно подставит мне ножку; но прихожу в негодование, когда кто-то подставляет мне ножку умышленно, даже если это ему не удастся. Между тем первый доставил мне неудобство, а второй - нет.

Иногда поведение, которое я считаю плохим, совсем не вредит мне, даже наоборот. Во время войны каждая сторона рада воспользоваться услугами предателя из вражеского стана. Но и пользуясь услугами, даже оплачивая их, она смотрит на него как на подонка. Вы не можете определить поведение других людей как порядочное, руководствуясь лишь тем, полезно ли оно для вас лично. Что же до нашей собственной порядочности, то, я думаю, никто из нас не рассматривает ее как поведение выгодное. Порядочно себя вести - это довольствоваться тридцатью шиллингами, когда вы могли бы получить три фунта; честно выполнить домашнее задание, когда легко обмануть учителя; ос девушку в покое, а не воспользоваться ее слабостью; не бежать от опасности; держать свои обещания, когда проще забыть о них; говорить правду, даже если вас сочтут из-за этого дураком.

Некоторые скажут: хотя порядочное поведение не обязательно приносит выгоду данному человеку и данный момент, оно и конечном счете приносит выгоду человечеству в целом; следовательно, ничего загадочного тут нет. Люди, в конце концов, обладают здравым смыслом. Они понимают, что могут быть счастливыми или чувствовать себя в подлинной безопасности лишь тогда, когда каждый ведет честную игру, вот и стараются вести себя порядочно.

Конечно, секрет безопасности и счастья лишь в честном, справедливом и доброжелательном отношении друг к другу и отдельных людей, и целых народов. Это - одна из самых важных в мире истин. Тем не менее мы обнаруживаем в ней слабое место, когда пытаемся объяснить ею проблему добра и зла.

Если, спрашивая: "Почему я не должен быть эгоистом?" - мы получаем ответ: "Потому что это хорошо для общества", - то может возникнуть новый вопрос: "Почему я должен думать о том, что хорошо для общества, если это не приносит никакой пользы мне?" На этот вопрос возможен лишь один ответ: "Потому что ты не должен быть эгоистом". Как видите, мы пришли к тому же, с чего начали. Мы лишь констатируем истину. Если бы человек спросил вас, ради чего играют в футбол, то ответ "чтобы забить голы" едва ли был бы удачным - в забивании голов и состоит сама игра, а не ее причина. Ваш ответ просто означал бы, что "футбол - это футбол", что верно, но стоит ли говорить об этом? Точно так же, если человек спрашивает, какой смысл вести себя порядочно, бессмысленно отвечать ему: "Надо же принести пользу обществу!" "Принести пользу обществу", иными словами - не быть эгоистом, себялюбцем (общество в конечном итоге и есть "другие люди"), и значит быть порядочным, бескорыстным человеком. Ведь бескорыстие - составная часть порядочного поведения. Фактически вы говорите, что порядочное поведение - это порядочное поведение. С равным успехом вы могли бы остановиться на фразе: "Люди должны быть бескорыстными".

Именно здесь хочу остановиться и я. Люди должны быть бескорыстными, должны быть справедливыми. Это не означает, что они бескорыстны или что им нравится быть бескорыстными; это значит, что они должны быть такими. Нравственный закон, или естественный закон, не просто констатирует человеческое поведение, подобно тому как закон тяготения констатирует поведение тяжелых предметов, когда они падают. С другой стороны, естественный закон и не просто выдумка. Мы не можем забыть о нем, а если бы забыли, то большая часть из того, что мы говорим и думаем о людях, утратила бы всякий смысл. И это не просто мнение о том, как должны вести себя другие ради нашего удобства, - плохое или нечестное поведение не всегда соответствует тому, что неудобно для нас. Иногда оно нам удобно. Следовательно, правило добра и зла, или естественный закон, или как бы мы это ни называли, должно быть реальным, существующим независимо от нас.

Однако это правило, этот закон - не объективный факт в обычном смысле слова, как, например, факт нашего поведения. Приходит мысль о какой-то иной реальности; о том, что за обычными фактами поведения скрывается что-то вполне определенное и над ними царит некий закон, которого никто из нас не составлял и который тем не менее воздействует на каждого из нас.

4. Что скрывается за естественным законом.

Давайте подведем итог тому, что мы выяснили. В случае с камнями или деревьями "закон природы" - просто оборот речи. Говоря, что природа подчиняется определенным законам, вы подразумеваете, что она ведет или проявляет себя определенным образом. Так называемые законы не могут быть законами в полном смысле слова; они не стоят над явлениями природы, которые мы наблюдаем. Но с человеком все обстоит иначе. Закон человеческой природы или закон добра и зла просто должен стоять над фактами человеческого поведения. Помимо фактов, мы имеем дело с чем-то еще - с законом, который мы не изобрели, но которому явно должны следовать.

А сейчас я хочу разобраться, что говорит нам это о мироздании, в котором мы живем. Как только люди научились мыслить, они стали задумываться о том, что представляет собою Вселенная и как она произошла. В самых общих чертах существуют две точки зрения. Первую называют материалистической. Люди, которые разделяют ее, считают, что материя и пространство просто есть и были всегда, неизвестно почему; что материя, которая ведет себя определенным, раз и навсегда установленным образом, случайно ухитрилась произвести такие создания, как мы с вами, то есть способные думать. По какому-то счастливому случаю, вероятность которого ничтожно мала, что-то ударило по нашему солнцу, и от него отделились планеты, а по другой такой же случайности, вероятность которой не выше, на одной из этих планет возникли химические элементы, необходимые для жизни, и необходимая температура, так что часть материи ожила, а потом, пройдя через длинную серию случайностей, живые существа развились в такие высокоорганизованные, как мы с вами.

Вторая точка зрения - религиозная. Согласно ей, источник видимой Вселенной, - скорее всего, в каком-то разуме. Этот разум обладает сознанием, у него свои цели, он отдает предпочтение одним вещам перед другими. С религиозной точки зрения, именно он и создал мироздание, частично - ради каких-то целей, о которых мы не знаем, а частично - и для того, чтобы произвести существа, подобные себе самому, то есть наделение разумом. Пожалуйста, не подумайте, что одна из этих точек зрения бытовала давным-давно, а другая постепенно ее вытесняла. Всюду, где когда-либо жили мыслящие люди, существовали обе. И заметьте еще одно. Вы не можете установить, какая из этих двух теорий правильна с научной точки зрения. Наука ведь действует через опыт, через опыты; она наблюдает, как ведут себя предметы, вещества и т.п. Любое научное утверждение, каким бы сложным оно ни казалось, сводится в конечном счете примерно к следующему: "Я направил телескоп на такую-то часть неба в 2.20 ночи 15 января и увидел то-то и то-то". Или: "Я положил столько-то вещества в сосуд, нагрел до такой-то температуры, и получилось то-то и то-то". Не подумайте, что я имею что-нибудь против науки, я только объясняю, как она действует. Чем человек учение, тем скорее (надеюсь) он согласится, что именно в этом польза ее и необходимость. Но почему все то, что изучает наука, существует вообще и стоит ли за этим нечто совершенно от него отличное - вообще не вопрос науки. Если за всей обозреваемой нами действительностью "нечто" существует, то оно либо останется неизвестным, либо даст знать о себе каким-то особым путем. Решать же, существует оно или нет, - в компетенцию науки не входит. Настоящие ученые обычно этим не занимаются. Чаще все это говорят журналисты и авторы популярных романов, нахватавшие непроверенных данных из учебника. Простой здравый смысл подсказал: даже если наука станет настолько совершенной, что постигнет каждую частицу Вселенной, на вопросы: "Почему существует Вселенная?", "Почему она ведет себя так, а не иначе?" и "Есть ли какой-нибудь смысл в ее существовании?" тогда, как и теперь, ответа не будет.

Положение было бы совершенно безнадежным, если бы не одно обстоятельство. Во Вселенной есть существо, о котором мы знаем больше, чем могли бы узнать благодаря наблюдениям извне. Существо это - *человек*. Мы не просто наблюдаем за людьми, мы сами - люди. В данном случае мы располагаем так называемой внутренней информацией. Благодаря ей нам известно, что люди чувствуют себя подвластными какому-то нравственному закону, которого они не устанавливали, но о котором не могут забыть, как бы ни старались, и которому явно следует подчиняться. Обратите внимание вот на что:

всякий, кто стал бы изучать *человека* со стороны, как мы изучаем электричество или капусту, не зная нашего языка и, следовательно, не имея возможности получать от нас внутреннюю информацию, - из простого наблюдения за нами никогда не пришел бы к выводу, что у нас есть нравственный закон. Да и как он мог бы прийти к нему? Ведь наблюдения показывали бы ему только то, что мы делаем, а нравственный закон говорит о том, что мы должны делать. Точно так же если бы что-то скрывалось за доступными наблюдению фактами, связанными с камнями или с погодой, то, наблюдая их со стороны, мы и надеяться не могли бы это обнаружить.

Вопрос, таким образом, переходит в другую плоскость. Мы хотим знать, стала ли Вселенная тем, что она есть, случайно, сама по себе, без какой бы то ни было причины, или за этим стоит какая-то сила, которая делает Вселенную именно такой. Поскольку эта сила, если она существует, не может быть одним из наблюдаемых фактов, ибо эти факты создает, простое наблюдение за ними ее не обнаружит. Только одно-единственное явление наводит на мысль о том, что есть "что-то", помимо наблюдаемых фактов, и явление это - мы сами. Лишь в нашем собственном случае мы видим: "что-то" и впрямь есть. Давайте посмотрим с другой стороны. Если бы за пределами Вселенной существовала какая-то контролирующая сила, она не могла бы показать себя нам в виде одного из элементов Вселенной, как архитектор, по проекту которого сооружен дом, не может быть стеной, лестницей или камином. Единственное, на что мы могли бы надеяться, - что сила эта проявит себя внутри нас в виде какого-то приказа, стараясь направить наши действия в определенное русло. Но именно это мы и находим внутри себя. Не правда ли, именно тут надо бы насторожиться? Единственный случай, когда мы могли бы надеяться на ответ, дает нам ответ *положительный*^{*}; а в других случаях, где мы ответа не получаем, мы видим, почему не можем его получить.

Предположим, кто-то спросил меня: "Вы видите человека в синей форме, который идет по улице и оставляет бумажные пакетики у каждого дома. Почему вы предполагаете, что в них - письма?" Я бы ответил: "Потому что всякий раз, как он оставляет мне такой пакетик, я нахожу в нем письмо". И если бы мне возразили: "Но вы же не видели тех писем, которые, по вашему мнению, получают другие люди!" я бы ответил: "Конечно нет, ведь они не мне адресованы. О содержимом пакетов, которые нельзя открывать, я догадываюсь по аналогии с тем пакетом, который я открывать могу".

Точно так же обстоит дело у нас. Единственный пакет, который мне разрешается открыть, - человек. Когда я это делаю, особенно когда открываю одного конкретного человека, которого называю "я", то обнаруживаю, что я существую не сам по себе, что я подвластен какому-то закону; что-то или кто-то хочет, чтобы я вел себя так, а не иначе. Конечно, я не думаю, что внутри камня или дерева я нашел бы то же самое, как не думаю, что все остальные люди получают такие же письма, как и. Я мог бы, например, обнаружить, что камень обязан подчиняться закону тяготения, но "отправитель писем" просто говорит мне, чтобы я подчинялся закону моей человеческой природы, тогда как камень подчиняется законам другой, своей. Как-то кажется, что в обоих случаях действует "отправитель писем" - сила, стоящая за фактами, Начальник жизни, ее Руководитель.

Не подумайте, пожалуйста, что я иду быстрее, чем надо. Я и на сто километров не подошел еще к Богу, каким толкует Его христианское богословие. Все, что я сказал до сих пор, сводится к следующему: что-то руководит мирозданием и проявляется во мне как закон, который побуждает меня творить добро и испытывать угрызения совести, если я содеял зло. Я думаю, нам следует предположить, что эта сила скорее подобна разуму, чем чему-нибудь иному, потому что, в конечном счете единственное, что мы знаем помимо разума, - это материя. Но едва ли можно вообразить себе кусок материи, дающий указания. Впрочем, вряд ли эта сила точно соответствует разуму в нашем понимании; пожалуй, еще меньше соответствует она человеку, какой он есть.

Посмотрим, удастся ли нам в следующей главе узнать о ней немного больше. Но предупрежу: за последнее столетие появилось немало слишком вольных фантазий о Боге. Я решительно не собираюсь предлагать вам ничего подобного.

Примечание. Чтобы этот раздел вышел достаточно кратким и пригодным для радиопередач, я упомянул только материалистическую и религиозную точки зрения. Но для полноты картины мне следовало бы упомянуть и о промежуточной - о так называемой философии "жизненной силы", или творческой эволюции. Остроумнее всего философия эта представлена у Бернарда Шоу, а глубже всего - у Бергсона. Сторонники ее полагают, что небольшие изменения, благодаря которым жизнь на нашей планете развивалась от ее низших форм до человека, не были случайными - их направляла целеустремленная сила жизни.

Когда говорят о такой силе, мы вправе спросить, обладает ли она разумом. Если да, то "разум, породивший жизнь и ведущий ее к совершенству", - это просто Бог. Таким образом, эта точка зрения уподобляется религиозной.

Если же сила эта лишена разума, можно утверждать, что она к чему-то стремится или у нее есть "цель". Не губительна ли такая логика?

Идея творческой эволюции очень многих привлекает тем, что она не лишает радостей веры и в то же время освобождает от не очень приятных последствий, вытекающих из того, что Бог все же есть. Когда у вас прекрасное здоровье и солнце сияет, и вы не хотите думать о том, что вся Вселенная - лишь механический танец атомов, приятно поразмышлять о великой таинственной силе, которая струится через века, неся вас на себе. Если, с другой стороны, вы хотите сделать что-то бесчестное, то сила жизни, будучи слепой, неразумной и вневещественной, не станет вмешиваться, как вмешался бы тот назойливый Бог, про которого нам рассказывали в детстве. Сила жизни - это бог ручной, укрощенный. Вы можете настроиться на его волну, когда захотите, но сам он тревожить вас не станет. Словом, при вас остаются все удовольствия религии, а платить ни за что не надо. Поистине, эта теория - величайшее достижение нашей склонности принимать желаемое за действительное!

5. У нас есть основания для беспокойства

Я закончил предыдущую главу той мыслью, что с помощью нравственного закона кто-то или что-то за пределами материальной Вселенной наступает на нас. Подозреваю, что, когда я дошел до этого пункта, некоторые из вас почувствовали какое-то беспокойство. Вы даже могли подумать, что я сыграл с вами злую шутку - я старательно маскировал "религиозное нравоведение", что бы сделать его похожим на философию. Быть может, вы готовы были слушать меня до тех пор, пока думали, что я собираюсь сказать что-то новое; но, если это обернулось просто-напросто религией - что ж, мир уже ее испытал, и мы не можем повернуть время вспять. Если кто-нибудь из вас испытывает такие чувства, мне хотелось бы сказать ему три вещи.

Первое - о том, можно ли повернуть время вспять. Подумали бы вы, что я шучу, если бы я сказал, что надо перевести стрелки часов? Ведь когда часы идут неверно, это очень разумно.

Но оставим пример с часами и стрелками. Все мы стремимся к прогрессу. Однако "прогресс" - это приближение к тому месту, к той точке, которой вы хотите достигнуть. Если мы повернули не в ту сторону, то, сколько ни двигайся вперед, к цели мы не приблизимся. Прогрессом в этом случае был бы поворот на 180 градусов и возвращение на правильную дорогу, и самым прогрессивным окажется тот, который скорее повернет назад. Мы все могли убедиться в этом, когда занимались арифметикой. Если я с самого начала неправильно произвел сложение, то чем скорее я признаю это и вернусь назад, чтобы все начать сызнова, тем скорее найду правильный ответ. В ослином же упрямстве, в отказе признать свою ошибку нет ничего прогрессивного.

Если вы задумаетесь над современным состоянием мира, вам станет совершенно ясно, что человечество совершает великую ошибку. Мы все - на неверном пути. А если это так, то всем нам необходимо вернуться назад. Возвращаясь назад, мы скорей придем вперед.

Второе: заметьте, что мои рассуждения - не так уж религиозны и нравоучительны. Мы еще далеки от Бога какой-либо конкретной религии, тем более от Бога религии христианской. Мы лишь подошли к *кому-то* или *чему-то*, что стоит за нравственным законом. Мы не прибегаем пока ни к Библии, ни к тому, о чем говорит Церковь; мы стараемся понять, не сможем ли мы узнать что-нибудь об этом таинственном существе своими собственными силами. И тут я со всей откровенностью скажу: то, что мы обнаруживаем, просто поражает нас. Об этом "существе" свидетельствуют два факта.

Прежде всего, это созданная Им Вселенная. Если бы она была единственным свидетельством о Нем, то из наблюдения за ней мы должны были бы сделать вывод, что Он, этот загадочный "Некто" - великий художник (Вселенная воистину прекрасна), но в то же время вынуждены были бы признать, что Он безжалостен и враждебен людям (Вселенная - очень опасное место, внушающее неподдельный ужас).

Кроме того, о Нем говорит нравственный закон, который Он вложил и наш разум. И это второе свидетельство более ценно, чем первое, поскольку оно дает нам информацию внутреннюю. Из нравственного закона вы больше узнаете о Боге, чем из наблюдения за Вселенной, точно так же, как вы больше узнаете о человеке, слушая, как и что он говорит, нежели созерцая построенный им дом. На основании второго факта мы делаем заключение, что Существо, пребывающее за видимой Вселенной, горячо заинтересовано в правильном поведении людей, в "честной игре", в бескорыстии, храбрости, искренней вере и правдивости. Тут нам приходится согласиться с утверждением христианства и некоторых других религий, что Бог добр. Но не будем спешить. Нравственный закон не дает нам никаких оснований считать, что Бог добр в обычном смысле - снисходителен, мягок, благожелателен.

В нравственном законе нет никакой снисходительности. Он тверд как алмаз. Он приказывает идти прямыми путями и, кажется, совсем не заботится о том, болезненно ли, опасно или трудно следовать этому приказу. Если Бог таков же, как нравственный закон, то Он едва ли мягок.

Пока что нам нет смысла говорить, что под "добрым" Богом мы понимаем такого Бога, который способен прощать. Ведь прощать способна только личность, а мы еще не вправе утверждать, что сила, которая скрывается за нравственным законом, скорее похожа на разум, чем на что-то другое. Но это еще не значит, что эта сила должна быть личностью. Если это просто безличный, бесчувственный разум, то, вероятно, нет смысла просить его о помощи или о поблажке, как не имело бы смысла просить таблицу умножения, чтобы она простила вас за неправильный счет. Бесполезно и говорить, что если Бог - безличное абсолютное добро, то Он вам не нравится и вы не собираетесь обращать на него внимания. Бесполезно это потому, что одна часть вас самого стоит на стороне этого Бога и искренне соглашается с осуждением жестокости, жадности, бесчестности и корысти. Вы, быть может, хотели бы, что-бы Он был снисходительнее на этот раз. Но в глубине души вы сознаете, что, если сила, стоящая за Вселенной, не будет безоговорочно обличать недостойное поведение, она перестанет быть добром. С другой стороны, мы знаем: если существует абсолютное добро, оно должно ненавидеть большую часть того, что мы делаем.

Вот в каком ужасном, безвыходном положении оказываемся мы с вами. Если Вселенной не правит абсолютное добро, то все наши усилия напрасны. Если же абсолютное добро все-таки правит Вселенной, то мы ежедневно бросаем ему враждебный вызов, и непохоже на то, чтобы завтра мы стали хоть немного лучше. Таким образом, и в этом случае наша ситуация безнадежна. Мы не можем жить без этого добра и не можем жить в согласии с ним.

Бог - наше единственное утешение; но и самый страшный ужас. В Нем мы сильнее всем нуждаемся и от его же больше всего хотим спрятаться. Он - наш единственный союзник, а мы Его враги. Послушать некоторых, так встреча с абсолютным добром - одно удовольствие. Им надо бы хорошенько задуматься; они все еще играют в религию. Надмирная доброта несет либо великое облегчение, либо величайшую опасность, в зависимости от того, как вы ей ответите. А мы с вами отвечаем неправильно.

Теперь я подошел к третьему пункту. Избирая окольный путь, чтобы подойти к тому, что меня действительно интересует, я не хотел разыгрывать вас. Я избрал его вот по какой причине: всякий разговор о христианстве лишен смысла для людей, не познакомившихся с тем, что я описал. Ему (насколько мне известно) нечего сказать людям, которые не знают за собой ничего плохого, и не чувствуют, что нуждаются в прощении. Только после того, как вы поймете, что нравственный закон действительно есть, как есть и сила, стоящая за ним, а вы нарушили этот закон и повели себя неверно по отношению к этой силе, - только тогда, и ни секундой раньше, христианство станет обретать для вас смысл.

Если вы знаете, что больны, вы следуете советам доктора. Если вы знаете, как безысходно ваше положение, вы начнете понимать, о чем говорят христиане, потому что они предлагают объяснить, почему мы ненавидим добро - и любим. Они предлагают объяснить, как это Бог может быть безличным разумом, стоящим за нравственным законом, и в то же самое время - Личностью. Они говорят нам, как невыполнимые для нас требования закона были выполнены за нас; как Бог стал человеком, чтобы спасти человека от Божьего осуждения. Это старая история, и, если вы пожелаете углубиться в нее, вы обратитесь к тем, кто компетентней, чем я. Я прошу от вас одного - взглянуть в лицо фактам, чтобы понять вопросы, на которые христианство предлагает ответы. А факты эти пугают. Я хотел бы сказать что-нибудь более радужное; но должен говорить то, что считаю правдой. Конечно, я целиком согласен с тем, что христианство в конечном счете - источник несказанного утешения. Но начинается оно не с утешения. Оно начинается с тревоги и смятения, которые я описал, и не имело бы смысла идти к этому утешению, минуя стадию тревоги. В религии - как на войне, как во многих ситуациях: покой (утешение) нельзя обрести, если искать только его. Вот если вы будете искать истину, то, возможно, обретете и покой; если ищете только покой, вы не найдете ни его, ни истины. Найдете вы - пустые речи да помышления, которые будут вам казаться истиной в начале пути, в конце же его вас ждет безнадежное отчаяние. Почти все мы излечились от предвоенных розовых мечтаний о согласованной международной политике. Настало время излечиться от них и в религии.

Книга 2. ВО ЧТО ВЕРЯТ ХРИСТИАНЕ

1. Противоречивые понятия о Боге

Меня попросили рассказать вам, во что верят христиане. Я начну с рассказа о том, во что им не нужно верить. Если вы христианин, вы не обязаны верить, что все остальные религии неверны от начала до конца. Если вы атеист, вам приходится верить, что в основе всех религий - одна гигантская ошибка. Если вы христианин, вы вольны думать, что все религии, в том числе самые странные, содержат хотя бы крупинку истины. Когда я был атеистом, я пытался убедить себя, что человечество в большинстве своем всегда заблуждалось в самом важном; став христианином, я обрел способность взглянуть на вещи с более либеральной точки зрения. Но, безусловно, христианин не сомневается, что всюду, где христианство расходится во взглядах с другими религиями, право оно, другие религии ошибаются. Как в арифметике: возможен лишь один правильный ответ на задачу, все остальные - неверны; но некоторые из неверных ответов ближе к верному, чем другие.

Человечество делится на две основные группы: на большинство, которое верит в какого-то Бога или богов, и на меньшинство, которое не верит в Бога вообще. Христиане, естественно, относятся к большинству - они в одном лагере с древними римлянами, современными дикарями, стоиками, платониками, индусами, мусульманами и т.п., против современного западноевропейского материализма. Но есть и разделение между людьми, верующими в Бога. К нему я перехожу. Сводится оно к тому, в каких богов люди верят. И здесь - большая разница. Одни полагают, что Бог стоит над добром и злом. Мы называем одну вещь хорошей, а другую - плохой. Но, по мнению некоторых, понятие "хорошего и плохого" существует только с нашей, человеческой точки зрения. Такие люди говорят: по мере того, как вы возрастаете в мудрости, у вас все меньше и меньше желания называть что-то плохим или хорошим; вы видите, что у всего есть и хорошие, и плохие стороны и ничего тут нельзя изменить. Словом, они полагают, что задолго до того, как вы подойдете к Божьей точке зрения, всякое различие между добром и злом исчезнет без следа. Мы называем рак злом, говорят они, потому что он убивает человека; но с таким же успехом можно назвать злом успешную операцию - ведь она убивает рак. Все зависит от точки зрения.

Другое, противоположное, мнение состоит в том, что Бог, без всяких сомнений, - добрый и праведный. Ему не безразлично, какую сторону принять. Он любит любовь, ненавидит ненависть и хочет, чтобы мы вели себя так, а не иначе. Первое из этих двух представлений - Бог за пределами добра и зла - называется пантеизмом. Его придерживался великий прусский философ Гегель; его разделяют, насколько я понимаю, и индусы. Противоположный взгляд на Бога присущ иудеям, мусульманам, христианам.

За различием между пантеизмом и христианством следует обычно другое. Пантеисты, как правило, верят, что Бог так сказать, одушевляет Вселенную, как вы одушевляете свое тело; что Вселенная и есть почти то же самое, что Бог, и потому, если бы ее не было, не было бы и Его, а все, что находится во Вселенной - часть Бога. Христианство думает совершенно иначе. Христиане считают, что Бог задумал и создал Вселенную, как человек создает картину или мелодию. Картина - не то же самое, что художник, и художник не умрет, если его картины уничтожить. Вы можете сказать: "Он вложил часть самого себя в эту картину", но, говоря так, вы лишь подразумеваете, что вся красота ее и смысл зародились у него в голове. Мастерство, отразившееся в картине, не принадлежит ей в том же смысле, в какой оно присуще его голове и рукам.

Я надеюсь, теперь вы видите, как одно различие между пантеизмом и христианством неизбежно влечет за собой другое. Если вы не принимаете всерьез различия между добром и злом, то очень легко придете к выводу, что все во Вселенной - часть Бога. Если же вы считаете, что некоторые дела и вещи действительно плохи, между тем как Бог плохим быть не может, такая точка зрения неприемлема для вас. Вы должны верить, что Бог и мир - не одно и то же и некоторые вещи, существующие в мире, противоречат Его

воле. О раке или трущобах пантеист может сказать: "Если бы вы могли видеть с Божьей точки зрения, вы бы поняли, что и это - Бог". Христианин ответит: "Что за мерзкая чушь!" Ведь христианство - религия воинствующая. Христианство считает, что Бог сотворил мир - пространство и время, жар и холод, все цвета и все вкусовые ощущения, всех животных и все растения - и все это Он придумал, как писатель придумывает сюжет. Но христианство, кроме того, считает: очень многое из того, что Бог сотворил, свернуло с пути, Им предназначенного, и Бог настаивает, очень решительно, чтобы именно мы вернули заблудшее на правильный путь. Конечно, тут встает очень серьезный вопрос. Если мир действительно сотворен добрым, справедливым Богом, почему он свернул на неправильный путь? Много лет я просто отказывался слушать, что отвечали христиане, потому что рассуждал так: "Что бы вы ни говорили, к каким бы доводам ни прибегали, не проще и не легче ли просто признать, что мир не создан разумной силой? А может, все ваши аргументы - просто сложная попытка уйти от очевидного?" И тут я столкнулся с другой трудностью.

Мой довод против существования Бога сводился к тому, что Вселенная казалась мне слишком жестокой и несправедливой. Однако как пришла мне в голову сама идея *справедливости* и *несправедливости*? Человек не станет называть линию кривой, если не имеет представления о прямой. С чем сравнивал я Вселенную, когда называл ее несправедливой? Если все на свете, от "А" до "Я", плохо и бессмысленно, то почему я сам, частица этого "всего", так пылко возмущаюсь? Человек чувствует себя мокрым, когда падает в воду, потому что он - не водяное животное; рыба себя мокрой не чувствует. Я, конечно, мог бы отказать в объективной значимости моему чувству справедливости, сказав себе, что это - лишь мое чувство. Но если бы я сделал так, рухнул бы и мой аргумент против Бога, потому что он зиждется на том, что мир несправедлив на самом деле, а не с моей точки зрения. Таким образом, сама попытка доказать, что Бога нет, - иными словами, что вся объективная реальность лишена смысла, - вынуждала меня допустить, что по крайней мере какая-то часть объективной реальности, моя идея справедливости, смысл имеет. Следовательно, атеизм оборачивается крайне примитивной идеей. Ведь если бы Вселенная не имела смысла, мы бы никогда не смогли этого обнаружить; точно так, как если бы в ней не было света и, следовательно, существ с глазами, мы бы никогда не обнаружили, что нас окружает тьма.

2. Вторжение

Итак, атеизм слишком примитивен. Но я укажу вам на другую примитивную идею. Я называю ее "христианством на водичке". Согласно этой идее, где-то в небе живет хороший, добрый Бог и все идет как надо. Трудным и страшным доктринам о грехе и аде, о дьяволе и искуплении просто не придают значения. Искать простую религию - бессмысленно. В конце концов, простых вещей нет. Иногда они выглядят простыми - например, стол, за которым я сижу; но спросите ученого, из чего этот стол сделан, - обо всех этих атомах, о световых волнах, которые ударяют в мой глаз, воздействуя на оптический нерв и на мозг. Тогда вы увидите, что процесс, который мы описываем в двух словах - "видеть стол", представляет сплетение таинственных явлений, сложных настолько, что вы едва ли когда-нибудь сможете проникнуть в них до конца. Когда ребенок произносит молитву, это выглядит очень просто. Если вас это вполне удовлетворяет и вы готовы поставить на этом точку - прекрасно. Однако если вы не можете на этом остановиться - а современный мир обычно ни на чем и ни перед чем не останавливается так легко, - если вы хотите идти дальше и спрашиваете, что же происходит на самом деле, приготовьтесь к трудностям. Если мы ищем чего-то большего, чем самое простое, глупо жаловаться, что "больше" - не просто.

Очень часто, однако, в такие глупые рассуждения пускаются совсем неглупые люди, желая, сознательно или бессознательно, подорвать христианство. Обычно они берут одну из версий христианства, рассчитанную на шестилетнего ребенка, и нападают на нее. Когда же вы стараетесь разъяснить им христианскую доктрину в том виде, в каком ее исповедуют образованные взрослые люди, они начинают жаловаться, что от вас голова

идет кругом, что все это слишком сложно и, если бы Бог действительно был, Он, несомненно, сделал бы религию "простой": ведь простота так прекрасна.

С такими людьми надо быть поосторожней, они каждую минуту меняют тему и лишь отнимают у вас время. Обратите внимание, "Бог сделал бы " религию простой, как буд то религия - это что-то такое, что Бог изобрел, а не Его откровение нам о совершенно неизменных фактах и о Его собственной природе.

Объективная реальность отличается не только сложностью; она, по моим наблюдениям, нередко выглядит странно. Она какая-то нескладная, неясная, словом - не такая, как нам хотелось бы.

Например, когда вы постигли, что Земля и другие планеты вращаются вокруг Солнца, у вас, естественно, возникает предположение, что все планеты созданы по одному и тому же принципу - на равном расстоянии друг от друга, к примеру, или на расстоянии, равномерно увеличивающемся; что все они одинакового размера, либо увеличиваются или уменьшаются по мере удаления от Солнца. В действительности же вы не находите ни ритма, ни смысла (понятного вам) ни в размерах планет, ни в расстояниях между ними; у некоторых - по одному спутнику, у одной - четыре, у другой - два, у нескольких - ни одного, а одна из планет окружена кольцом.

Итак, объективная реальность таит в себе загадки, разгадать которые мы не в силах. Вот одна из причин, почему я пришел к христианству. Эту религию вы не могли бы придумать. Если бы христианство предлагало вам такое объяснение Вселенной, какого мы и ожидали, я бы посчитал, что мы сами его изобрели. Но, право же, не похоже оно на чье-то изобретение. *Христианству свойствен тот странный изгиб, который есть у реальных, объективно существующих вещей*. Так что отрешимся от детской философии, от этого пристрастия к простым ответам. Проблема, с которой мы имеем дело, непроста и ждать простого ответа не приходится.

К чему же сводится эта проблема? Очевидно, к тому, что во Вселенной много явно плохого и бессмысленного, но в ней есть существа, мы сами, которые об этом знают. Известны лишь две точки зрения на сочетание этих фактов. Одна из них - христианская - говорит, что это хороший мир, сбившийся на не верный путь, однако сохраняющий в памяти тот путь, каким он должен был идти. Вторая точка зрения - так называемый дуализм - предполагает, что за всем стоят две равноценные и независимые силы - добро и зло и наша Вселенная - поле битвы, на котором они ведут нескончаемую войну. Я лично считаю, что, после христианства, дуализм - самая человеческая и разумная гипотеза. Но в ней есть одно слабое место. Эти две силы, или два духа, или два бога - добрый и злой - абсолютно независимы. Оба они извечны. Ни один из них не создавал другого, ни у одного нет преимущественного права называться Богом. Каждый из них, очевидно, считает себя хорошим, а другого плохим. Один любит ненависть и жестокость, другой - любовь и милосердие, и каждый держится своей точки зрения. Что же имеем в виду мы, когда называем одного из них силою добра, а другого - силою зла? Мы либо почему-то предпочитаем одну из этих сил другой - как можем, например, предпочитать пиво сидру - либо подразумеваем: что бы эти силы ни думали о себе и что бы мы, люди, ни думали о них, одна из них действительно неверна и несомненно ошибается, принимая себя за добро.

Если мы имеем в виду, что первая сила нам просто больше по вкусу, то мы вообще должны отказаться от разговора о добре и зле. "Добро" - это нечто такое, чему мы должны отдавать предпочтение, независимо от того, нравится ли это нам. Если бы "добро" было добром только по тому, что нам вздумалось принять его, оно не заслуживало бы своего названия. Значит, мы должны признать, что одна из этих двух сил - объективное "зло", а другая - объективное "добро".

Однако в тот самый момент, когда вы признаете это, вы добавляете к двум силам, действующим во Вселенной, третью - какой-то закон, или стандарт, или правило, с которым одна из них согласуется, а другая - нет. Но поскольку обе силы судятся им, то

этот стандарт или Существо, его установившее, оказывается вне наших двух сил, гораздо выше их обеих. Вот этот-то закон, или Существо, и будет истинным, настоящим Богом.

Фактически, называя силы, о которых идет речь, добром и злом, мы имеем в виду, что одна из них - в правильных отношениях с чем-то Истинным, высшим, а другая ему противится.

К этому же можно прийти и другим путем. Если дуализм верен, сила зла любит зло как таковое. Но мы не знаем никого, кто любил бы зло просто за то, что оно зло. На практике мы ближе всего подходим к силе зла в чистом виде, когда сталкиваемся с жестокостью. Люди проявляют жестокость по двум причинам: либо оттого, что они садисты, то есть - в силу своей извращенности получают удовольствие от чужих страданий, либо потому, что ценой жестокости они надеются что-то получить - деньги, власть, безопасность. Но деньги, удовольствия, власть, безопасность - сами по себе вещи хорошие. Зло начинается тогда, когда люди стараются приобрести их, прибегая к неправильным методам, к нечестному пути, либо - в чрезмерном количестве.

Люди, поступающие так, крайне испорчены; но не об этом речь. Я хочу сказать, что зло, если вы пристальнее всмотритесь в него, почти всегда окажется дурным путем к добрым целям. Вы можете быть хорошим ради самого добра, но не можете быть злым ради самого зла. Вы способны совершить хороший поступок и тогда, когда не испытываете прилива доброты, когда он доставляет вам удовольствие, просто по той причине, что делать добро - правильно. Но никто еще не совершал жестокого поступка только потому, что жестокость - неправильна. Люди бывают жестоки лишь тогда, когда это приносит им удовольствие или пользу. Иными словами, зло не может преуспевать от того, что оно зло, тогда как добро может преуспевать в силу того, что оно добро. Добро, так сказать, существует само по себе, а зло представляет собою испорченное добро. Прежде чем стать плохим, надо быть хорошим. Мы называем садизм половым извращением; но прежде чем стать извращенным, вы должны получить представление о нормальном половом влечении. Распознать извращение вы можете потому, что можете объяснить его, исходя из нормы; а вот объяснить нормальное, исходя из извращенного, вы не сможете.

Из этого следует, что представление о силе, которая равна силе добра и любит зло в такой же степени, в какой та любит добро, - не более чем мираж. Чтобы злая сила стала злой - ей необходимо сначала захотеть хорошего, а затем устремиться к нему неверными путями; ей надо ощутить побуждения, добрые в своей основе, чтобы извратить их. Но и стремление к добру, и добрые импульсы, которые она могла бы извратить, сила эта получит лишь от силы доброй. А если так, то злая сила не может быть независимой. Она - часть мира, в котором царит сила добрая, и сотворена либо ею, либо кем-то еще, стоящим над нами обеими.

Попытаемся несколько упростить это рассуждение. Чтобы совратиться, злая сила должна существовать и обладать разумом и волей. Но существование, разум и воля сами по себе - добро. Таким образом, сила эта должна получить все это от добра; даже для того, чтобы стать плохой, ей пришлось бы позаимствовать или украсть все необходимое у своей противницы. Стало ли вам яснее, почему христианство всегда говорило, что дьявол - это падший ангел? Это не просто сказка для детей. Это глубокая истина, свидетельствующая о том, что зло - паразит, а не что-то изначальное и самостоятельное. Силы оно черпает из добра. Все, что толкает плохого человека на активное зло, само по себе - не зло, а добро: решимость, ум, красота и, собственно, существование. Вот почему дуализм, если подойти к нему со строгой меркой, не срабатывает. Но я готов признать, что истинное христианство (в отличие от "христианства на водичке") гораздо ближе к дуализму, чем думают. Когда я впервые прочитал всерьез Новый Завет, меня особенно поразило, что там так много говорится о силе тьмы во Вселенной, о могучем злом духе, который стоит за смертью, болезнью и грехом. Однако по мнению христианства (в отличие от дуализма) сила эта создана Богом и вначале была доброй, лишь потом стала на неверный путь.

Христианство согласно с дуализмом, что Вселенная - в состоянии войны. о оно не считает, что это - война между независимыми силами. Оно утверждает, что война гражданская - и мы с вами живем в той части Вселенной, которую оккупировали мятежники.

Оккупированная территория - вот что такое этот мир. А христианство - рассказ о том, как на территорию эту сошел праведный царь, сошел, можно сказать, инкогнито и призвал нас к саботажу. Когда вы идете в церковь, вы на самом деле принимаете секретные сообщения от друзей по радиопередатчику. Вот почему враг так настойчиво старается вам помешать. Чтобы мы не ходили в церковь, он играет на вашем самомнении, лени, снобизме. Кто-нибудь, возможно, спросит меня: "Не хотите ли вы в наше просвещенное время вновь представить нам старого приятеля, дьявола, с рогами и копытами?" Я не знаю, при чем тут просвещенное время, и меня не особенно интересуют такие мелочи, как рога и копыта. Но в остальном я ответил бы: "Да, именно это я собираюсь сделать". Я не говорю, что мне что-либо известно о его внешности. Тому же, кто действительно хочет узнать его получше, я скажу: "Не беспокойтесь. Если вы в самом деле хотите познакомиться с ним поближе, то непременно познакомитесь. Понравится ли вам это - другой вопрос".

3. Поразительная альтернатива

Христиане, таким образом, верят, что сила зла стала князем этого мира. И тут, конечно, возникают проблемы. Соответствует ли все это воле Бога? Если да, то Он - довольно странный Бог, скажете вы; если же зло воцарилось в мире вопреки Его воле, то как же что-то может происходить вопреки воле Того, Кто обладает абсолютной властью?

Однако всякий человек, который был хоть когда-то наделен властью, знает, что некоторые вещи могут, с одной стороны, соответствовать вашей воле, а с другой - не соответствовать. Мать, например, может сказать своим детям: "Я не собираюсь каждый вечер убирать вашу комнату. Учитесь держать ее в порядке сами". Однажды вечером она заходит в детскую и видит, что плюшевый мишка, чернильница и французский учебник свалены вместе. Это противоречит ее воле, она предпочла бы, чтобы дети были аккуратными. С другой стороны, воля ее и была в том, чтобы привить детям самостоятельность; однако это значит, что они могут выбирать. Такие же ситуации возникают при любой системе правления, на службе, в школе. Вы объявляете какую-то обязанность добровольной - и половина людей ее не выполняет. Это не согласуется с вашей волей, но именно по вашей воле стало возможным.

Может быть, то же происходит и во Вселенной. Некоторые создания Свои Бог наделил свободной волей. Это значит, что они могут выбирать верный или неверный путь. Некоторым кажется, что можно придумать существо, которое было бы свободным, но не могло поступать неправильно. Я такое существо представить себе не могу. Если кто-то свободен делать добро, он свободен делать зло. Именно свободная воля сделала зло возможным. Почему же тогда Бог дал Своим созданиям свободу воли? Потому что без свободной воли невозможны истинная любовь, доброта, радость и все то, что ценно в мире.

Мир автоматов-роботов - существ, действующих, как машина, - едва ли стоил бы того, чтобы его создавать. Счастье, которое Бог приготовил для Своих высших созданий, - счастье свободно соединиться с Ним и друг с другом в любви и восхищении, так прекрасно, что в сравнении с ним самая возвышенная любовь между мужчиной и женщиной - просто разбавленное молоко. Но для этого создания должны быть свободными.

Бог, конечно, знал, что произойдет, если они воспользуются своей свободой неверно, но, очевидно, считал, что задуманное стоит риска. Мы не очень склонны согласиться с Ним; но Богу противиться трудно. Он источник, из которого вы черпаете всю силу ваших доводов. Вы не можете быть правы, а Он - неправ точно так же, как поток не может подняться выше своего источника. Оспаривая Его решения, вы выступаете против той силы, которая наделяет вас самой способностью спорить; рубите ветку, на которой сидите. Если Бог считает, что война во Вселенной - не слишком высокая плата за свободу воли, и поэтому сотворил мир, в котором Его создания могут выбирать между добром и злом, а не игрушечный мир марионеток, - значит, свободная воля этого стоит. Только в мире, основанном на свободном выборе между добром и злом, может происходить что-то значительное. Когда мы понимаем, *что* такое свобода воли, глупым представляется

вопрос, который мне как-то задали: "Почему Бог создал человека из такого гнилого материала?" Чем лучше материал, из которого творение создано, чем оно умнее, сильнее и свободнее - тем лучше оно будет, если направится по правильному пути, и тем хуже, избрав путь неправильный. Корова не может быть очень хорошей или очень плохой; собака может быть и лучше и хуже; в большей степени лучше или хуже ребенок; в еще большей степени - обыкновенный взрослый человек, и в еще большей - человек гениальный. Сверхчеловеческий же дух может быть либо наихудшим, либо наилучшим, из всего, что есть.

Как это произошло, что свободная воля направилась по неверному пути? Конечно, ответить на такой вопрос сколько-нибудь определенно люди не могут. Можно, однако, предположить разумную (и общепринятую) догадку, которая основывается на нашем личном опыте.

В тот самый миг, когда в вас проявляется ваше "я", возникает возможность, что вы захотите поставить его на первое место, пожелаете стать центром, то есть фактически - Богом. В этом и состоял грех сатаны, и этим грехом он заразил человеческий род. Некоторые считают, что наше падение как-то связано с полом. Но это ошибка. (Повествование книги Бытия скорее наводит на мысль о том, что разложение как-то коснулось пола и было результатом, а не причиной падения.)

Сатана внушил нашим далеким предкам, что они могут стать "как боги" (1), - могут устроить все по-своему, словно сотворили себя сами; что человек может быть сам себе хозяин и изобрести для себя какое-то счастье, от Бога независимое. Из этой безнадежной попытки произошло почти все то, что определило нашу историю, - деньги, нищета, тщеславие, войны, проституция, классы, империи, рабство; долгую и ужасную историю людей, пытающихся найти счастье, минуя Бога.

Поиски эти безнадежны, и вот почему. Бог создал нас, изобрел нас, как человек изобретает машину. Топливо для нее - бензин, и при той конструкции, какая у нее есть, она не станет работать на другом топливе. Человечество же Бог сконструировал так, чтобы энергию, необходимую для нормальной жизни, человек черпал от Самого Бога. Бог - горючее, на которое рассчитан наш дух; пища, которая ему необходима. Вот почему незачем просить Бога, чтобы Он сделал нас счастливыми по нашему вкусу, не обременяя никакой религией. Бог не может дать нам счастье и мир без Него Самого, потому что без Него счастья и мира просто нет.

И в этом - ключ к истории. Тратится гигантская энергия, возникают цивилизации, создаются отличные, благородные объединения, но всякий раз что-то идет не так, как надо. Из-за какого-то фатального дефекта наверху оказываются эгоистичные и жестокие люди, все снова рушится и скатывается вниз, к бедствию и отчаянию. Машина глохнет. Она заводится как будто бы легко, пробегает несколько метров - и ломается. Люди хотят, чтобы она работала на плохом бензине. Вот что сделал с нами, людьми, сатана.

А что сделал Бог? Прежде всего, Он оставил нам совесть, и мы понимаем, что правильно, что неправильно. На протяжении всей истории были люди, которые старались, подчас - очень упорно, слушаться голоса совести. Ни один из них не преуспел полностью.

Во-вторых, Он послал человеческому роду то, что я называю светлыми мечтами. Я имею в виду те странные истории (они есть почти во всех языческих религиях), в которых рассказывается о каком-то божестве, который умирает и снова воскресает и своей смертью как-то дает людям новую жизнь.

В-третьих, Он избрал один особый народ и несколько столетий вколачивал в головы избранных Им людей, что Он - единственный Бог и для Него очень важно, чтобы люди вели себя правильно. Этим особым народом были евреи, и Ветхий завет подробно все это описывает.

А потом люди испытали настоящее потрясение. Из среды этих евреев внезапно вышел человек, который говорил так, как будто он сам и есть Бог. Он говорил, что может

прощать грехи. Он говорил, что был всегда. Он говорил, что придет судить мир, когда настанет время.

Здесь нужно объяснение. Среди пантеистов, таких, как, например, индусы, каждый может сказать, что он - часть Бога или един с Богом; в этом не будет ничего удивительного. Но Тот Человек исповедовал не пантеизм, а иудаизм и не мог иметь в виду такого бога. Бог, в понимании евреев, - вне мира; Он сотворил этот мир и бесконечно отличается от чего бы то ни было. Когда вы постигнете это в полной мере, вы почувствуете: то, что говорил Тот Человек, поразительнее всего, что когда-либо говорилось.

Часть Его слов проскальзывает мимо наших ушей - мы слышали их так часто, что перестали понимать, какой высоты звучания они достигают. Я имею в виду слова о прощении грехов, любых грехов. Если это не исходит от Бога, это нелепо и смешно. Мы можем понять, как человек прощает оскорбления и обиды, причиненные ему самому. Вы наступили мне на ногу, и я вам это прощаю; вы украли у меня деньги, и я вам прощаю. Но как быть с человеком, которого никто не тронул и не ограбил, а он прощает вас за то, что вы наступали на ноги другим и крали у них деньги? Такое поведение показалось бы нам очень глупым. Однако именно так поступал Иисус. Он говорил людям, что их грехи прощены, и никогда не советовался с теми, кому эти грехи повредили. Он без колебаний вел Себя так, словно это Его обидели, против Него совершили беззаконие. Это имело бы смысл только в том случае, если Он в самом деле Бог, Чьи законы попорчены, любовь - оскорблена каждым совершенным грехом. В устах любого другого эти слова свидетельствовали бы лишь о глупости и мании величия, которым нет равных во всей человеческой истории.

Однако (и это удивительно) даже Его врагам, когда они читают Евангелие, не кажется, что Он глуп или горд; тем более - читателям, не настроенным предвзято. Христос говорит, что Он "смирен и кроток"(2), и мы верим Ему, не замечая, что смирение и кротость едва ли присущи человеку, говорящему то, что говорил Он. Я сказал все это, чтобы предотвратить воистину глупое замечание: "Готов признать, что Иисус - великий учитель нравственности, но никогда не приму Его претензий на то, что Он Бог". Простой смертный, который утверждал бы такое, - не великий учитель нравственности, а либо сумасшедший, вроде тех, кто считает себя Наполеоном, либо сам дьявол. Альтернативы быть не может: либо это - Сын Божий, либо сумасшедший или кто-то еще похуже. И вы должны сделать выбор: можете отвернуться от Него как от ненормального и не обращать на Него внимания; можете убить Его как дьявола; иначе вам остается пасть перед Ним и признать Его Господом и Богом. Только отрешитесь, пожалуйста, от этой высокомерной бессмыслицы, будто Он - великий учитель-гуманист. Он не дает нам возможности так думать.

4. Совершенный кающийся

Итак, мы стоим перед довольно страшной альтернативой. Иисус - либо именно то, что Он о Себе говорит, либо - сумасшедший, маньяк или кое-кто похуже. Мне совершенно ясно, что ни сумасшедшим, ни бесом Он не был. Следовательно, сколь невероятным и ужасным ни казалось бы, я вынужден признать, что Он - Бог. Бог сошел на оккупированную землю в образе человека.

С какой же целью? Ради какого дела? Ну конечно, ради того, чтобы учить. Однако когда вы откроете Новый Завет или любую христианскую книгу, вы обнаружите, что в них постоянно говорится о чем-то другом, а именно - о Его смерти и воскресении. Совершенно очевидно, что христианам это представляется самым важным. Они считают, что главная Его цель на земле - пострадать и умереть.

До того как я стал христианином, мне казалось, что христиане должны прежде всего верить в некую теорию о смысле Его смерти. Согласно ей, Бог хотел наказать людей за то, что они оставили Его и стали на сторону мятежника, но Христос добровольно вызвался понести за них наказание, чтобы Бог их простил. Должен признаться, что даже эта теория

больше не кажется мне такой безнравственной и глупой, как казалась прежде. Но не в этом дело. Позднее я увидел, что ни эта, ни иная теория не выражает сути христианства.

Сердцевина христианской веры - в том, что смерть Христа каким-то образом оправдала нас в глазах Бога и дала нам возможность начать сначала. Как это случилось, вопрос другой, тут немало соображений. Но с тем, что это верно, согласны все христиане. Я скажу вам, что я сам думаю.

Все разумные люди знают, что, если вы устали и проголодались, хороший обед пойдет вам на пользу. Обед этот - не то же самое, что теория о питании, обо всех этих витаминах и протеинах. Люди ели и чувствовали себя от этого лучше задолго до появления теорий, и если теории когда-нибудь забудут, это не помешает людям по-прежнему обедать. Теории о смерти Христа - не христианство, они лишь пытаются объяснить механизм его действия. О степени их важности не все христиане думают одинаково. Моя, англиканская, церковь не настаивает ни на одной из них. Католическая церковь идет немного дальше. Я думаю, все согласны с тем, что суть безгранично важнее, чем любое объяснение, и ни одно объяснение не может претендовать на исчерпывающую полноту. Как я сказал в предисловии, я - рядовой верующий, а вопрос этот заводит нас слишком далеко. Я повторяю, что могу лишь изложить вам свою точку зрения.

Согласно ей, то, что вас просят принять, - не теории. Многие из вас, без сомнения, читали работы Джинса или Эддингтона. Когда они хотят объяснить атом или что-нибудь подобное, они просто дают вам описание, чтобы у вас возник мысленный образ. Но затем они предупреждают вас, что на самом деле этот образ - не то, во что действительно верят ученые, а верят они в математическую формулу. Иллюстрации даются для того, чтобы вы эту формулу поняли. Фактически они неверны в том смысле, в каком верны формулы. Они не отражают реальности, только дают какое-то приближенное представление о ней. Их цель - в том, чтобы помочь вам, и, если они вам не помогают, вы можете их отбросить. Самую сущность атома не передать в картинках, ее можно выразить лишь в математических формулах.

То же самое и с христианством. Мы верим, что смерть Христова - та точка в человеческой истории, когда нечто, принадлежащее иному миру и не поддающееся нашему воображению, проявило себя в нашем с вами мире. Если мы не можем изобразить атомы, слагающие этот наш мир, то, уж конечно, не нарисуем в своем воображении, что же произошло во время смерти и воскресения Христа. Более того, если бы мы обнаружили, что полностью сумели все понять, то это свидетельствовало бы, что данное событие - совсем не то, за что оно себя выдает, недостижимое, нерукотворное, лежащее над природой вещей и пронизывающее эту природу, как молния.

Вы скажете: "А какая нам польза, если мы все равно ничего не поймем?" На этот вопрос легко ответить. Человек может съесть обед, не понимая, как организм усваивает питательные вещества. Человек может принять то, что сделал Христос, не понимая, как дело Христа работает в нем. И уж точно, он не сможет даже приблизительно этого понять, пока не примет Его.

Нам сказано, что Христос распят за нас, что Его смерть омыла наши грехи и что умерев Он вырвал у смерти ее "жало". Это - формула. Это - христианство. В это надо верить. Любые теории о том, как смерть Христа сделала все это, с моей точки зрения, - вторичны; они - лишь чертежи и диаграммы, от которых можно без ущерба отказаться, если они нам не помогают, и, даже если помогают, их не надо путать с той сутью, которой они служат. Однако некоторые из этих теорий заслуживают того, чтобы мы их рассмотрели.

Чаще всего мы слышим, что Бог помиловал нас, потому что Христос добровольно вызвался понести за нас наказание. На первый взгляд эта теория крайне глупа. Если Бог готов был помиловать нас, почему Он так и не сделал? Какой смысл наказывать невинного за чужую вину? Если рассматривать дело с точки зрения нашей юридической системы, никакого смысла в этом нет. Но взглянем с иной точки зрения и мы увидим: имеющий средства выплачивает долг за неплатежеспособного должника.

Или другой пример: человек попадает в беду по своей вине и расплачивается, но не в узком, денежном, а в более общем смысле слова. Кто извлечет его из пропасти, как не добрый друг?

В какую же пропасть попал человек по своей вине? Почему он попал в нее? Он попытался устроить все по-своему, вести себя так, словно никому, кроме самого себя, не принадлежит. Иными словами, падший человек - это не просто несовершенное существо, которое надо исправить и улучшить; это мятежник, который должен сложить оружие. Сложить оружие, сдаться, попросить прощения, признать, что мы отклонились от правильного пути, начать заново - вот единственный выход из нашей пропасти. Именно это признание, безоговорочную капитуляцию, полный ход назад называют христиане покаянием. Процесс этот - не из приятных. Он посложнее, чем просто смириться со своим положением. Покаяться - значит отречься от самомнения и своеволия, которые мы пестуем в себе на протяжении тысячелетий. Покаяться - значит убить часть самого себя, пережить какое-то подобие смерти. Надо быть действительно хорошим человеком, чтобы к этому прийти. И здесь нас ждет затруднение. Только плохой человек нуждается в покаянии; только хороший человек может покаяться по-настоящему. Чем вы хуже, тем больше нуждаетесь в покаянии, тем меньше склонны к нему. Только совершенный человек может прийти к совершенному покаянию; но такой человек в покаянии не нуждается.

Запомните, что покаяния, этого добровольного смирения, своего рода смерти - Бог требует от вас прежде, чем примет вас обратно. Говоря о покаянии, я лишь описываю вам, что значит вернуться к Богу. Если вы просите Бога принять вас обратно без всего этого - вы просите Его позволить вам вернуться, не возвращаясь. Такого не бывает.

Итак, мы должны пройти через покаяние. Но то зло в нас, из-за которого покаяние необходимо, в то же самое время лишает нас способности к покаянию. Можем ли мы разрешить эту проблему, если Бог поможет нам? Да, но как мы понимаем тут Божью помощь? Очевидно, мы имеем в виду, что Бог, чтобы помочь нам, вкладывает в нас, так сказать, частицу Самого Себя. Он одалживает нам немного Своей разумности, и мы начнем думать; Он вложит в нас немного Своей любви, и мы в состоянии любить друг друга. Когда вы учите ребенка писать, вы держите его руку, выводя буквы вместе с ним: его рука чертит буквы, потому что вы их чертите. Мы любим и мыслим, потому что Бог любит и мыслит, держит в Своей руке нашу руку. Если бы мы с вами не пали, все шло бы спокойно. Но, к сожалению, сейчас надо, чтобы Бог нам помог в таком деле, которое Ему, Богу, чуждо - сдаться, подчиниться, пострадать, умереть. В Божьей природе нет ничего, что соответствовало бы этому. Путь, на котором нам больше всего необходимо Божье руководство, - такой, по которому Бог никогда не ходил. Бог может поделиться только тем, что у Него есть. Того, что требуется для нас, в Его природе нет.

Теперь предположим, что Бог стал человеком; предположим, наша человеческая природа, которая способна страдать и умирать, слилась с Божьей природой в одной личности. Такая личность сумела бы помочь нам. Богочеловек сумел бы подчинить Свою волю, сумел бы пострадать и умереть, потому что Он - человек; все Он выполнил бы в совершенстве, потому что Он - Бог. Мы с вами можем пройти через это лишь в том случае, если Бог совершит его внутри нас; но совершить это Бог может, только став человеком. Наши попытки пройти через смерть будут успешны лишь тогда, когда мы, люди, примем участие в смерти Бога, точно так же, как наш ум плодотворен только благодаря тому что он - капля из океана Его разума. Но мы не можем принять участия в смерти Бога, если Он не умер; а Он не может умереть, если не станет человеком. Вот в каком смысле Он платит наши долги и страдает вместо нас за то, за что Ему совсем не нужно было страдать.

Я слышал, как некоторые жаловались: если Христос был Богом в такой же степени, в какой был Человеком, Его страдания и смерть теряют ценность, потому что, говорят они, "это для Него легко и просто". Другие (и совершенно справедливо) осудят такую неблагодарность. Однако меня поражает то, о чем она свидетельствует. С одной стороны, люди, говорящие так, по-своему правы. Возможно, они даже недооценивают силу своего

довода. Совершенное подчинение, совершенное страдание, совершенная смерть не только были легче для Христа, потому что Он - Бог; они и возможны-то были потому, что Он - Бог. Тем не менее, не правда ли, странно не принимать из-за этого Его смирения, страданий и смерти? Учитель способен написать буквы для ребенка, потому что учитель - взрослый человек и умеет писать. Конечно, ему легко написать эти буквы; только поэтому он и может помочь ребенку. Если ребенок отвергнет его помощь на том основании, что "взрослым это легче", и будет ожидать, чтобы его научил другой ребенок, который сам писать не умеет (то есть лишен "несправедливого преимущества"), дело пойдет не очень-то быстро. Если я тону в быстром потоке, человек, стоящий одной ногой на берегу, может протянуть мне руку и это спасает мне жизнь. Стану ли я возмущаться и кричать, судорожно глотая воздух: "Нет, это несправедливо! У вас есть преимущество! Вы одной ногой стоите на земле!"? Это преимущество - называйте его "несправедливым", если хотите, - единственное условие, при котором он может оказать мне помощь. Если вам нужна помощь, не будете ли вы взывать о ней к тому, кто сильнее вас?

В этом и состоит мой собственный взгляд на то, что христиане называют искуплением. Однако не забудьте, что это всего-навсего еще одна иллюстрация. Не путайте ее, пожалуйста, с самим искуплением. Если мой пример, моя иллюстрация не помогают вам, отбросьте их не колеблясь.

5. Практическое заключение

Христос прошел через совершенную капитуляцию и совершенное смирение; они были совершенными, потому что Он - Бог; они были капитуляцией и смирением, потому что Он был Человеком. Христианская вера полагает, что, если мы каким-то образом разделим смирение и страдания Христа, мы станем соучастниками Его победы над смертью и обретем новую жизнь, когда умрем. В этой новой жизни мы будем совершенными и совершенно счастливыми. Все это, однако, предполагает нечто большее, чем попытку следовать Его учению. Люди часто спрашивают, когда же наступит следующий этап эволюции, возникнет новое существо, стоящее гораздо выше человека. С христианской точки зрения, он уже наступил. Новый вид человека возник во Христе; новая форма жизни, которая началась в Нем, должна быть заложена в нас.

Как же получить эту новую жизнь? Вспомните, прежде всего, как мы с вами получили нашу жизнь в ее обыкновенной форме. Мы унаследовали ее от других, от нашего отца и матери и всех наших предков, без нашего согласия, посредством очень любопытного процесса, который включает в себя удовольствие, боль и опасность. Такой процесс вы никогда бы не сумели выдумать сами. В детстве многие из нас долго стараются разгадать его.

Некоторые дети, когда им впервые рассказывают об этом, отказываются верить, и я не могу их осуждать, процесс действительно очень странный. Тот самый Бог, Который его выдумал, выдумал и то, как распространяется новая жизнь, жизнь во Христе; и мы должны быть готовы к тому, что это тоже странный процесс. Бог не советовался с нами, когда изобретал пути спасения.

Три вещи переносят в нас жизнь Христа: крещение, вера и таинство, которое разные христиане называют по-разному - святое причастие, преломление хлеба. По крайней мере, эти три вещи обычны. Могут быть особые случаи, когда Христос и Его жизнь распространяются без одного (или двух, или трех) из этих актов. У меня недостаточно времени, чтобы углубиться в эти случаи, к тому же я плохо их знаю. Когда вы стараетесь наскоро объяснить человеку, как добраться до Эдинбурга, вы посоветуете ему сесть в поезд. Он может, правда, добраться туда пароходом или самолетом, но вы едва ли станете о них упоминать. Вот и я не говорю, какая из трех вещей - самая существенная. Мой друг методист захочет, чтобы я больше сказал о вере и меньше - о двух остальных. Но я не стану в это вдаваться. Любой человек, который научит вас христианской доктрине, скажет вам, чтобы вы прибегли ко всем трем. И этого в данный момент для нас совершенно достаточно.

Сам я не вижу, каким образом эти три вещи проводят новую жизнь. Но и постигнуть связь между физическим удовольствием и появлением нового человека тоже непросто. Нам остается принимать действительность такой, какая она есть. Нет смысла без конца рассуждать о том, какой она должна быть или чего мы могли бы от нее ожидать. Хотя я не вижу, почему это должно быть так, я могу сказать вам, почему я верю, что это действительно так. Я уже объяснил, почему мне приходится верить, что Христос был Богом (и есть). Здесь тоже исторический факт - Он учил Своих последователей, что новая жизнь передается именно этим путем. Иными словами, я верю в это, полагаясь на Его авторитет. Не пугайтесь, пожалуйста, слова "авторитет". Полагаться на чей-то авторитет - значит верить во что-то, потому что вам сказал о нем тот, кого вы считаете достойным доверия. Девяносто девять процентов того, чему вы верите, основано на доверии к авторитету.

Я верю, что существует такое место, как Нью-Йорк. Сам я его не видел и не могу доказать его существование с помощью абстрактных доводов. Но я верю в это, потому что слышал от людей, достойных доверия. Обыкновенный человек верит в солнечную систему, атомы, эволюцию и кровообращение, полагаясь на слова ученых, на их авторитет. Да и все решительно сведения из истории мы берем у историков, которым доверяем. Никто из нас не видел норманнских завоеваний или битвы при Ватерлоо. Никто из нас не может доказать их чисто логически, как доказываются теоремы. Мы верим в эти факты просто потому, что люди, их видевшие, оставили нам свои записи; иными словами, мы верим в них, полагаясь на авторитет этих записей и их авторов. Человеку, который стал бы в других областях оспаривать авторитеты, как оспаривают и отвергают их в религии, пришлось бы до конца своих дней остаться невеждой.

Не думайте, пожалуйста, что я ратую за крещение, веру и причастие, ибо считаю, что с ними уже не надо подражать Христу. Вы получили вашу естественную жизнь от родителей. Это не значит, что она останется при вас, если вы постараетесь удержать ее. Вы можете потерять ее по беспечности или лишиться ее, совершив самоубийство. Вы должны питать вашу жизнь, бережно относиться к ней. Но помните при этом, что вы не создаете, а только сохраняете то, что получили от другого. Только так же христианин может потерять жизнь Христову, если не будет делать определенных усилий, чтобы сохранить ее. Но и самый лучший христианин из когда-либо живших на земле лишь питает и защищает то, что он не сумел бы получить собственным усилием. Из этого вытекают практические выводы. Пока ваша естественная жизнь пребывает в вашем теле, она способствует поддержанию и восстановлению его нормальных функций. Порезьтесь - и порезанное место заживет; если тело мертво, этого не случится. Живое тело подвержено повреждениям, но до известной степени оно способно себя ремонтировать. Так и христианин - не человек, который никогда не поступает неправильно, а человек, который способен раскаиваться, собираться с духом и начинать все заново, потому что внутри него действует жизнь Христова. Она-то и восстанавливает ("ремонтирует") его, давая ему способность вновь и вновь (до известной степени, конечно) проходить через ту добровольную смерть, через которую прошел Сам Христос.

Вот почему христиане отличаются от прочих людей, старающихся быть хорошими. Эти люди своими стараниями надеются угодить Богу, если Он есть. Если же, по их мнению, Его нет, они, по крайней мере, надеются заслужить одобрение других хороших людей. Христианин же считает: все хорошее, что он делает, исходит от Христовой жизни, обитающей в нем. Он не думает, что Бог будет любить нас, потому что мы хорошие, - нет, Бог сделает вас хорошими, потому что любит нас. Крыша теплицы не притягивает солнца из-за того, что она блестит; она блестит оттого, что на нее падают солнечные лучи.

Позвольте мне пояснить кое-что еще. Когда христиане говорят, что в них Христова жизнь, они не подразумевают чего-то умственного или нравственного. Когда они говорят, что они - "во Христе" или Христос - "в них", это не значит, что они просто думают о Христе или стараются Ему подражать. Они имеют в виду, что Христос в самом деле действует через них; что все христиане, вместе представляют собою единый организм, через который действует Христос; что мы Его пальцы, мускулы, клетки Его тела.

Возможно, это объяснит одну или две вещи. Почему новая жизнь передается не только через что-то умственное, душевные акты, скажем - веру, но и через то, во что мы включены телесно, через крещение и причастие? Все эти действия не только передают идею; скорее это напоминает эволюцию, некий биологический или сверхбиологический факт. Сделать человека существом чисто духовным Бог никогда не намеревался. Вот почему Он использует такие материальные вещи, как хлеб и вино, чтобы вложить в нас новую жизнь. Нам может это показаться примитивным и недуховным, но Бог так не считает. Он изобрел еду. Он любит материю, Он изобрел ее.

Для меня было загадкой еще одно. Как-то несправедливо, что этой новой жизнью наделяются только те, кто имел возможность услышать о Христе и поверить в Него. Однако Бог не сказал нам, что Он сделает с остальными. Мы знаем, что человек может спастись только через Христа, но нам не сказано, что только те, кто Его знают, могут спастись через Него. Так или иначе, если вас волнует судьба тех, кто остается за бортом, неразумнее всего оставаться там самому.

Христиане - это тело Христа, организм, через который Он действует. Всякое прибавление к Его телу позволяет Ему делать больше. Если вы хотите помочь тем, кто за бортом, вы должны прибавить свою собственную маленькую клетку к телу Христа, Который Один во всей Вселенной способен помочь им. Если мы хотим увеличить производительность труда, довольно странно отрезать пальцы на руке.

Другое возражение - в следующем. Почему Бог сходит на оккупированную территорию инкогнито и основывает своего рода тайное общество, чтобы одолеть дьявола? Почему Он не сходит в силе, чтобы ее завоевать? Может быть, Он недостаточно силен? Что ж, христиане считают, что Он и сойдет в силе, только мы не знаем, когда. Однако мы можем догадываться, почему Он медлит. Он хочет, чтобы мы стали на Его сторону добровольно. Я не думаю, что мы с вами отнеслись бы с большим уважением к тому французу, который прождал бы, пока армии союзных держав оккупируют Германию, и только тогда заявил бы, что он - на нашей стороне.

Бог завоеует этот мир. Но мне интересно, понимают ли те люди, которые просят у Бога открытого и прямого вмешательства в наши дела, что произойдет, когда это случится. Ведь это будет конец мира. Когда автор выходит на сцену, это значит, что спектакль окончен.

Бог собирается завоевать этот мир; но какая для вас будет польза говорить, что вы на Его стороне, тогда, когда на ваших глазах будет плавиться и исчезать Вселенная? Что-то, о чем вы никогда не задумывались, войдет в наш мир, сокрушая все на своем пути. Оно столь прекрасно для одних, ужасно - для других, что ни у кого уже не останется никакого выбора. На этот раз Бог придет не инкогнито, а в такой силе, что в каждом вызовет либо непреодолимую любовь, либо непреодолимый ужас. Но выбирать, на чьей вы стороне, будет слишком поздно. Бессмысленно говорить, что вы лучше ляжете, когда встать уже невозможно.

Это не будет время выбора; это будет время, когда нам станет ясно, чью сторону мы избрали, независимо от того, сознавали мы это или нет. Сейчас, сегодня, в этот самый миг, у нас еще есть возможность сделать правильный выбор. Бог медлит, чтобы предоставить ее нам. Но это не будет длиться вечно. Мы должны принять ее или отвергнуть.

Книга 3. ХРИСТИАНСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

1. Три части морали

Рассказывают об одном ученике, которого спросили, как он представляет себе Бога. Тот ответил, что, насколько он понимает, Бог - это "такая личность, которая постоянно следит, не живет ли кто в свое удовольствие, а когда он это заметит, то вмешивается, чтобы это прекратить". Боюсь, что именно в таком духе понимают многие люди слово "мораль"; то, что мешает нам получать удовольствие. На самом же деле моральные нормы - это инструкции, обеспечивающие правильную работу человеческой машины. Каждое из правил морали нацелено на то, чтобы предотвратить поломку, или перенапряжение, или трение. Вот почему на первый взгляд кажется, будто они постоянно вмешиваются в нашу жизнь и препятствуют проявлению наших природных склонностей.

Когда вы учитесь, как работать на какой-нибудь машине, инструктор то и дело поправляет вас: "Нет, не так, этого не делайте", потому что у вас постоянно возникает искушение попробовать или сделать то, что вам представляется естественным и удачным, а машина - сломается. Некоторые предпочитают говорить о нравственных "идеалах", а не о правилах морали, и о "нравственном идеализме" - вместо подчинения этим правилам. Конечно, моральное совершенство - это "идеал" в том смысле, что мы не можем его достичь. В этом смысле все, что совершенно, для нас, людей, - идеал; мы не можем стать совершенными водителями или совершенными теннисистами, мы не можем провести совершенно прямую линию. Но с другой точки зрения, называя моральное совершенство "идеалом", мы вводим людей в заблуждение. Когда человек говорит, что какая-то женщина, или дом, или корабль, или сад - его идеал, он не имеет в виду (если он не совсем дурак), что у всех остальных идеал должен быть тот же самый. Здесь у нас есть право на разные вкусы, значит - на разные идеалы. Но опасно называть идеалистом человека, изо всех сил старающегося соблюдать нравственный закон. Это может навести на мысль, что стремление к нравственному совершенству - дело его вкуса, мы, остальные, не обязаны этот вкус разделять. Такая мысль была бы поистине катастрофической.

Совершенное поведение, может быть, так же недостижимо, как совершенное переключение скоростей; но это - необходимый идеал, предписанный всем людям самой природой их машины, точно так же, как совершенное переключение скоростей - идеал для всех водителей, предписанный самой природой автомобиля. Еще опасней считать самого себя человеком высоких идеалов, оттого что вы стараетесь никогда не лгать (а не лгать лишь изредка) или никогда не прелюбодействовать (а не делать это пореже), или никогда не впадать в раздражение (а не просто быть умеренно раздражительным). Вы рисковали бы стать педантом и резонером, полагающим, что он - человек особенный, заслуживающий похвалы за свой идеализм. На деле у вас столько же оснований ожидать похвалы за то, что при сложении чисел вы стараетесь получить правильный ответ. Конечно, совершенное вычисление - это идеал; безусловно, вы делаете иногда ошибки. Однако нет особой заслуги, если вы стараетесь считать внимательно. Очень уж глупо не стараться, ведь любая ошибка принесет вам неприятности. Точно так же каждый нравственный проступок чреват неприятностями, возможно - для других, и непременно - для вас. Когда мы говорим о правилах и подчинении вместо "идеалов" и "идеализма", мы напоминаем себе именно об этом.

Теперь сделаем еще один шаг. Человеческая машина может выходить из строя по-разному, иногда люди удаляются друг от друга или, наоборот, сталкиваются и причиняют друг другу вред обманом или грубостью. Иногда - что-то ломается у человека внутри, то есть части его, атрибуты (например, способности или желания) противоречат одно другому или приходят в столкновение.

Вам проще будет это понять, если вы представите нас в виде кораблей, плывущих в определенном порядке. Плавание будет успешным только в том случае, если, во-первых, корабли не сталкиваются и не преграждают пути друг другу и, во-вторых, если каждый корабль годен к плаванию и двигатель у всех - в полном порядке. Необходимы оба эти

условия. Если корабли будут постоянно сталкиваться, они скоро выйдут из строя. С другой стороны, если штурвал не в порядке, они не смогут избежать столкновений. Или представьте себе человечество в виде оркестра, исполняющего какую-то мелодию. Чтобы игра получалась слаженной, необходимы два условия: каждый инструмент должен быть настроен и каждый должен вступать в положенный момент, чтобы не нарушать гармонии.

Но мы с вами не учли одного. Мы не спросили, куда собирается наш флот, какую мелодию хочет сыграть наш оркестр. Инструменты могут быть хорошо настроенными, и каждый из них может вступать в нужный момент, но выступление не будет успешным, если музыкантам заказали танцевальную музыку, а они исполняют похоронный марш. Как бы хорошо ни проходило плавание, оно обернется неудачей, если корабли приплывут в Калькутту, а порт назначения - Нью-Йорк. Соблюдение нравственных норм связано, таким образом, с тремя вещами: с честной игрой, хорошими гармоническими отношениями между людьми; с тем, что можно было бы назвать порядком внутри самого человека; и наконец, общей целью человеческой жизни, с тем, для чего человек создан, по какому курсу должен следовать флот, какую мелодию избирает дирижер.

Вы, может быть, заметили, что наши современники почти всегда помнят о первом условии и забывают о втором и третьем. Когда пишут в газетах, что мы боремся за великодушие и честность между нациями, классами и просто людьми, это и значит, что думают только о первом условии. Когда о том, что он хочет сделать, человек говорит: "Здесь нет ничего плохого, это никому не вредит", - он думает о нем же. Он считает, что состояние его корабля не важно, если только оно не грозит столкновением кораблю соседнему. Вполне естественно, что, когда мы начинаем думать о морали, первыми нам приходят в голову отношения между людьми. Почему? Да потому, что, во-первых, последствия безнравственности в обществе очевидны и давят на нас все время; это - война и нищета, взятки и ложь, плохая работа. Кроме того, по первому пункту у нас почти не бывает разногласий. Почти все люди во все времена соглашались (в теории) с тем, что надо быть честными, добрыми, помогать друг другу. Естественно с этого начинать, но нельзя ставить на этом точку, в таком случае вообще нет смысла размышлять о морали. До тех пор пока мы не перейдем ко второму условию, мы будем лишь обманывать самих себя.

Разумно ли ожидать от капитанов, что они станут так поворачивать штурвал, чтобы корабли не сталкивались, если сами корабли - старые, разбитые посудины, а штурвалы вообще не поворачиваются? Какой смысл записывать на бумаге правила поведения в обществе, если мы знаем, что жадность, трусость, дурной характер и самомнение помешают нам их выполнить? Я ни на секунду не предлагаю вам отказаться от мысли, и мысли серьезной, об улучшении нашей общественной и экономической системы, только хочу сказать, что все эти размышления останутся солнечным зайчиком, пока мы не поймем: только мужество и бескорыстие каждого человека заставит какую бы то ни было общественную систему работать как надо. Не так уж трудно избавить граждан от тех или иных нарушений уголовного кодекса, скажем, взяточничества и хулиганства; но пока остаются взяточники и хулиганы, сохраняется угроза, что они протопчут новые дорожки, чтобы продолжить старую игру. Вы не можете сделать человека хорошим с помощью закона, а без хороших людей не может быть хорошего общества. Вот почему не избежать второго условия - нравственного преобразования в самом человеке.

Здесь, я думаю, мы остановиться не сможем. Мы подходим сейчас к той точке, откуда расходятся разные линии поведения, в зависимости от представлений о Вселенной. Возникает соблазн тут и остановиться, а дальше - по мере сил придерживаться тех нравственных норм, с которыми соглашаются все разумные люди. Но можем ли мы это сделать? Не забывайте, что религия включает в себя такие утверждения, которые либо соответствуют истине, либо нет. Если они истинны, из этого следуют одни представления о том, правильным ли курсом плывет наша флотилия, если ложны - то совершенно другие. Вернемся, например, к тому человеку, который говорит, что поступок, не причиняющий другому вреда, нельзя считать плохим. Он прекрасно понимает, что не должен причинять повреждений ни одному кораблю. Но искренне верит: что бы он ни делал со своим кораблем, это касается его одного. Вопрос в том, действительно ли этот корабль - его собственность? Разве не важно, господин ли я моему разуму и телу или только

квартирант, ответственный перед настоящим хозяином? Если меня создал кто-то другой для своих целей, я отвечаю перед ним, а этого бы не было, если бы я принадлежал только себе.

Кроме того, христианство говорит, что каждый человек будет жить вечно, и это - либо истина, либо заблуждение. Значит, если мне суждено прожить каких-нибудь семьдесят лет, то о многих вещах мне не надо беспокоиться, но о них стоит беспокоиться, и очень серьезно, если мне предстоит жить вечно. Возможно, мой дурной характер становится все хуже или присущая мне зависть - все больше, но это происходит так постепенно, что изменения к худшему, накопившиеся за семьдесят лет, практически незаметны. Однако за миллион лет мои недостатки могли бы развиться во что-то ужасное. Если христианство не ошибается, "ад" - абсолютно верный термин, передающий то состояние, в какое приведут меня за миллионы лет зависть и дурной характер.

И еще: проблема нашей смертности или бессмертия обуславливает, в конечном счете, правоту тоталитаризма или демократии. Если человек живет только семьдесят лет, тогда государство, или нация, или цивилизация, которые могут просуществовать тысячу, безусловно, представляют большую ценность. А если право христианство, то человек не только важнее, он несравненно важнее, потому что он вечен, и жизнь государства или цивилизации - лишь миг по сравнению с его жизнью.

Вот и выходит, что, если мы намерены задуматься о морали, нам придется думать обо всех трех разделах: об отношении человека к человеку, о внутреннем его состоянии и об отношениях между ним и той Силой, которая сотворила его. Мы все легко придем к согласию относительно первого пункта. Разногласия начинаются со второго и становятся очень серьезными, когда мы доходим до третьего. Именно здесь проявляются основные различия между христианской и нехристианской моралью. В остальной части книги я собираюсь исходить из предпосылок христианской морали и из того, что христианство - право. На этих основаниях я и попытаюсь представить всю картину.

2. Главные добродетели

Предыдущий раздел был составлен как короткая радиобеседа.

Если вам разрешается говорить только 10 минут, то приходится жертвовать всем ради краткости. Рассуждая о морали, я как бы поделил ее на три части (предложив пример с кораблями), ибо хотел "охватить вопрос" и при этом быть как можно лаконичнее. Ниже я хочу познакомить вас с тем, как подразделяли это в прошлом. Мыслители мыслили очень интересно, но для радиобесед их метод неприменим, так как требует очень много времени.

Согласно этому методу, есть семь добродетелей. Четыре из них называются главными (или кардинальными), остальные три - богословскими. Главные добродетели - это те, которые признают все цивилизованные люди. О богословских, или теологических, добродетелях знают, как правило, только христиане. Я расскажу о теологических добродетелях позднее. Сейчас меня занимают только четыре кардинальные. Кстати, слово это не имеет ничего общего с кардиналами римско-католической Церкви. Оно происходит от латинского слова, означающего дверную петлю. Эти добродетели названы кардинальными, потому что они, так сказать, основа. К ним относятся *благоразумие, воздержанность, справедливость и стойкость*.

Благоразумие - это практически здравый смысл. Человек, обладающий им, всегда думает о том, что делает, и о том, что может из этого выйти. В наши дни большинство людей едва ли считают благоразумие добродетелью. Христос сказал, что мы сможем войти в Его мир, только если уподобимся детям, и христиане сделали вывод: если вы "хороший" - то, что вы глупы, роли не играет. Это не так. Во-первых, большинство детей проявляют немало благоразумия в том, что действительно им интересно, и довольно тщательно это обдумывают. Во-вторых, как заметил апостол Павел, Христос совсем не хотел, чтобы мы оставались детьми по разуму (1). Совсем наоборот: Он призывал нас быть не только "кроткими, как голуби", но и "мудрыми, как змии"(2). Он хочет, чтобы мы, как дети, были просты, недвуличны, любвеобильны, восприимчивы. о еще Он хочет, чтобы каждая

частица нашего разума работала в полную силу и была в первоклассной форме. Если вы даете деньги на благотворительность, это не значит, что не надо проверить, не уходят ли они к мошенникам. Если ваши мысли заняты Самим Богом (например, когда вы молитесь), это не значит, что вы должны довольствоваться теми представлениями о Нем, которые были у вас в пять лет. Конечно, людей, недалеких от рождения, Бог будет любить и использовать не меньше, чем самых умных. Но Он хочет, чтобы каждый из нас во всю силу пользовался теми умственными способностями, которые нам отпущены. Цель не в том, чтобы быть хорошим и добрым, предоставляя быть умным другому, а в том, чтобы быть хорошим и добрым, стараясь при этом быть настолько умным, насколько это в наших силах. Богу противна умственная лень, как и всякая другая.

Хочу предупредить - если вы собираетесь стать христианином, вам придется отдать и разум, и все остальное. К счастью, это полностью компенсируется: всякий, кто искренне стремится стать христианином, вскоре начинает замечать, как все острее становится его разум. Отчасти поэтому и не нужно специального образования, чтобы стать христианином: христианство - само по себе образование. Вот почему необразованный Беньян сумел написать книгу, которая поразила весь мир (3).

Воздержанность - одно из тех слов, значение которых, как ни жаль, изменилось. Сегодня оно обычно означает, что человек "не пьет". Но в те дни, когда вторую из главных добродетелей окрестили "воздержанностью", это слово ничего подобного не значило. Воздержанность относилась не только к выпивке, но и ко всем удовольствиям, и предполагала не полный отказ от них, но способность чувствовать меру, не переходить границы. Было бы ошибкой считать, что христианам нельзя "пить": мусульманство, а не христианство запрещает спиртные напитки. Конечно, в какой-то момент долгом христианина может стать и отказ от крепких напитков - скажем, он почувствует, что не сможет вовремя остановиться, или находится среди людей, склонных к пьянству, и не должен поощрять их примером. Суть в том, что он воздерживается из-за определенных разумных причин от того, чего не отвергает. Некоторым скверным людям трудно отказаться от чего-нибудь "в одиночку"; им надо, чтобы от этого отказались и все остальные. Это путь не христианский. Какой-то христианин может счесть, что для него необходимо отказаться от брака, от мяса, от пива, от кино. Но когда он скажет, что все эти вещи плохи сами по себе, или начнет смотреть свысока на тех, кто себе в них не отказывает, он встанет на неверный путь.

Большой вред нанесло смысловое сужение слова. Из-за него люди забывают, что можно быть неумеренными во многом другом. Мужчина, который смыслом своей жизни делает гольф или мотоцикл, или женщина, думающая лишь о нарядах, об игре в бридж или о своей собаке, проявляет такую же неумеренность, как и пьяница, напивающийся каждый вечер. Конечно, их неумеренность не выступает столь явно - они не падают на тротуар из-за своей страсти к бриджу или к гольфу. Но можно ли обмануть Бога внешними проявлениями?

Справедливость относится не только к судебному разбирательству. Это понятие включает в себя честность, правдивость, верность обещаниям и многое другое. И ***стойкость*** предполагает два вида мужества: то, которое не боится смотреть в лицо опасности, и то, которое дает человеку силы переносить боль. Вы, конечно, заметите, что невозможно достаточно долго придерживаться первых трех добродетелей, если нет четвертой.

И еще на одно нужно обратить внимание: совершить благоразумный поступок и от чего-то воздержаться - не то же самое, что быть благоразумным и воздержанным. Плохой игрок в теннис может время от времени делать хорошие удары. Но хорошим игроком вы назовете только того, у кого глаз, мускулы и нервы настолько натренированы бесчисленными ударами, что на них действительно можно положиться. У такого игрока они приобретают особое качество, которое свойственно ему даже тогда, когда он не играет в теннис. Уму математика свойственны определенные навыки, угол зрения, которые присущи ему всегда, а не только тогда, когда он занимается математикой. Так и человек, старающийся всегда и во всем быть справедливым, в конце концов развивает в себе то качество

характера, которое называется справедливостью. Именно качество характера, а не отдельные поступки имеем мы в виду, когда говорим о добродетели.

Различие это важно понять, ибо, приравнивая отдельные поступки к качеству характера, мы рискуем ошибиться трижды.

1. Мы могли бы подумать, что если поступили правильно, то не важно, как и почему мы так поступили - добровольно или по принуждению, сетуя или радуясь, из страха перед людьми или ради самого дела. Истина же в том, что добрые поступки, совершенные не из добрых побуждений, не способствуют тому качеству характера, имя которому добродетель. А именно оно и имеет значение. Если плохой теннисист ударит по мячу изо всех сил не из-за того, что в данный момент нужен такой удар, а из-за того, что он потерял терпение, то по чистой случайности это может помочь ему выиграть партию, но никак не поможет стать надежным игроком.

2. Мы могли бы подумать, что Бог хочет от нас подчинения определенному своду правил, тогда как на самом деле Он хочет, чтобы мы стали людьми особого сорта.

3. Мы могли бы подумать, что добродетели необходимы только для этой жизни, а в другом мире не надо стараться быть справедливыми, потому что там нет причин для раздоров; не надо проявлять смелость, потому что там нет опасности. Возможно, все это так, и в мире ином нам не представится случая бороться за справедливость или проявлять храбрость. Но нам, безусловно, потребуется быть людьми такого сорта, какими мы могли стать, только если мужественно вели себя здесь, боролись за справедливость в нашей, земной жизни. Суть не в том, что Бог не допустит нас в Свой вечный мир, если мы не обладаем определенными свойствами характера, а в том, что если здесь мы не обретем по крайней мере зачатков этих качеств, никакие внешние условия не смогут создать для нас "рая", то есть - дать глубокое, незыблемое, великое счастье, какого желает для нас Бог.

3. Общественные нормы поведения

Когда мы говорим о той части христианской морали, которая касается человеческих отношений, прежде всего необходимо понять, что Христос приходил не для того, чтобы проповедовать какую-то совершенно новую мораль. Золотое правило Нового Завета - поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой (1), - лишь выражает коротко то, что в глубине души каждый считает истиной. Великие учителя нравственности никогда не предлагали каких-то новых правил, этим занимались шарлатаны и маньяки. Кто-то сказал: "Людям гораздо чаще надо напоминать, чем учить их чему-то новому". Истинная задача каждого учителя нравственности в том, чтобы снова и снова возвращать нас к простым, старым принципам, которые мы то и дело упускаем из виду. Так мы снова и снова подводим лошадь к барьеру, через который она отказывается прыгать; так снова и снова заставляем ребенка возвращаться к тому разделу урока, от которого он норовит увильнуть.

И еще одно надо понять: у христианства нет разработанной политической программы, которая помогла бы применить принцип: "Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой". Нет и быть не может; мы и не говорим, что она есть. Ведь оно рассчитано на всех людей, на все времена, а конкретная программа, подходящая для какого-то одного времени и места, не подошла бы для других. Да и принцип работы у него иной. Когда оно говорит вам, чтобы вы накормили голодного, то не дает вам урока кулинарии. Когда говорит, чтобы вы читали Библию, то не преподает вам древнееврейскую, или греческую, или, скажем, английскую грамматику. Христианство никогда не собиралось подменить собою или вытеснить ту или иную отрасль человеческого знания; оно скорее направляющий фактор, некий руководитель, который каждой отрасли знания (или искусства) отводит соответствующую роль; источник энергии, который способен вдохнуть в них новую жизнь, если только они отдадут себя в полное его распоряжение.

Люди говорят: "Церковь должна руководить нами". Это верно, если верно их представление о церкви, и неверно, если оно неправильно. Под церковью следует

подразумевать всех истинно и активно верующих христиан земли вместе взятых. Тогда тезис "Церковь должна руководить нами" обретает такое содержание: те христиане, которые наделены соответствующими талантами, должны быть, скажем, экономистами и государственными деятелями, а все экономисты и государственные деятели должны быть христианами; и все их усилия в политике и экономике должны быть направлены на то, чтобы претворить в жизнь золотое правило Нового Завета.

Если бы так случилось и если бы мы, остальные, были действительно готовы это принять, тогда мы довольно быстро нашли бы христианское решение всех наших социальных проблем. Но на самом деле руководством церкви большинство называет некий направляемый духовенством политический курс или особую политическую программу, созданную церковными деятелями. Это глупо. Церковнослужители - люди в пределах церкви, избранные и подготовленные, чтобы заниматься такими вещами, которые важны для нас, потому что мы предназначены для вечной жизни. А мы просим их взяться за дело, которому они никогда не учились. Заниматься политикой и экономикой, отвечать за них надо нам, рядовым верующим. Применять христианские принципы к профсоюзной деятельности или к образованию должны профсоюзные деятели и учителя, точно так же, как христианскую литературу создают христианские писатели, а не епископы, собравшиеся вместе и пытающиеся писать в свободное время повести и романы.

И тем не менее Новый Завет, не вдаваясь в детали, дает нам довольно ясный намек на то, каким должно быть истинно христианское общество. Возможно, он дает нам немного больше, чем мы готовы принять. В Новом Завете говорится, что в таком обществе нет места паразитам: "Кто не работает, да не ест". Каждый должен трудиться, труд каждого приносит пользу; такое общество не нуждалось бы в производстве глупой роскоши и в еще более глупой рекламе, убеждающей эту роскошь покупать. В таком обществе нет чванливости, самовосхваления, притворства.

С одной стороны, христианское общество соответствовало бы идеалу сегодняшних "левых". С другой - христианство решительно настаивает на послушании, покорности (и внешнем уважении) представителям власти, которые соответствуют занимаемой должности, на покорности детей родителям и (боюсь, это требование уж очень непопулярно) покорности жен своим мужьям.

Кроме того, общество это должно быть жизнерадостным. Беспокойство и страх в нем - отклонение от нормы. Естественно, члены его вежливы друг с другом, ибо вежливость - тоже одна из христианских добродетелей.

Если бы такое общество действительно существовало и нам с вами посчастливилось бы его посетить, оно произвело бы на нас любопытное впечатление. Мы увидели бы, что экономическая политика напоминает социалистическую и, по существу, - прогрессивна, а семья и стиль поведения выглядят довольно старомодно - возможно, они даже показались бы нам церемонными и аристократическими. Каждому из нас понравилось бы что-то, но, боюсь, мало кому понравилось бы все как есть.

Именно этого и следовало бы ожидать, если бы мы на основе христианства пытались составить генеральный план для всего человеческого содружества. Ведь все мы так или иначе отошли от этого плана, и каждый из нас пытается сделать вид, будто изменения, вносимые им, и есть самый план. Вы убеждаетесь в этом всякий раз, когда сталкиваетесь с теми или иными аспектами христианства: каждому нравится что-то одно, это он хотел бы оставить неизменным, отказавшись от всего остального. Поэтому-то нам не слишком удается продвинуться вперед; поэтому люди, борющиеся, в сущности, за противоположные вещи, утверждают, что именно они борются за торжество христианства.

И еще одно - древние греки, евреи Ветхого Завета и великие христианские мыслители средневековья дали нам совет, который совершенно игнорирует современная экономическая система. Все люди прошлого предостерегали: не давайте деньги в рост. Однако одалживание денег под проценты - то, что мы называем "помещением капитала", - основа всей нашей системы. Делать отсюда категорический вывод, что мы не правы, не

стоит. Некоторые люди говорят: Моисей, Аристотель и христиане считали, что "ростовщичество" надо запретить, ибо они не могли предвидеть акционерных обществ, имели в виду только ростовщиков, и предостережение их не должно нас беспокоить.

Тут я ничего не могу сказать. Я не экономист и просто не знаю, виновата или нет эта система в состоянии современного общества. Именно здесь нам и нужен христианин-экономист. Но просто нечестно скрыть, что три великие цивилизации единодушно (по крайней мере, на первый взгляд) осудили то, на чем основана вся наша жизнь.

Наконец, последнее. В том стихе Нового Завета, где говорится, что каждый должен работать, есть и причина: "...трудись, делая своими руками полезное; чтобы было из чего уделять нуждающемуся!" (Еф. 4:28). Благотворительность, забота о бедных - существенная часть христианской морали. В пугающей притче об овцах и козлах(2) дается как бы стержень, вокруг которого вращается все остальное. Теперь говорят, что благотворительность не нужна. Мы просто должны создать такое общество, в котором не будет бедных. Возможно, они абсолютно правы, такое общество мы создать должны. Но если кто-нибудь полагает, что из-за этого можно уже сейчас прекратить благотворительную деятельность, он отходит от христианской морали. Не думаю, чтобы кто-нибудь точно установил, сколько давать бедным. Боюсь, единственный способ избежать ошибки - давать больше, чем мы можем отложить. Иными словами, если мы расходуем на удобства, роскошь, удовольствия приблизительно столько же, сколько другие люди с таким же доходом, то на благотворительные цели мы, видимо, даем слишком мало. Если, давая, мы не ощущаем никакого ущерба для себя, значит, мы даем недостаточно. Должны быть такие вещи, от которых приходится отказаться, потому что наши расходы на благотворительность делают их недоступными. Я говорю сейчас об обычных случаях. Когда случается несчастье с нашими родственниками, друзьями, соседями или коллегами, Бог может потребовать гораздо больше, вплоть до того, что само наше благополучие окажется под угрозой. Для многих из нас главное препятствие - не любовь к роскоши или деньгам, а неуверенность в завтрашнем дне. Страх этот чаще всего - искушение. Иногда нам мешает тщеславие - мы тратим больше, чем следует, на показную щедрость (чаевые, гостеприимство) и меньше, чем следует, на тех, кто и впрямь нуждается в помощи.

А сейчас, прежде чем я закончу, постараюсь угадать, как подействовал этот раздел книги на тех, кто его прочитал. Я предполагаю, что среди читателей есть так называемые "левые"; их возмутило, что я не пошел дальше. Люди же противоположных взглядов, вероятно, думают, что я, наоборот, слишком далеко зашел влево. Что ж, в наших проектах христианского общества есть камень преткновения. Дело в том, что большинство из нас не хочет выяснить, что говорит христианство, а надеется найти в христианстве поддержку собственному мнению. Мы ищем союзника там, где нам предлагается либо Господин, либо Судья. К сожалению, и сам я - такой же. В этом разделе есть мысли, которые я хотел бы опустить. Вот почему такие разговоры ни к чему не приведут, если мы не готовы пойти длинным, кружным путем. Христианское общество не возникнет, пока большинство не захочет его по-настоящему; а мы не захотим его по-настоящему, пока не станем христианами. Я могу повторять золотое правило, пока не посинею, но не стану ему следовать, пока не научусь любить ближнего, как самого себя. А я не научусь любить ближнего, как самого себя, до тех пор, пока не научусь любить Бога. Бога я научусь любить только тогда, когда научусь Ему повиноваться. Словом, как я и предупреждал, это ведет нас к проблеме нашего "я", от вопросов социальных - к вопросам религиозным. Ведь самый длинный, кружной путь - кратчайший путь домой.

4. Мораль и психоанализ

Я сказал, что нам не удастся создать христианского общества до тех пор, пока большинство из нас не станут христианами. Это, конечно, не значит, что мы можем от казаться от преобразований общества вплоть до какой-то воображаемой даты. Напротив, надо бы взяться за два дела сразу. Первое - мы должны искать все возможные пути, чтобы применять золотое правило в современном обществе; и второе - мы сами должны

стать такими людьми, которые действительно будут применять это правило, если увидят, как это делается. А сейчас я хочу начать разговор о том, что такое "хороший человек" в христианском понимании.

Прежде чем перейду к деталям, я хотел бы остановиться на двух пунктах более общего характера. Во-первых, христианская мораль называет себя орудием, инструментом, который способен наладить человеческую машину, и я думаю, вам интересно узнать, есть ли что-нибудь общее у христианства с психоанализом, который как будто бы предназначен для той же цели. Тут нам придется установить четкое разграничение между двумя вопросами: между существующими медицинскими теориями и техникой психоанализа, с одной стороны, и общим философским взглядом на мир, который Фрейд и другие связывали с психоанализом, - с другой. Философия Фрейда прямо противоречит христианству и философии еще одного великого психолога, Юнга (1). Когда Фрейд говорит о том, как лечить неврозы, он - специалист в своей области. Когда он переходит к вопросам философии, то превращается в любителя. Поэтому есть все основания прислушиваться к нему в первом случае, но не во втором. Именно так я и поступаю, и тем увереннее, что убедился: когда Фрейд оставляет свою тему и принимается за другую, которая мне знакома (я имею в виду языкознание), то проявляет крайнее невежество. Однако сам психоанализ, независимо от всех философских обоснований и выводов, которые делают из него Фрейд и его последователи, ни в какой мере не противоречит христианству. Его методика перекликается с христианской моралью во многом. Поэтому будет неплохо, если каждый проповедник хоть как-то познакомится с психоанализом. Но надо при этом помнить, что психоанализ и христианская мораль не идут рука об руку от начала и до конца, ибо цели у них разные.

Когда человек делает нравственный выбор, происходят два процесса. Первый - сам акт выбора. Второй - разные чувства, импульсы и тому подобное, зависящие от психологической установки; это как бы сырье, из которого лепится решение. Существуют два вида такого сырья. В основе первого лежат чувства, которые мы называем нормальными, поскольку они типичны для всех. Второй определяется набором более или менее неестественных чувств, вызванных какими-то отклонениями от нормы на уровне подсознания.

Страх перед теми или иными вещами, которые действительно опасны, будет примером первого вида; безрассудный страх перед котами или пауками - примером второго. Стремление мужчины к женщине относится к первому виду; извращенное стремление одного мужчины к другому - ко второму. Что же делает психоанализ? Он старается избавить человека от противоположных чувств, чтобы предоставить ему в момент выбора более доброкачественное сырье. Мораль же имеет дело с самым актом выбора.

Давайте рассмотрим это на примере. Представьте себе, что трое мужчин отправляются на войну. Один из них испытывает естественный страх перед опасностью, свойственный каждому нормальному человеку, он подавляет этот страх с помощью нравственных усилий и становится храбрым. Теперь предположим, что двое других из-за отклонений в подсознании страдают преувеличенным страхом, победить который не дано никаким нравственным усилиям. Представим, что в военное подразделение, где они служат, приезжает психоаналитик, исцеляет их от противоестественного страха, и теперь эти двое ничем не отличаются от первого, нормального мужчины. Психологические проблемы разрешены. Однако тут-то возникает проблема нравственная. Почему? Да потому, что теперь, когда оба они излечились, они могут избрать совершенно разные линии поведения. Первый из них может сказать: "Слава Богу, я избавился от этого идиотского страха. Теперь я могу делать то, к чему всегда стремился, - исполнять свой долг перед Родиной".

Однако другой может рассудить иначе: "Ну что ж, я очень рад, что сейчас я сравнительно спокоен под пулями. Но это, конечно, не меняет моего намерения. Чем лезть в пекло самому, дам-ка кому-нибудь другому, если представится возможность, принять огонь на себя. Вот и хорошо! Теперь я смогу уберечь себя, не привлекая внимания".

Разница - чисто моральная, психоанализ тут бессилён. Как бы вы ни улучшали исходное сырьё, вы все-таки столкнетесь со свободным выбором, который в конечном счете продиктован тем, на какое место вы ставите свои интересы - на первое или на последнее. Именно нашим свободным выбором - и только им - определяется мораль.

Плохой психологический материал - не грех, а болезнь. Тут нужно не покаяние, а лечение. Это, между прочим, очень важно понимать. Люди судят друг о друге по внешним проявлениям. Бог судит нас на основе того морального выбора, который мы делаем. Когда психически больной человек, испытывающий патологический страх перед кошкой, движимый жалостью, заставляет себя подобрать котенка, вполне возможно, что в глазах Бога он проявляет больше мужества, чем здоровый человек, награжденный медалью за храбрость в сражении. Когда человек, крайне испорченный с детства и привыкший думать, что жестокость - это достоинство, проявляет хоть немножечко доброты или воздерживается от жестокого поступка, рискуя быть осмеянным, он, быть может, делает больше, чем сделали бы мы с вами, пожертвовав жизнью ради друга.

К тому же самому можно подойти и с другой стороны. Многие из нас вроде бы очень милые, славные люди, а на самом деле приносят лишь незначительную часть той пользы, которую могли бы принести с такой хорошей наследственностью и при таком воспитании. Поэтому они хуже, чем те, кого сами считают злодеями. Знаем ли мы, как бы мы себя повели, если бы у нас были психологические комплексы, и плохое воспитание, и, сверх всего, власть, ну, скажем, Гимmlера? Вот почему христианам сказано: не судите (2). Мы видим только плоды, которые получились из сырья, когда человек выбрал. Бог судит не за качество сырья, а за то, как он его использует. Большая часть психологических свойств зависит от физиологии, но когда тело отмирает, остается лишь нетленный, истинный человек, который выбирал и теперь несет ответственность за то, как использовал он сырьё. Добродетельные поступки, которые мы считали проявлением наших собственных достоинств, были, оказывается, плодами хорошего пищеварения, и они не зачтутся нам; не зачтется и другим многое плохое, что совершали они из-за различных комплексов или плохого здоровья. Тогда, наконец, мы впервые увидим каждого таким, какой он есть. Нас ожидает немало сюрпризов.

5. Нравственность в области пола

А теперь мы должны рассмотреть, как относится христианская нравственность к половым отношениям и что христиане называют добродетелью целомудрия. Христианское целомудрие не надо путать с общественными правилами скромности, приличия или благопристойности. Правила приличия устанавливают, до какого предела допустимо обнажать человеческое тело, каких тем можно касаться в разговоре, какие выражения соответствуют обычаям данного круга. Нормы целомудрия - одни и те же для всех христиан во все времена; правила приличия меняются. Девушка с тихоокеанских островов, едва-едва прикрытая одеждой, и викторианская леди в длинном платье, закрытом до самого подбородка, могут быть в равной степени приличными, скромными или благопристойными по стандартам общества, в котором они живут; и обе, независимо от одежды, которую носят, могут быть одинаково целомудренными (или распутными). Слова и выражения, которыми целомудренные женщины пользовались во времена Шекспира, можно было услышать в девятнадцатом веке только от женщины, потерявшей себя. Когда люди нарушают правила пристойности, принятые в их обществе, чтобы разжечь страсть в себе или в других, они совершают преступление против нравственности. Если они нарушают эти правила по небрежности или невежеству, то повинны лишь в плохих манерах. Если, как часто случается, они нарушают эти правила намеренно, чтобы шокировать или смутить других, это не всегда говорит об их распутстве, скорее - об их злобности.

Только недобрый человек испытывает удовольствие, ставя других в неловкое положение. Я не думаю, чтобы чрезмерно высокие строгости и нормы приличия служили доказательством целомудрия и помогали ему; и потому нынешнее упрощение и облегчение этих норм хвалю, а не ругаю.

Однако тут есть и неудобство: у людей различного возраста и разного типа - различные стандарты приличия. Получается неразбериха. Я думаю, старым людям или людям старомодным надо очень осторожно судить о молодых. Они не должны считать, что молодые или "эмансипированные" испорчены, если (по старым стандартам) они ведут себя неприлично. И наоборот, молодым не следует называть старших ханжами или пуританами, если те не могут принять новые стандарты. Если бы мы захотели видеть в других все хорошее, что в них есть, и делать все возможное, чтобы эти "другие" чувствовали себя как можно легче и удобнее, решилось бы множество проблем.

Целомудрие - одна из самых непопулярных христианских добродетелей. Тут нет исключений; христианское правило гласит: "Либо женись и храни абсолютную верность супруге (супругу), либо соблюдай полное воздержание" (1). Это настолько трудно и настолько противоречит нашим инстинктам, что напрашивается вывод: либо не право христианство, либо с нашими половыми инстинктами в их теперешнем виде что-то не в порядке. Либо то, либо другое. Конечно, будучи христианином, я считаю, что неладно с нашими половыми инстинктами.

Но у меня есть и другие основания. Биологическая цель половых отношений - это дети, как биологическая цель питания - восстановление организма. Если мы будем есть, когда нам хочется и сколько хочется, то, скорее всего, мы съедим слишком много, но все-таки не катастрофически много. Один человек может есть за двоих, но не за десятерых. Аппетит переходит границу биологической цели - но не чрезмерно. А вот если молодой человек даст волю половому аппетиту и если от каждого акта родится ребенок, то за десять лет этот молодой человек сможет заселить своими потомками небольшой город. Этот аппетит несоразмерно выходит за границу своих биологических функций. Рассмотрим это с другой стороны. На представление стриптиза вы можете легко собрать огромную толпу. Всегда найдутся желающие посмотреть, как раздевается женщина. Предположим, мы приехали в какую-то страну, где театр можно заполнить зрителями, собравшимися ради довольно странного зрелища: на сцене стоит блюдо, прикрытое салфеткой, затем ее медленно поднимают, постепенно открывая взгляду то, что на блюде; и, перед тем как погаснут театральные огни, каждый зритель увидит, что там лежит баранья отбивная или кусок ветчины. Не придет ли вам в голову, что у жителей этой страны что-то неладное с аппетитом? Ну а если кто-то выросший в другом мире увидел бы стриптиза, не подумал бы он, что с нашим половым инстинктом что-то не в порядке? 1 Споря со мной, один человек заметил, что, если бы он обнаружил такую страну, он решил бы, что народ в этой стране голодает. Он хотел сказать, что увлечение стриптизмом похоже не на половое извращение, а, скорее, на половой голод. Согласен, если в какой-то стране люди проявляют живой интерес к раздеванию отбивной, то одно из объяснений - голод. Однако сделаем следующий шаг, проверим нашу гипотезу, выяснив, много или мало ест житель этой страны. Если наблюдения покажут, что едят здесь немало, нам придется отказаться от первой гипотезы и поискать другое объяснение. Так и с зависимостью между половым голодом и интересом к стриптизму: надо выяснить, превосходит ли половое воздержание нашего века половое воздержание других столетий, когда стриптиза не было. Нет, не превосходит. Противозачаточные средства резко снизили риск, связанный с половыми излишествами и с ответственностью за них и в браке, и вне брака; общественное мнение стало гораздо снисходительнее к незаконным связям и даже к извращениям по сравнению со всеми остальными веками после языческих времен. К тому же гипотеза о "половом голоде" - не единственное объяснение. Каждый знает, что половой аппетит, как и всякий другой, стимулируют излишествами. Вполне возможно, что голодающий много думает о еде. Много думает и обжора.

И еще одно, третье соображение. Немногие хотят есть то, что не пригодно для еды, или делать с пищей то-то другое. Иными словами, извращенный аппетит крайне редок. А вот извращений сексуальных - очень много, они просто пугают и с трудом поддаются лечению. Мне не хотелось бы вдаваться во все это, но придется. Приходится потому, что последние двадцать лет нас день за днем кормили отборной ложью о сексе. Нам повторяли до тошноты, что половое желание так же правомерно, как и любое другое; нас убеждали, что, откажись мы от глупой викторианской идеи это желание подавлять, все в

нашем человеческом саду станет хорошо. Это - неправда. Как только вы, отвернувшись от пропаганды, переведете взгляд на факты, вы увидите, что это ложь.

Вам говорят, что половые отношения пришли в беспорядок из-за того, что их подавляли. Но последние двадцать лет их не подавляют, о них судачат повсюду круглые сутки, а они не пришли в норму. Если вся беда в том, что их подавляли и замалчивали, с наступлением свободы проблема должна бы разрешиться. Однако этого нет. Я считаю, что все было как раз наоборот: когда-то, в самом начале, люди начали избегать этого вопроса именно из-за того, что он выходил из-под контроля, вызывал дикую неразбериху.

Современные люди говорят: "В половых отношениях нет ничего постыдного". Подразумевать они могут две вещи. Они могут иметь в виду, что нет ничего постыдного в том, что люди воспроизводят себя определенным способом, и в том, что способ этот сопряжен с удовольствием. Если так, то они правы. Христианство с этим согласно. Беда не в самом способе и не в удовольствии. В старину христианские наставники говорили: "Если бы человек не пал, то получал бы гораздо больше удовольствия от половых отношений, чем получает теперь". Да, туповатые христиане внушили нам, что с точки зрения христианства тело, половые отношения, физические удовольствия - дурны сами по себе. Эти люди совершенно не правы. Христианство - едва ли не единственная из всех религий, которая хорошо относится к телу, считает, что материя - это благо; что Сам Бог однажды облекся в человеческое тело; что нам будет дано какое-то новое тело даже на небесах и тело это станет существенной частью нашей радости, красоты и силы. Христианство возвеличило брак больше, чем любая другая религия, и почти все великие поэмы о любви написаны христианами. Если кто-нибудь говорит, что половые отношения - зло, христианство тут же возражает. Но когда люди говорят: "В половых отношениях нет ничего постыдного", они могут подразумевать, что нет ничего предосудительного в том, каковы эти отношения сегодня.

Если они это имеют в виду, то, я думаю, они не правы. Современное положение - весьма и весьма постыдное. Нет ничего постыдного в наслаждении едой; но было бы очень позорно для человечества, если бы половина земного шара сделала пищу главным интересом своей жизни и проводила время, глядя на ее изображения, облизываясь и пуская слюну. Я не хочу сказать, что мы с вами ответственны за все это. Мы страдаем от искаженной наследственности, которую передали нам предки. Кроме того, мы выросли под гром проповедей, призывающих к воздержанию. Есть люди, которые ради прибыли хотят, чтобы наши половые инстинкты были постоянно возбуждены, потому что человек, одержимый навязчивой идеей или страстью, едва ли способен удержаться от расходов на ее удовлетворение. Бог знает о нашем положении и, когда Он будет нас судить, учтет все, что нам приходилось преодолевать. Важно только, чтобы мы искренне и настойчиво хотели это преодолеть.

Мы не можем исцелиться прежде, чем захотим. Те, кто действительно ищет помощи, получают ее. Но многим современным людям даже пожелать этого трудно. Легко думать, будто мы хотим чего-то, когда на самом деле мы этого не хотим. Давно еще один известный христианин сказал, что когда он был молодым, то постоянно молился, чтобы Бог наделил его целомудрием. И лишь много лет спустя он понял, что, пока его губы шептали: "О Господи, сделай меня целомудренным", сердце добавляло: "Только, пожалуйста, не сейчас". То же самое может случиться и с молитвами о других добродетелях.

Нам особенно трудно желать целомудрия по трем причинам; я уже не говорю о том, чтобы достичь его.

Во-первых, наша искаженная природа, бесы, искушающие нас, и вся пропаганда похоти, объединившись, внушают нам, что желания, которым мы противимся, так естественны, разумны, полезны, что сопротивление им - своего рода ненормальность, почти извращение. Афиша за афишей, фильм за фильмом, роман за романом связывают склонность к половым излишествах с физическим здоровьем, естественностью, молодостью, открытым и веселым нравом.

Параллель эта лжива. Как всякая сильно действующая ложь, она замешена на правде, о которой мы говорили выше: половое влечение само по себе (без излишеств и извращений) - нормальный и здоровый инстинкт. Ложь - в предположении, что любой половой акт, которого вы желаете вот сейчас, здоров и нормален. Даже если оставить христианство в стороне, с точки зрения элементарной логики это лишено смысла. Ведь уступка всем желаниям ведет к импотенции, болезням, ревности, лжи и всему тому, что никак не согласуется со здоровьем, веселым нравом и открытостью. Чтобы достичь счастья даже в этом мире, необходимо как можно более воздерживаться. Поэтому нет оснований считать, что любое сильное желание естественно и разумно. Каждому здравомыслящему и цивилизованному человеку должны быть присущи какие-то принципы, руководствуясь которыми он одни свои желания осуществляет, другие отвергает. Один человек руководствуется христианскими принципами, другой - гигиеническими, третий - социальными. Настоящий конфликт происходит не между христианством и "природой", а между христианскими принципами и принципами контроля над "природой". Ведь "природу" (то есть желания естественные) так или иначе приходится контролировать, сели мы не хотим разрушить свою жизнь. Да, христианские принципы строже других. Но христианство само помогает верующему соблюдать их, тогда как соблюдая другие принципы, вы никакой внешней помощи не получите.

Во-вторых, многих отпугивает самая мысль о том, чтобы принять всерьез христианское целомудрие, ибо они считают (прежде чем попробовали), что это невозможно. Но, испытывая что бы то ни было, нельзя думать о том, возможно ли это. Над экзаменационной задачей человек не раздумывает, но старается сделать все, на что способен. Даже самый несовершенный ответ как-то оценят; если же вообще не ответить на вопрос, то и оценки не будет. Не только на экзаменах, но и на войне, на катке, в горах; когда мы учимся плавать или ездить на велосипеде, даже когда застегиваем тугий воротник замерзшими пальцами, мы часто совершаем то, что казалось невозможным, прежде чем мы пробовали. Поразительно, на что мы способны, когда заставляет необходимость.

Мы можем быть уверены в том, что совершенного целомудрия, как и совершенного милосердия, не достигнуть одними человеческими усилиями. Придется попросить Божьей помощи. Даже после того, как вы ее попросили, вам долго может казаться, что вы этой помощи не получаете или получаете ее мало. Не падайте духом; всякий раз, когда оступитесь, просите прощения, собирайтесь и делайте новую попытку. Очень часто Бог поначалу дает не самую добродетель, а силы на все новые и новые попытки. Какой бы важной добродетелью ни было целомудрие (или храбрость, или правдивость, или любое другое достоинство), самый процесс развивает в нас такие душевные навыки, которые еще важнее. Этот процесс освобождает нас от иллюзий и учит во всем полагаться на Бога. Мы учимся тому, что не можем положиться на самих себя даже в наши лучшие моменты, тому, что при самых ужасных неудачах не надо отчаиваться, ибо они прощены. Единственной роковой ошибкой было бы успокоиться на том, какие мы есть, и не стремиться к совершенству.

В-третьих, люди часто превратно понимают то, что в психологии называется "подавлением". Психология учит, что "подавляемые половые инстинкты" - серьезная опасность. Но слово "подавляемый" - технический термин. Оно не значит "пренебрегаемый" или "отвергаемый". Подавленное желание или мысль отбрасывается в подсознание (обычно - очень рано) и может возникнуть в сознании только до неузнаваемости видоизмененным. Подавленные половые инстинкты могут проявляться в том, что на имеет никакого отношения к полу. Когда подросток или взрослый сопротивляется какому-то осознанному желанию, он ни в коей мере его не "подавляет". Напротив - те, кто серьезно пытается хранить целомудрие, лучше осознают половую сторону своей природы и знают о ней гораздо больше, чем другие. Они знают свои желания, как Веллингтон знал Наполеона или как Шерлок Холмс знал Мориарти; они разбираются в них, как крысолов в крысах, слесарь - в протекающих трубах. Добродетель - пусть даже не достигнутая, желаемая - приносит свет; излишества лишь затуманивают сознание. Мне пришлось так долго говорить о сексе, но я хочу, чтобы вы ясно поняли: центр христианской морали - не здесь. Если кто-нибудь полагает, что недостаток

целомудрия христиане считают наивысшим злом, то он заблуждается. Грехи плоти - очень скверная штука, но они наименее серьезны из всех грехов. Самые ужасные, вредоносные удовольствия чисто духовны: это удовольствие склонять других к злу; навязывать другим свою волю, клеветать, ненавидеть, стремиться к власти. Во мне живут два начала, соперничающие с тем "внутренним человеком", которым я хотел бы стать, - животное начало и бесовское. Второе - гораздо хуже. Вот почему холодный, самодовольный педант, регулярно посещающий церковь, бывает намного ближе к аду, чем проститутка. Но, конечно, лучше всего не быть ни тем, ни другой.

6. Христианский брак

Последняя глава в отрицательном свете трактовала проявление половых импульсов; я почти не коснулся положительных сторон христианского брака. Обсуждать супружеские отношения я не хотел бы по двум причинам. Первая - в том, что христианское учение о браке крайне непопулярно. А вторая - в том, что сам я не был женат и, следовательно, могу говорить только с чужих слов. И все же я думаю, что, рассуждая о христианской морали, едва ли можно обойти их стороной. Христианская идея брака стоит на словах Христа о том, что муж и жена - единый организм. Ведь именно это означают слова "одна плоть"(1). Христиане полагают, что, когда Он произносил их, Он просто констатировал факт, как констатируют факт слова, что замок и ключ - единый механизм или скрипка и смычок - один музыкальный инструмент. Он, Изобретатель человеческой машины, сказал нам, что две ее половины - мужская и женская - созданы для того, чтобы соединиться в пары, причем не только ради половых отношений; союз этот должен быть всесторонним. Половые связи вне брака тем и уродливы, что человек пытается отделить одну сторону (половую) от всех остальных. Между тем именно в неразделимости их - залог полного совершенного союза. Христианство не считает, что удовольствие, получаемое от половых отношений, более греховно, чем, скажем, удовольствие от еды. Но оно считает, что нельзя прибегать к ним лишь как к источнику удовольствия: это так же противоестественно, как, например, наслаждаться вкусом пищи, не глотая и не переваривая, то есть жевать и выплевывать.

Тем самым христианство учит, что брак - союз двух людей на всю жизнь. Разные церкви придерживаются на этот счет не совсем схожих мнений. Некоторые не разрешают развода совсем. Другие разрешают его очень неохотно, только в особых случаях. Очень печально, что между христианами нет согласия в таком важном деле; но справедливость требует сказать, что между собой различные церкви согласны все же гораздо больше, чем с окружающим миром. Для любой церкви развод - ампутация части живого тела, хирургическая операция. Одни считают ее настолько неестественной, что совсем не допускают. Другие допускают развод, но как крайнюю меру, в исключительно тяжелых случаях.

Все они согласны с тем, что это скорее похоже на ампутацию обеих ног, чем на расторжение делового товарищества. Никто из них не принимает современной точки зрения на развод; теперь ведь считают, что, разводясь, люди как бы производят реорганизацию, необходимую, если между ними больше нет любви или один из них полюбил кого-то другого.

Прежде чем мы перейдем к этой точке зрения и ее связи с целомудрием, следовало бы проследить ее связь с другой добродетелью, справедливостью. Справедливость включает в себя верность обещаниям. Каждый, кто венчался в церкви, торжественно и публично обещал хранить верность своему супругу до смерти. Сдержатъ его он должен независимо от их половых отношений. Обещание это схоже с всеми другими. Если половое влечение и впрямь ничем не отличается от других наших импульсов, то и относиться к нему следует как к любому из них. Как всякую тягу к излишества, его надо контролировать. Если же половой инстинкт отличается от других тем, что болезненно воспален (именно так думаю я), то мы должны относиться к нему с особенной осторожностью, чтобы он не толкнул нас на бесчестный поступок.

На это кто-нибудь возразит, что обещание, данное в церкви - простая формальность, которую он не собирался соблюдать. Кого же он думал обмануть? Бога? Это неумно. Себя? Тоже не умнее. Невесту, ее родных? Это - предательство. Чаще всего, я думаю, молодожены (или один из них) надеется обмануть публику. Они хотят респектабельности, связанной с браком, но не желают платить за нее. Такие люди - обманщики и самозванцы. Если они к тому же рады, что кого-то надули, мне нечего им сказать - кто станет навязывать высокий и трудный долг целомудрия тем, у кого еще не пробудилась тяга к честности? Если же они образумились, то обещание будет их сдерживать, и они станут вести себя, откликаясь на зов справедливости, а не целомудрия. Если люди не верят в постоянный брак, им, пожалуй, лучше жить вместе, не вступая в него. Это честнее, чем давать клятвы, которых ты не намерен исполнять. Конечно, совместная жизнь вне брака - это (с точки зрения христианства) грех прелюбодеяния. Но нельзя избавиться от одного порока, добавив к нему другой; распущенность не исправишь, добавив к ней клятвопреступление.

Очень популярная в наши дни идея, что единственное оправдание брака - любовь между супругами, вообще не оставляет места для брачных обетов. Если все держится на влюбленности, обещание теряет смысл и давать его не следует. Любопытно, что сами влюбленные, пока еще влюблены, знают это лучше, чем те, кто о них рассуждает - Честертон как-то сказал, что влюбленным присуща естественная склонность связывать друг друга обещаниями. Любовные песни во всем мире полны клятв в вечной верности. Христианский закон не навязывает влюбленным того, что чуждо самой природе любви; он требует, чтобы они серьезно относились к тому, на что вдохновляет их страсть.

Конечно, обещание, данное, когда я влюблен, и потому, что я влюблен, обещание хранить верность всю жизнь, обязывает меня быть верным даже в том случае, если любовь прошла. Ведь оно относится только к действиям и поступкам, то есть к тому, что я могу контролировать. Никто не вправе обещать, что будет всегда испытывать одно и то же чувство. С таким же успехом мы обещаем никогда не страдать головной болью или не быть голодным. Какой же смысл держать двух людей вместе, если они больше не любят друг друга? На это серьезные причины, скорее социальные: нельзя лишать детей семьи; надо защитить женщину (которая, возможно, пожертвовала работой, выходя замуж) от того, что муж ее бросит, как только она ему наскучит. Но есть еще одна причина, в которой я убежден, хотя мне не совсем легко объяснить ее.

И вот почему: слишком многие просто не могут понять, что если Б лучше, чем В, то А может быть еще лучше, чем Б. Они предпочитают понятия "хороший" и "плохой", а не "хороший", "лучший" и "самый лучший" или "плохой", "худший" и "самый худший". Они хотят знать, считаете ли вы патриотизм хорошим качеством. Вы отвечаете, что, конечно, патриотизм - качество хорошее, гораздо лучше, чем эгоизм, но всеобщая братская любовь - выше патриотизма, и если они вступают в конфликт, то предпочесть надо братскую любовь. Казалось бы, вы дали полный ответ, но ваши оппоненты видят в нем лишь желание увильнуть. Они спрашивают, что вы думаете о дуэли. Вы отвечаете, что простить человеку оскорбление гораздо лучше, чем сражаться с ним. Однако даже дуэль лучше, чем ненависть на всю жизнь, которая проявляется в тайных попытках унижить человека и всячески повредить ему. Если вы это скажете, от вас отойдут, жалуясь, что вы не хотите ответить прямо. Я очень надеюсь, что никто из читателей не отнесется так к тому, о чем я собираюсь говорить. Влюбленность - просто дивное состояние, и во многом - полезное. Оно помогает нам стать великодушными и мужественными, раскрывает перед нами не только красоту любимого существа, но и красоту, разлитую в мире, и, наконец, контролирует (особенно вначале) наши животные половые инстинкты. В этом смысле любовь - великая победа над похотью. Никто не станет отрицать в здравом уме, что влюбленность лучше обычной чувственности или холодной самовлюбленности. Но, как я сказал прежде, опаснее всего следовать какому-то из импульсов нашей природы любой ценой, ни перед чем не останавливаясь. Быть влюбленным - хорошо, но не самое лучшее.

Многое меркнет перед влюбленностью; но кое-что выше ее. Вы не можете класть это чувство в основание всей своей жизни. Да, оно благородно, но это всего лишь чувство, и нельзя рассчитывать, что оно с одинаковой силой будет длиться всю жизнь. Знание,

принципы, привычки могут быть долговечны; чувство приходит и уходит. И в самом деле, что бы ни говорили, влюбленность преходяща. Да и то сказать, если бы люди пятьдесят лет испытывали друг к другу точно то же, что в день перед свадьбой, жизнь их была бы не слишком завидной. Кто вынесет постоянное возбуждение и пять лет? Что стало бы с нашей работой, аппетитом, сном, с нашими дружескими связями? Но конец влюбленности, конечно - не конец любви; а любовь - именно любовь, не влюбленность - не просто чувство. Это глубокий союз, поддерживаемый волей, укрепляемый привычкой. Укрепляется она (в христианском браке) и благодатью, о которой просят и которую получают от Бога и муж, и жена. Поэтому они могут любить друг друга даже тогда, когда друг другом недовольны (любите же вы себя, когда недовольны собой). Они могут сохранить любовь и тогда, когда каждый из них влюбился бы в кого-нибудь еще, если бы себе позволил. Влюбленность в самом начале побудила их дать обещание верности. Вторая, более спокойная любовь дает им силы хранить это обещание. Именно на такой любви работает мотор брака. Влюбленность была только вспышкой для запуска. Если вы со мной не согласны, то, конечно, скажете: "Он ничего об этом не знает, потому что сам не женат". Очень возможно, что вы правы. Но прежде чем вы это скажете, убедитесь, пожалуйста, что судите по личному опыту или по жизни своих друзей. Не судите на основании романов и фильмов! Надо очень много терпения и умения, чтобы выделить те уроки, которые нам действительно преподаны жизнью.

Из книг люди нередко получают представление, будто влюбленность может длиться всю жизнь, если вы не ошиблись при выборе. Отсюда вывод: если этого нет, значит, ты ошибся, надо сменить партнера. Те, кто так думает, не понимают, что и восторг новой любви постепенно угаснет. Ведь и в этой форме жизни, как и в любой другой, возбуждение приходит вначале, но не остается навсегда. То возбуждение, которое испытывает мальчишка при первой мысли о полете, уляжется, когда он придет в авиацию и начнет учиться. Восторг, который теснит вам душу, когда вы впервые попадете в прекрасное место, постепенно гаснет, если вы там поселитесь. Значит ли это, что лучше не учиться летать и не переселяться в красивые места? Нет. В обоих случаях, пройдя через первую фазу, вы почувствуете, как первоначальное возбуждение сменяется спокойным и постоянным интересом. Более того (я едва нахожу слова, чтобы выразить, какое значение этому придаю), только те, кто готов примириться с потерей трепета и довольствоваться трезвым интересом, способны обрести новые радости. Человек, который научился летать и стал хорошим пилотом, слышит музыку сфер. Человек, который поселился в прекрасном месте, радуется, насаждая в нем сад.

Я думаю, Христос имел в виду и это, когда сказал, что ничто не может жить, пока не умрет (1). Не пытайтесь удерживать удовольствие, питаемое возбуждением, это опасная ошибка. Дайте возбуждению пройти, дайте ему умереть, переживите это и перейдите к спокойной заинтересованности, к счастью. Сделайте так - и вы увидите, что все время живете в мире новых радостей. Если же вы попытаетесь искусственно включить восторги в свое повседневное меню, то обнаружите, как они слабеют, все реже посещая вас; и вот уже вы доживаете жизнь преждевременно состарившимся, утратившим иллюзии человеком, которому все наскучило. Именно из-за того, что очень немногие это понимают, вокруг столько людей, ворчащих, что юность прошла попусту. Нередко они сетуют на ушедшую юность в таком возрасте, когда перед ними еще должны открываться новые горизонты. Гораздо интереснее научиться плавать, чем бесконечно (и безнадежно) возвращать чувство, которое вы испытали, когда впервые надели ласты.

Очень часто в романах и пьесах вы находите мысль, будто влюбленности невозможно противиться. Она поражает вас, как, к примеру, корь. Некоторые в это верят и, хотя женаты, срывают предохранитель с чувств при встрече с привлекательной женщиной. Однако я склонен думать, что в жизни такие непреодолимые страсти посещают нас (во всяком случае - взрослых людей) гораздо реже, чем в книгах. Когда мы встречаем человека красивого, умного, привлекательного, мы в каком-то смысле должны полюбить его прекрасные качества, должны восхищаться ими. Но не от нас ли зависит, перерастет ли восхищение в то, что мы зовем влюбленностью? Конечно, если мы напичканы романтическими сюжетами и любовными песнями, да еще и выпили, то способны превратить любое восхищение во влюбленность. Если вдоль тропинки вырыта канава,

дождевая вода будет собираться в нее; если мы носим синие очки, все кажется синим. Словом, виноваты мы сами.

Прежде чем мы кончим говорить о разводах, я бы хотел разграничить две вещи, которые часто смешивают. Христианский принцип брака - это одно. Совсем другое - как далеко могут идти христиане, если они избиратели или члены парламента, стараясь привить свой взгляд на брак остальным членам общества? Очень многие считают, что если вы христианин, то должны затруднить развод для всех остальных. Я с этим не согласен. Я, например, возмущен бы, если бы мусульмане постарались запретить нам, остальным, вино. По-моему, церковь должна откровенно признать, что граждане Великобритании в большинстве своем не христиане и, следовательно, от них нельзя ожидать, чтобы они вели христианский образ жизни. Нужны два рода браков: один - регулируемый государством на основании законов, обязательных для всех граждан; другой - регулируемый Церковью на основании тех законов, которые обязательны для всех ее членов. Различие должно быть очень четким, чтобы людям было ясно, какая пара вступает в брак по-христиански, а какая - нет.

Наверное, я сказал достаточно о постоянстве и нерасторжимости христианского брака. Нам остается одно, еще более непопулярное. Христианские жены обещают повиноваться мужьям. В христианском браке глава семьи - мужчина. Тут возникают два вопроса:

1. Почему в семье должен быть главный, не допустить ли равенства?
2. Почему главой должен быть мужчина?

1. Глава в семье должен быть, потому что брак - союз постоянный. Конечно, когда муж и жена живут в согласии, вопрос о главенстве не возникает; и мы должны надеяться, что в христианском браке именно это - норма. Но если возникает разногласие, что тогда? Супругам не избежать серьезного разговора. Допустим, они уже пытались говорить и к согласию не пришли. Что им делать дальше? Они не могут голосовать, их только двое. Либо им придется разойтись в разные стороны, либо один из них должен иметь право решающего голоса. При постоянном браке одна из сторон, в предвидении крайнего случая, должна иметь масть и решать то, что касается семьи. Никакой постоянный союз невозможен без конституции.

2. Если в семье должен быть глава, то почему именно мужчина? Ну что ж, во-первых, хочет ли кто-нибудь всерьез, чтобы главную роль в семье играла женщина? Как я уже сказал, сам я не женат. Однако я вижу, что даже те женщины, которые хотят быть главою в своем доме, обычно не приходят в восторг, видя это у соседей. Скорее всего, они скажут: "Бедный мистер Икс! Почему он позволяет этой ужасной женщине верховодить? Просто не могу его понять?" Мало того - вряд ли женщина будет польщена, если кто-нибудь заметит, что она сама верховодит в семье. Должно быть, есть что-то противоестественное в том, что жена руководит мужем, потому что сами жены несколько смущены этим и презирают таких мужей.

Но есть еще одна причина; и здесь, скажу откровенно, я говорю как холостяк, потому что причину эту лучше видно со стороны. Отношения семьи с внешним миром - так сказать, внешнюю политику - должен, в конечном счете, контролировать муж. Почему? Потому что он обязан быть (и, как правило, бывает) справедливее к посторонним. Женщина сражается за детей и мужа, против всех остальных. Для нее их требования, их интересы перевешивают все. Она - их чрезвычайный поверенный. А муж - следит за тем, чтобы это естественное предпочтение не было очень уж сильным, когда вы общаетесь с другими. За ним должно оставаться последнее слово, чтобы он, в случае необходимости, мог защитить других от семейного патриотизма своей жены. Если кто-нибудь из вас в этом сомневается, позвольте мне задать вам вопрос. Предположим, что ваша собака укусила соседского ребенка или ваш ребенок ударил соседскую собаку. С кем вы предпочли бы иметь дело - с хозяином или с хозяйкой? Если вы замужняя женщина, скажите, пожалуйста: как бы вы ни обожали мужа, не считаете ли вы, что одно в нем плохо - он не может отстоять свои и ваши права перед соседями?

7. Прощение

Я сказал в одной из предыдущих глав, что целомудрие - едва ли не самая непопулярная из христианских добродетелей. Но я не уверен, что был прав. Пожалуй, есть добродетель еще менее популярная. Она выражается в христианском правиле "Возлюби ближнего своего как самого себя". Непопулярна она потому, что христианская мораль включает в понятие "ближнего" и врага. Итак, мы подходим к ужасно тяжелой обязанности прощать своих врагов. Каждый человек соглашается, что прощать - очень хорошо, пока сам не окажется перед альтернативным выбором, прощать или не прощать, ибо прощение должно исходить именно от него. Мы помним, как мы оказались в такой ситуации, когда началась война (2-я мировая - FS). Обычно само упоминание об этой дилемме вызывает бурю, и не потому, чтобы люди считали эту добродетель слишком высокой или трудной. Нет, просто такое прощение кажется им недопустимым, им ненавистна самая мысль о нем... И половина из вас уже готова меня спросить: "А как бы вы относились к гестапо, если бы родились поляком или евреем?"

Я сам хотел бы это знать. Точно так же, как хотел бы знать, что мне делать, если передо мной встанет выбор: умереть мученической смертью или отказаться от веры. Ведь христианство прямо говорит мне, чтобы я не отказывался от веры ни при каких обстоятельствах. В этой книге я не пытаюсь сказать вам, что я мог бы сделать, - я могу сделать очень мало. Я пытаюсь показать вам, что такое христианство. Не я его придумал. И в самой сердцевине его я нахожу слова: "Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим". Здесь нет ни малейшего намека на то, что прощение дается нам на каких-то других условиях. Слова эти совершенно ясно показывают, что если мы не прощаем, то не простят и нас. Двух путей нет. Так что же нам делать?

Что бы мы не пробовали делать, все будет трудно. Но я думаю, две вещи сделать мы можем, и они облегчат нам задачу. Приступая к изучению математики, вы начинаете не с дифференциального исчисления, а с простого сложения. Точно так же, если мы действительно хотим прощать (а все зависит от желания), нам, наверное, лучше начать с чего-то полегче, чем гестапо. Например, с того, чтобы простить мужа, или жену, или родителей, или детей, или ближайших соседей за то, что они сказали или сделали на прошлой неделе. Возможно, на это уйдет все наше внимание. Затем надо понять, что значит "любить ближнего, как самого себя". А как я люблю себя?

Вот сейчас, когда я об этом подумал, я понял, что у меня нет особой нежности и любви к себе самому. Я даже не всегда люблю свое общество. Видимо, слова "возлюби ближнего своего" не означают "испытывай к нему нежность" или "находи его привлекательным". Впрочем, так и должно быть - ведь, как бы вы не старались, вы не заставите себя почувствовать нежность к кому бы то ни было. Хорошо ли я отношусь к самому себе? Считаю ли я себя приятным человеком? Что ж, боюсь, минутами - да (и это, несомненно, худшие мои минуты). Но я люблю себя не поэтому: не потому, что считаю себя очень милым. На самом деле все наоборот, любовь к себе побуждает меня думать, что я, в сущности, очень мил. Значит, и врагов мы можем любить, не считая их приятными людьми. Как хорошо! Ведь очень многие думают, что, прощая своих врагов, мы должны признать, что они, в сущности, не так уж плохи, тогда как ясно, что они плохи, и все.

Давайте продвинемся еще на шаг вперед. В моменты просветления я не только не считаю себя приятным, но нахожу себя просто отвратительным. Я с ужасом думаю о некоторых вещах, которые я совершил. Значит, по всей видимости, можно ужасаться и некоторым поступкам моих врагов. И тут мне вспоминаются слова, давно произнесенные христианами учителями: "Ты должен ненавидеть зло, а не того, кто его совершает". Или иначе: "Ненавидеть грех, но не грешника". Долго я считал это различие глупым и надуманным: как можно ненавидеть то, что делает человек, и при этом не возненавидеть его самого? Позднее я понял, что так и относился к одному человеку, к самому себе. Как бы я ни ненавидел свою трусость или лживость, или жадность, я продолжал любить себя, мне это было совсем нетрудно. Собственно, я ненавидел свои дурные качества потому, что любил себя. Именно поэтому так огорчало меня то, что я делал, каким был я. Следовательно, христианство не побуждает нас ни на грань смягчить ту ненависть,

которую мы испытываем к жестокости и предательству. Мы должны их ненавидеть. Ни одного слова, которое мы сказали о них, не надо забирать обратно. Но христианство хочет, чтобы мы ненавидели их так же, как ненавидим собственные пороки, то есть чтобы мы сожалели, что кто-то мог поступить так, и надеялись, что когда-нибудь, где-нибудь он исправится и снова станет человеком.

Проверить себя можно так: предположим, вы читаете в газете историю о гнусных и грязных жестокостях. На следующий день появляется сообщение, и вы узнаете, что опубликованная вчера история не совсем соответствует действительности, все не так страшно. Скажете ли вы: "Слава Богу, они не такие негодяи, как я думал!" Или будете разочарованы и даже попытаетесь держаться той, первой версии, потому что вам приятно думать, какие это законченные мерзавцы? Если человек испытывает второе чувство, тогда, боюсь, он вступил на путь, который - пройди он его до конца - приведет его в сети дьявола. В самом деле, ведь он хочет, чтобы черное стало еще чернее.

Стоит дать волю этому чувству, и через какое-то время захочется, чтобы серое, а потом и белое тоже стало черным. В конце концов мы захотим все, буквально все - Бога, наших друзей, самих себя - видеть в черном свете. Подавить это уже не удастся. Безудержная ненависть поглотит эту душу навеки.

Попытаемся продвинуться еще на шаг вперед. Означает ли "Возлюби врага своего", что мы не должны его наказывать? Нет; и ведь то, что я люблю себя, не значит, что я всячески должен спасать себя от заслуженного наказания. Если вы совершили убийство, надо сдаться властям и испить чашу даже до смерти. Только это правильно с христианской точки зрения. Поэтому я считаю, что судья-христианин прав, приговаривая преступника к смертной казни; прав и солдат-христианин, когда убивает врага на поле сражения. Я считаю так с тех пор, как сам стал христианином, еще до этой войны. Слова "Не убий" неточно переводят. В греческом языке есть два слова, которые значат "убивать". Но одно из них значит просто "убить", второе - "совершить убийство". Во всех трех Евангелиях - от Матфея, от Марка, от Луки, - где приводится эта заповедь Христа, употреблено именно то слово, которое значит "не совершай убийства". Мне сказали, что такое же различие есть и в древнееврейском языке.

"Убивать" - далеко не всегда то же самое, что "совершать убийство", так же как половой акт - не всегда прелюбодеяние. Когда воины спросили у Иоанна Крестителя, что им делать, он и не намекнул на то, что им надо оставить армию. Ничего такого не требовал и Христос, когда, например, встретился с римским сотником.

Образ рыцаря-христианина, готового во всеоружии защищать доброе дело - один из великих образов христианства. Война - вещь отвратительная, и я уважаю искреннего пацифиста, хотя считаю, что он заблуждается. Кого я не могу понять, так это наших полупацифистов, которые пробуют внушить, что если уж ты вынужден сражаться, то сражайся, но как бы стыдясь и не скрывая, что делаешь это по принуждению. Такой стыд отнимает у прекрасных молодых христиан то, что принадлежит им по праву и всегда сопровождало мужеству - бодрость, радость и великодушие.

Я часто думаю, что бы случилось, если бы, когда я был на фронте во время первой мировой войны, мы с каким-нибудь молодым немцем одновременно убили бы друг друга и сразу же встретились после смерти. Знаете, я не могу себе представить, чтобы кто-то из нас двоих обиделся, рассердился или хотя бы смутился. Думаю, мы просто рассмеялись бы над тем, что произошло.

Конечно, кто-нибудь скажет: "Если человеку дозволено осуждать поступки врага и наказывать, даже убивать его, то в чем разница между христианской и обычной точкой зрения?" Разница есть, и колоссальная. Помните: мы, христиане, верим в то, что человек живет вечно. Поэтому значение имеют только те маленькие отметины на нашем внутреннем "я", которые в конечном счете обращают душу человеческую либо во что-то небесное, либо во что-то адское. Мы можем убивать, если это необходимо, но не должны ненавидеть и упиваться ненавистью. Мы можем наказывать, если надо, но не должны

испытывать при этом удовольствия. Иными словами, надо уничтожить глубоко гнездящуюся в нас враждебность, стремление отомстить за обиды. Я не хочу сказать, что любой человек может прямо сейчас покончить с этими чувствами. Так не бывает. Но всякий раз, когда это чувство шевельнется в глубине нашей души, день за днем, год за годом, всю жизнь мы должны его побеждать. Это тяжелая работа, но не безнадежная. Даже когда мы убиваем или наказываем, надо относиться к врагу, как к себе, то есть хотеть, чтобы он не был таким плохим и надеяться, что он сумеет стать лучше. Словом, мы должны желать ему добра. Вот что имеет в виду Библия: мы должны желать им добра, не питая к ним особой нежности и не говоря, что они - люди хорошие, если они совсем не такие.

Да, нам сказано любить и таких людей, в которых нет ничего, достойного любви. Но, с другой стороны, есть ли в каждом из нас что-нибудь уж очень достойное любви и обожания? Нет, мы любим себя только потому, что это мы сами. Бог же велел нам любить каждого человека точно так же и по той же причине, по которой мы любим себя. В нашей любви к самим себе он дал нам готовый образец, чтобы показать, как эта любовь работает. Воспользовавшись собственным примером, мы должны перенести правило любви на внутреннее "я" других людей. Возможно, нам легче будет это усвоить, если мы вспомним, что именно так любит нас Бог: не за приятные качества, которыми, по нашему мнению, мы обладаем, а просто потому, что мы - люди. Помимо этого нас, право же, любить не за что. Ведь мы способны так упиваться ненавистью, что отказаться от нее нам не легче, чем бросить пить или курить.

8. Величайший грех

Я перехожу сейчас к той части христианской морали, в которой она особенно резко отличается от всех других. Существует порок, от которого не свободен ни один человек на свете; но каждый ненавидит его в ком-то другом, и едва ли кто-нибудь, кроме христиан, замечает его в себе. Я слышал, как люди признаются, что у них плохой характер, или даже в том, что они трусы. Но я не припомню, чтобы когда-либо слышал от нехристианина признание в этом пороке. Зато я очень редко встречал неверующих, которые были бы хоть немного снисходительны к этому пороку в других. Нет порока, который так отвращает от человека, и нет порока, который мы меньше замечаем в себе. Чем больше этот порок у нас, тем больше мы ненавидим его в других.

Я говорю о гордыне, или самодовольстве; противоположную добродетель христиане называют смирением. Вы, может быть, помните, что когда я говорил о целомудрии, то предупредил вас, что центр христианской нравственности не там. И вот мы подошли к этому центру. Согласно христианскому учению, самый главный порок, самое страшное зло - гордыня. Распушенность, раздражительность, пьянство, жадность - все это мелочь по сравнению с ней. Именно из-за нее дьявол стал тем, чем он стал. Гордыня ведет ко всем другим порокам; это - состояние духа, абсолютно враждебное Богу.

Возможно, вам кажется, что я преувеличиваю. Тогда взвесьте еще раз в мои слова. Несколько мгновений назад я сказал: чем больше гордости в человеке, тем сильнее он ненавидит ее в других. Если вы хотите выяснить меру собственной гордыни, проще всего задать себе вопрос: "Очень ли я возмущаюсь, когда меня унижают, или не замечают, или вмешиваются в мои дела, или относятся ко мне покровительственно, или красуются и хвастают в моем присутствии?" Дело в том, что гордыня каждого человека соперничает с гордыней другого. Именно потому, что я хотел быть самым заметным на вечеринке, меня так раздражает, что кто-то другой привлекает к себе всеобщее внимание.

Надо ясно понять, что гордыне органически присущ дух соперничества, в этом сама ее природа. Другие пороки вступают в соперничество, так сказать, случайно. Она же не довольствуется частью; она удовлетворяется только тогда, когда у нее больше, чем у соседа. Мы говорим, что люди гордятся богатством, или умом, или красотой. Но это не совсем так. Они гордятся тем, что они богаче, умнее или красивее других. Если бы все стали одинаково богатыми, или умными, или красивыми, людям нечем было бы гордиться.

Только сравнение возбуждает в нас гордость - приятно знать, что мы выше остальных. Там, где не с чем соперничать, гордыне нет места. Вот почему я сказал, что дух соперничества присущ ей органически, тогда как о других пороках этого не скажешь. Половое влечение может пробудить дух соперничества между двумя мужчинами, если их привлекает одна и та же девушка. Но это - случайность; ведь они могли бы увлечься разными девушками. Между тем гордый человек уведет вашу девушку не потому, что он ее любит, а только для того, чтобы доказать самому себе, что он лучше вас. Жадность может толкнуть на соперничество, если нам чего-то недостает. Но гордый человек, даже если у него больше, чем ему хотелось бы, постарается приобрести еще больше просто для того, чтобы утвердиться в силе и власти. Почти все зло в мире, которое люди приписывают жадности и эгоизму, на самом деле - плод гордости. Возьмите, к примеру, деньги. Человек жаден до них, потому что хочет лучше проводить отпуск, купить лучший дом, лучшую еду и лучшие напитки. Но этому есть предел. Почему тот, кто получает сорок тысяч долларов в год, стремится к восьмидесяти тысячам? Это уже не просто жадность к удовольствиям; ведь при сорока тысячах роскошная жизнь вполне доступна. Он из гордости хочет стать богаче других и, что еще важнее, - обрести власть, ибо именно власть доставляет гордым особое удовольствие. Ничто не дает такого чувства превосходства, как возможность играть другими людьми, словно оловянными солдатами. Почему молодая девушка сеет несчастье повсюду, где она появится, приманивая поклонников? Конечно, не из похоти: такие девушки чаще всего бесстрастны. Ее толкает на это гордость. Почему политический лидер или целая нация постоянно стремится к новым успехам, не довольствуясь прежними? Опять-таки из гордости. Гордыне присущ дух соперничества. Вот почему ее невозможно удовлетворить. Если я ею страдаю, то пока хоть у кого-то больше власти, богатства или ума, он будет мне соперником и врагом.

Христианство право: именно гордыня порождает самые тяжкие несчастья в каждом народе и в каждой семье. Другие пороки могут иногда спланивать людей; среди тех, кто охоч до выпивки и чужд целомудрия, вы можете обрести веселых приятелей. Но гордыня всегда означает вражду - она и есть сама вражда. И не только вражда человека к человеку, но и человека к Богу.

Бог во всех отношениях неизмеримо превосходит вас. Пока вы этого не поняли, а значит - не поняли и того, что в сравнении с Ним вы - ничто, вы вообще не можете Его познать. Значит, вы не можете познать Его, не отрешившись от гордыни. Ведь гордый человек смотрит свысока на все и на всех; как же увидеть ему то, что над ним!

Тут встает ужасный вопрос. Как возможно, что люди, просто пожираемые гордыней, считают себя очень религиозными? Боюсь, что они поклоняются воображаемому Богу. Теоретически они признают, что перед этим призрачным Богом они - ничто. Но им постоянно представляется, будто этот Бог одобряет их и считает лучше других. Они платят Ему воображаемым, грошовым смирением, а на других людей смотрят гордо, высокомерно. Наверное, Христос думал и о них, когда говорил, что некоторые будут проповедовать Его и именем Его изгонять бесов, но при конце мира услышат, что Он никогда их не знал (1). Любой из нас в любой момент может попасть в эту ловушку. К счастью, у нас есть возможность испытать себя. Всякий раз, когда нам покажется, что наша религиозная жизнь делает нас лучше других, сомневаться незачем - ощущение это не от Бога, а от беса. Вы можете быть уверены, что Бог действительно с вами только тогда, когда совсем забываете о себе или видите себя незначительным и нечистым. Лучше о себе забыть.

Ужасно, что самый страшный из всех пороков способен проникнуть в самую сердцевину нашей религиозной жизни; но и вполне понятно. Другие, менее вредоносные пороки, исходят от беса, действующего через нашу животную природу; а этот проникает в нас иным путем, непосредственно из ада. Ведь природа его - чисто духовная, а значит, и действует он гораздо тоньше и смертоносней. По этой причине гордыня часто может исправлять другие пороки. Учителя, к примеру, нередко взывают к гордости учеников или к их "самоуважению", чтобы те вели себя прилично. Многим удается преодолеть приверженность к дурным страстям или исправить скверный характер, убеждая себя, что

пороки эти ниже их достоинства. Они достигают победы, разжигая в себе гордыню; и, глядя на это, дьявол смеется. Его вполне устраивает, что вы станете целомудренным, храбрым, стойким, если при этом ему удастся подчинить вашу душу диктату гордости, - точно так же он бы не возражал, чтобы вы излечились от озноба, если взамен он передаст вам рак. Ведь гордыня - духовный рак, она пожирает самую возможность любви, радости и даже здравого смысла.

Прежде чем мы покончим с этой темой, я должен предостеречь вас против таких ошибок:

1. Если вы испытываете удовольствие, когда вас хвалят, это не свидетельствует о гордыне. Ребенок, которого похлопали по плечу за хорошо выученный урок; женщина, чьей красотой восхищается возлюбленный; спасенная душа, которой Христос говорит; "Хорошо, верный раб", - все они польщены, и это вполне закономерно. Ведь удовольствие вызывает не то, какие они, а то, что они порадовали кого-то, когда хотели порадовать. Беда начинается, если от мысли: "Я его порадовал, как хорошо!" - перейти к мысли: "Должно быть, я очень хороший человек". Чем больше вы нравитесь себе и чем меньше удовольствия испытываете от похвалы, тем хуже вы становитесь. Если похвала вообще перестает занимать вас и любование самим собою становится единственным источником вашего удовольствия, значит, вы достигли дна. Вот почему тщеславие - та гордость, которая проявляется на поверхности, - пожалуй, наименее опасно и наиболее простительно.

Тщеславный человек жаждет похвалы, аплодисментов, обожания и напрашивается на комплименты. Это - недостаток, но недостаток детский и даже, как ни странно, не очень вредоносный. Он показывает, что удовольствоваться самообожанием вы пока не можете. Вы еще достаточно цените других, чтобы привлечь их внимание. Иными словами, вы еще сохраняете в себе что-то человеческое. Воистину черная, дьявольская гордыня приходит тогда, когда вы считаете всех остальных ниже себя и вас уже не волнует, что они о вас думают. Если в своих словах и поступках мы руководствуемся правильными соображениями, иногда и впрямь не надо ориентироваться на других - несравненно важнее, что о нас думает Бог. Но гордый человек не обращает на других внимания по иной причине. Он говорит: "На что мне одобрение этой толпы? Разве мнение всех этих людей имеет какую-то ценность? Да если бы оно и было так, мне ли краснеть от похвалы, словно девчонке, впервые приглашенной на танец? Я - самостоятельный взрослый человек. Все, что я сделал во имя своих идеалов, я сделал потому, что одарен особым талантом, или я родился в особой семье, словом, потому что я - вот такой. Толпе это нравится? Ее дело! Для меня все они - ничто". Тут настоящая, предельная гордыня может стать противницей тщеславия. Как я сказал выше, дьявол любит лечить мелкие недостатки, подменяя их крупными. Стараясь излечиться от тщеславия, мы не должны звать на помощь гордыню.

2. Мы часто слышим, что кто-то гордится сыном, или отцом, или школой, или службой. Греховна ли такая гордость? Я думаю, все зависит от того, какой смысл мы вкладываем в слово "гордиться". Часто оно для нас - синоним слова "восхищаться". А восхищение, безусловно, очень далеко от греха.

Но бывает и по-другому: слово "гордиться" может значить, что человек чувствует себя важной персоной, потому что у него знаменитый отец или он принадлежит к знатному роду. Хорошего в этом мало, и все-таки это лучше, чем гордиться самим собой. Любя кого-то и восхищаясь кем-то, кроме себя, мы отходим хотя бы на шаг от духовного крушения. Однако подлинное оздоровление не придет к нам до тех пор, пока мы будем любить что-то и преклоняться перед чем-то больше, чем мы любим Бога и преклоняемся перед Ним.

3. Мы не должны думать, будто Бог запрещает гордыню, ибо она оскорбляет Его; что Он требует от нас смирения, чтобы подчеркнуть Свое величие, словно Сам болен гордостью. Думаю, Бога меньше всего занимает Его достоинство. Просто Он хочет, чтобы мы познали Его. Он хочет дать Себя нам. А если мы действительно, по-настоящему соприкасаемся с Ним, то невольно и радостно покоримся, и нам станет гораздо легче, когда мы отделаемся наконец от надуманной чепухи о нашем достоинстве, которая всю жизнь не дает нам

покоя, отнимает радость. Он старается сделать нас покорными, чтобы нам стало легче. Он пытается освободить нас от причудливого, уродливого наряда, в который мы рядимся и еще чванливо охорашиваемся. Хотелось бы и мне стать покорней и смиренней. Если бы я этого добился, то смог бы побольше рассказать вам о том облегчении и удобстве, которые приходят к нам, когда мы снимем с себя маскарадный наряд, отделаемся от фальшивого "я" с его позами и претензиями: "Ну посмотрите, разве не славный я парень?" Даже приблизиться к этой легкости на миг - все равно, что выпить холодной воды в пустыне.

4. Не думайте, что настоящее смирение - вкрадчивость и елейность, когда мы нарочито подчеркиваем собственное ничтожество. Встретив поистине смиренного человека, вы, скорее всего, подумаете, что он веселый, умный и ему очень интересно то, что вы говорили ему. А если он не понравится вам, то, наверное, потому, что вы ощутите укол зависти - как же ему удастся так легко и радостно воспринимать жизнь? Он не думает о своем смирении; он вообще не думает о себе.

Если кто-то хочет стать смиренным, я могу подсказать ему первый шаг: поймите, что вы горды. Шаг этот будет и самым значительным. По крайней мере, ничего нельзя сделать, пока не сделаешь его. Если вы думаете, что не страдаете гордыней, значит, вы ею страдаете.

9. Любовь

В предыдущей главе я сказал, что существуют четыре основные и три теологические добродетели. К теологическим относятся вера, надежда и любовь. О вере я буду говорить в двух последних главах. О любви мы уже беседовали в главе 7, но там я сосредоточил все внимание на той ее стороне, которая выражается в способности прощать. Сейчас я хочу кое-что добавить.

Любовь - не состояние чувств, а, скорее, состояние воли, которое мы воспринимаем как естественное, когда так относятся к нам, и которое учимся (надеюсь) распространять на других.

В главе "Прощение" я сказал, что любовь к себе не свидетельствует о том, что мы себе нравимся. Она означает, что мы желаем себе добра. Точно так же христианская любовь к ближним не обязывает нас восхищаться ими. Одни люди могут нам нравиться, другие - нет. Важно понять, что наши симпатии и антипатии не грех и не добродетель, как, скажем, отношение к еде. Это просто факт. А вот то, как мы претворяем их в жизнь, может стать грехом и добродетелью.

Если нам кто-то нравится, легче быть к нему милосердным, мы должны всемерно поощрять в себе природную любовь к людям (как поощряем мы нашу склонность к спорту или здоровой естественной пище) не потому, что это есть христианская любовь, а потому, что это помогает нам любить. С другой стороны, надо постоянно следить, чтобы приязнь к одним людям не сказалась на любви к другим, не толкнула нас на несправедливый поступок. Ведь бывает и так, что наша склонность вступает в конфликт с христианской любовью к этому же человеку. Например, ослепленная любовью мать может по естественной нежности избаловать своего ребенка - пылкое чувство к сыну или дочери она бессознательно удовлетворяет за счет их благополучия в будущем.

Но хотя естественную симпатию к другим и следует поощрять в себе, это не значит, что без этого никак не обойдешься. Некоторые люди холодны по темпераменту. Возможно, в этом их несчастье, но это не больший грех, чем плохое пищеварение. Однако такой темперамент не освобождает их от обязанности учиться любви. Правило, которое существует для всех нас, очень ясно: не теряйте время, раздумывая над тем, любите ли вы ближнего; поступайте так, словно вы его любите. Как только мы начинаем это делать, мы открываем один из великих секретов: ведя себя так, словно мы его любим, мы постепенно начинаем любить его. Причиняя вред тому, кто нам не нравится, мы замечаем, что от этого он не нравится нам еще больше; сделав же ему что-то хорошее, чувствуем,

что неприязнь стала меньше. Но у этого правила есть одно исключение. Если вы совершили хороший поступок не ради того, чтобы угодить Богу, исполнив закон любви, а для того, чтобы показать, какой вы, в сущности, славный, добрый человек; если вы хотите, чтобы облагодетельствованный вами чувствовал себя вашим должником, и предвкушаете благодарность, вас, скорее всего, ждет разочарование. Ведь люди не глупы. Они сразу видят, когда что-то делается из расчета и напоказ.

Зато всякий раз, когда мы делаем кому-то добро потому, что он - тоже человек, созданный (как и мы с вами) Богом, и потому, что желаем ему счастья, как желаем его себе, мы любим его немножко больше. Или, по крайней мере, меньше не любим.

Вот и получается, что, хотя христианская любовь как-то холодновата для тех, кто чрезмерно склонен к чувствительности, очень не похожа на пылкую симпатию и нежные чувства, ведет она именно к симпатии и нежности. Разница между христианином и мирским человеком не в том, что мирскому человеку присущи лишь симпатии, а христианину - только любовь. Она в том, что мирской человек добр к тем, кто ему нравится, а христианин старается быть добрым к каждому и по мере этого начинает замечать, что люди нравятся ему все больше, даже те, о ком он и подумать тепло не мог.

Тот же духовный закон действует и в обратном направлении. Немцы, возможно, преследовали евреев сначала потому, что их ненавидели. Позже они стали ненавидеть их еще больше из-за того, что преследовали и уничтожали. Чем хуже вы поступаете с человеком, тем больше его ненавидите. Чем больше вы его ненавидите, тем хуже поступаете. Порочный круг замкнулся.

И добро, и зло возрастают в геометрической прогрессии. Вот почему те маленькие решения, которые мы с вами принимаем каждый день, так бесконечно важны. Казалось бы, сегодня вы совершили пустяковое дело - вы взяли крепость, из которой через несколько месяцев сможете двинуться к завоеваниям и победам, прежде недоступным. А незначительная уступка нечистому желанию или гневу обернется потерей горного рубежа, или узловой станции, или укрепления, откуда враг сможет начать атаку, в ином случае - невыносимую.

Некоторые используют понятие "любовь", чтобы описать не только христианскую любовь между людьми, но и любовь Бога к человеку, человека - к Богу. Люди очень беспокоятся из-за последней. Им сказано, что они должны любить Бога, но они не могут найти в себе таких чувств. Что им делать? Ответ все тот же. Они должны поступать так, как если бы они Его любили. Не пытайтесь выжимать из себя эти чувства. Задайте себе вопрос: "Что бы я делал, если бы твердо знал, что люблю Бога?" Найдя ответ, претворите его в жизнь.

В общем, Божья любовь к нам - более безопасный предмет для размышления, чем наша любовь к Нему. Никто не может постоянно испытывать преданность. А если бы мы могли, не этого Бог хочет от нас больше всего. Христианская любовь и к Богу, и к человеку - волевой акт. Стараясь следовать Божьей воле, мы исполняем Его заповедь: "Возлюби Господа Бога твоего"(1). Он Сам даст нам чувство любви, если сочтет нужным. Мы не можем выработать его собственными усилиями, и мы не должны его требовать, словно оно принадлежит нам по праву. Помните великую истину: наши чувства появляются и исчезают, Божья любовь неизменна. Она не становится меньше из-за наших грехов или нашего безразличия и потому не слабеет, когда хочет излечить нас от греха, чего бы это нам ни стоило и чего бы ни стоило Богу.

10. Надежда

Надежда - одна из теологических добродетелей. Постоянные размышления о вечности - не бегство от действительности (как считают теперь некоторые), а одна из тех вещей, которые призван осуществить христианин. Это не значит, что не надо беспокоиться о состоянии современного мира. Читая историю, вы видите, что именно христиане, больше всех помогавшие улучшить этот, здешний мир, больше всех думали о мире грядущем. Сами апостолы, которые положили начало обращению Римской империи, и великие люди,

создавшие культуру средневековья, и английские евангелисты, сокрушившие работорговлю, - все они оставили след на земле именно потому, что ум их был занят мыслями о небе. Лишь по мере того как христиане все меньше думали о мире ином, слабело их влияние в этом мире. Цельтесь в небо - попадете и в землю; цельтесь в землю - не попадете никуда! Это правило кажется странным, но похожее есть и в других областях. Например, здоровье - великое благо, но как только оно станет вашей главной заботой, вам покажется, что оно у вас не в порядке. Думайте побольше о работе, развлечениях, свежем воздухе, вкусной еде - и, вполне вероятно, здоровье вы получите в придачу. И еще: если все наши мысли направлены на то, как усовершенствовать нашу цивилизацию, нам не спасти ее. Для этого надо думать о чем-то ином, а главное - хотеть иного.

Слишком многим из нас очень трудно стремиться к небу, разве что мы надеемся увидеть умерших родственников. Одна из причин - в том, что мы не приучены к этому; вся наша система образования ориентирует разум на этот мир. Другая причина в том, что, когда такое желание появляется, мы его попросту не узнаем. Почти все люди, которые действительно научились бы заглядывать в глубины своего сердца, знали бы: то, чего они желают, и желают очень сильно, в этом мире обрести нельзя. Здесь много такого, что сулит его, но эти обещания не выполняются. Страстная юношеская мечта о первой любви или о заморской стране; волнение, с которым мы беремся за какое-то дело, не удовлетворит ни женитьба, ни путешествие, ни наука. Я говорю не о несчастных браках, неудавшихся каникулах, или несбывшихся ученых карьерах. Я говорю о самых удачных. Сначала, когда наша мечта осуществится, нам кажется, что мы ухватили жар-птицу за яркое ее оперение, но она тут же ускользает от нас. Я думаю, вы все понимаете, о чем я веду речь. Жена может быть очень хорошей, гостиницы и пейзажи - просто отличными, химия - невероятно интересной, но при всем при том что-то от нас ускользает. Можно реагировать на это неверно и верно.

1. *Реакция глупца*. Он винит все и вся. Его не покидает мысль, что, если бы он связал свою жизнь с другой женщиной или отправился в более дорогое путешествие, ему удалось бы поймать то таинственное нечто, которого мы ищем. Почти все скучающие, разочарованные богачи относятся к этому типу. Всю свою жизнь переходят они от одной женщины к другой (оформляя развод и новые браки), переезжают с континента на континент, меняют хобби, не теряя надежды, что вот это-то - настоящее, но разочарование неизменно постигает их.

2. *Реакция утратившего иллюзии здравомыслящего человека*. Он вскоре приходит к заключению, что все эти надежды были пустой мечтой. Конечно, говорит он, когда вы молоды, вы полны великих ожиданий. Но доживите до моего возраста, и вы перестанете гнаться за солнечным зайчиком. На этом он и успокаивается, учится не ожидать от жизни слишком многого и старается заглушить в себе голос, нашептывающий ему о волшебных далях. Это, конечно, гораздо лучше, приносит человеку больше счастья, а сам человек меньше досаждает другим. Обычно он склонен покровительственно, снисходительно относиться к молодым; но вообще жизнь протекает у него довольно гладко. Это было бы лучше всего, если бы нам не предстояло жить вечно. А что, если безграничное счастье есть и ожидает нас где-то? Что, если мы действительно можем поймать солнечный зайчик? Тогда было бы очень печально обнаружить (сразу же после смерти), что "здоровый смысл" убил в нас право и возможность наслаждаться этим счастьем.

3. *Реакция христианина*. Христианин говорит: "Все живое рождается на свет с такими желаниями, которые можно удовлетворить. Ребенок испытывает голод, но на то и пища, чтобы его насытить. Утенок хочет плавать; что ж, вот вода. Люди испытывают влечение к противоположному полу; для этого существует половая близость. Если я нахожу в себе такое желание, которое ничто в этом мире не способно удовлетворить, это, вероятнее всего, объясняется тем, что я создан для другого мира. Если ни одно из земных удовольствий не приносит мне подлинного уболаговторения, это не значит, что мироздание обманчиво. Возможно, земные удовольствия и рассчитаны не на то, чтобы удовлетворить ненасытное желание, а на то, чтобы, возбуждая его, манить меня вдаль, где и таится настоящее. Если это так, то постараюсь никогда не приходить в отчаяние и буду

благодарить за эти, земные благословения; а с другой стороны, не стану принимать их копию, эхо, несовершенное отражение за то, что оно отражает. Я должен хранить этот неясный порыв к моей настоящей родине, которую я не сумею обрести, пока не умру. Нельзя допустить, чтобы она скрылась под снегом, или пойти в другую сторону. Я хочу дойти до этой страны и помочь другим. Это станет целью моей жизни".

Надо ли обращать внимание на людей, старающихся высмеять христианскую надежду о небе, когда они говорят, что им не хотелось бы провести всю вечность, играя на арфе. Этим людям я отвечу, что если они не могут понять книг, написанных для взрослых, то не должны и рассуждать о них. Все образы в Священном Писании (арфы, венцы, золото) - это просто попытка выразить невыразимое. Музыкальные инструменты упоминаются в Библии потому, что для многих людей (не для всех) музыка лучше всего передает восторжение и чувство бесконечности. Венцы или короны говорят о том, что люди, объединившиеся с Богом в вечности, разделят с Ним Его славу, силу и радость. Золото символизирует неподвластность времени (ведь оно не ржавеет) и непреходящую ценность. Люди, понимающие все эти символы буквально, с таким же успехом могли бы подумать, что, советуя нам быть как голуби, Христос хотел, чтобы мы несли яйца.

11. Вера

В этой главе я собираюсь поговорить с вами о том, что христиане называют верой. Очевидно, что слово "вера" они используют в двух смыслах или на двух уровнях; и я рассмотрю каждый из них по очереди. В первом случае это слово значит, что мы приняли или признали истиной учение христианства. Довольно просто. Но вот что озадачивает людей, по крайней мере, озадачивало меня: веру в этом смысле христиане считают добродетелью. Помню, я все спрашивал, почему, на каком основании она может быть добродетелью - что нравственного или безнравственного в согласии с какими-то утверждениями? Я говорил, что каждый здравомыслящий человек принимает или отвергает что-то не потому, что он хочет или не хочет принять, а потому, что доводы его убеждают или не убеждают. Если он ошибся, оценивая, насколько они вески, это не значит, что он плохой человек, разве что не особенно умный. Если же, сочтя их неубедительными, он все-таки старается поверить, это просто глупо.

Что ж, я и сегодня так думаю. Но тогда я не видел того, чего многие не видят и по сей день. Я считал, что, если человеческий разум однажды признал что-то истиной, он автоматически будет считать это истиной до тех пор, пока не появится серьезная причина пересмотреть привычную точку зрения. Собственно, я считал, что человеческим разумом управляет только логика. Но это не так. Скажем, на основании веских доказательств я совершенно убежден в том, что обезболивающие средства не вызывают удущья, а опытный хирург не начнет операцию, пока я совсем не усну. Однако, когда меня кладут на операционный стол и я ощущаю эту ужасную маску, меня, словно ребенка, охватывает паника. Мне кажется, что я задохнусь; мне страшно, что меня начнут резать прежде, чем мое сознание отключится. Иными словами, я теряю веру в анестезию. И не потому, что эта вера противоречит рассудку - напротив, им-то она и обоснована. Я теряю ее из-за воображения и эмоций. Битва идет между верой и разумом, с одной стороны, и эмоциями и воображением - с другой.

Когда вы задумаетесь об этом, то в голову вам придет множество примеров. Человек знает на основании достоверных фактов, что его знакомая девушка - большая лгунья, что она не умеет держать секретов и ей нельзя доверять. Но когда он с ней, разум его теряет эту веру, и он начинает думать: "А может быть, на сей раз она другая", - и снова ставит себя в дурацкое положение, рассказывая ей то, чего рассказывать не следовало. Его чувства и эмоции разрушили веру в то, что было правдой, и он это знал.

Или возьмите другой пример: мальчик учится плавать. Он прекрасно понимает умом, что человеческое тело совсем не обязательно пойдет ко дну, если оставить его в воде без поддержки; он видел десятки плавающих людей. Но сможет ли он верить в это, когда инструктор уберет руку и оставит в воде без поддержки именно его? Или внезапно потеряет веру, испугается и пойдет ко дну?

Приблизительно то же происходит с христианством. Я не прошу кого бы то ни было принять Христа, если рассудок его под давлением доказательств говорит ему обратное. Так вера не приходит. Но, предположим, голос рассудка, опять-таки под давлением доказательств, свидетельствует в пользу христианства. Я могу сказать, что случится на протяжении нескольких недель. Наступит момент, когда вы получите плохие известия, или попадете в беду, или встретите людей, не верящих в то, во что вы верите, и тотчас же противоречивые чувства поведут атаку на убеждения. Или придет минута, когда вас потянет к женщине, или вам захочется солгать, или вы собой залюбуетесь, или подвернется случай раздобыть деньги не совсем честно - короче, такая минута, когда было бы удобнее, если бы вся эта христианская вера оказалась выдумкой. И снова желания поведут атаку. Я не говорю о тех случаях, когда вы столкнетесь с новыми логическими доводами против христианства. Таким доводам или фактам надо смело смотреть в лицо, но не об этом речь. Я говорю о тех случаях, когда христианским убеждениям противостоят настроения и чувства.

Вера в том смысле, в каком я сейчас употребляю это слово, - искусство держаться тех убеждений, с которыми разум однажды согласился, независимо от того, как меняется настроение; ведь настроения будут меняться, какую бы точку зрения ты ни принял, я знаю это по личному опыту. Теперь, когда я стал христианином, у меня бывает такое состояние, когда христианская истина представляется мне маловероятной; а в бытность мою атеистом на меня порой находило настроение, когда она казалась мне очень вероятной. Такого мятежа чувств и настроений против вашего истинного "я" вам не избежать. Вот почему вера так необходима. Пока вы не научитесь управлять настроениями, пока вы не укажете им их место, вы не сможете оставаться ни убежденным христианином, ни убежденным атеистом. Вы будете вечно мятущимся существом, чьи убеждения зависят от погоды или от желудка. Следовательно, человек должен развивать в себе привычку веры.

Первый шаг тут - признать, что ваши настроения постоянно меняются. Далее. Если вы однажды приняли христианство, позаботьтесь о том, чтобы каждый день на какое-то время сознательно возвращаться разумом к его основным доктринам. Вот почему ежедневные молитвы, чтение религиозных книг и посещение церкви неотъемлемы от христианской жизни. Нам надо все время напоминать, во что мы верим. Ни христианские убеждения, ни какие бы то ни было другие не закрепляются автоматически. Их необходимо питать. Возьмите сто человек, потерявших веру в христианство, и поинтересуйтесь, сколько из них изменили свои убеждения под воздействием доводов разума? Вы увидите, что большинство отошло от христианства просто так, по инерции.

А сейчас я должен перейти к вере в более высоком значении, и это самое трудное из всего, о чем я говорил. Вначале мы вернемся назад, к смирению. Вы помните, я говорил, что первый шаг на этом пути - признать присущую тебе гордыню? Второй шаг - серьезно попытаться осуществлять христианские добродетели. Одной недели для этого мало - такое короткое время ничего не покажет. Пытайтесь хотя бы шесть недель. Полностью провалившись, вы окажетесь, возможно, ниже того уровня, с которого начали, и обнаружите какую-то правду о себе. Ни один человек не знает, насколько он плох, пока по-настоящему не постарается быть хорошим.

В наши дни, как это ни глупо, думают, что хорошие люди не знают, что такое соблазн. Это - ложь. Только те, которые стараются противостоять искушению, знают его силу. Вы поняли, как сильна немецкая армия, сражаясь против нес, а не сдавшись в плен. Вы познаете силу ветра только тогда, когда идете против него, а не ложитесь на землю. Человек, который поддался искушению через пять минут, просто не знает, каким оно стало бы через час. Вот, между прочим, почему плохие люди представляют очень плохо, что такое зло. Они защитились от этого тем, что всегда уступали искушению в самом начале. Мы никогда не узнаем силу злого импульса, если не попытаемся противостоять ему. Христос был единственным человеком на земле, который ни разу не уступил искушению; поэтому только Он - знал его во всей полноте.

Итак, серьезно пытаюсь не отступать от христианских добродетелей, мы учимся признавать, что неспособны жить в согласии с ними. От мысли, что Бог предлагает нам экзамен, на котором мы могли бы получить хорошие отметки, надо отказаться. е годится и мысль о сделке, при которой мы могли бы исполнить наши обязательства и поставить Бога в положение, когда Ему просто пришлось бы, справедливости ради, выполнить Свои.

Я думаю, каждому, у кого была какая-то неясная вера в Бога до того, как он стал христианином, приходили в голову такой экзамен или такая сделка. Но когда мы становимся христианами, мы начинаем понимать, что идея эта не срабатывает. Тогда некоторые решают, что само христианство обречено на неудачу, и отходят от него. Очевидно, они воображают Бога каким-то простаком. Но Он прекрасно обо всем знает. Одна из задач христианства именно в том и состоит, чтобы показать нам несостоятельность вышеупомянутых представлений. Бог ожидает той минуты, когда мы увидим, что на этом экзамене не заработаешь проходного балла и невозможно сделать Бога нашим должником. Потом приходит другое открытие. Каждая способность, которой вы наделены - способность двигать ногами или мыслить - дана Богом, и если каждый миг своей жизни мы будем служить Ему одному, то и тогда не сможем дать Ему ничего, что Ему бы не принадлежало. Когда мы говорим, что человек делает что-то для Бога или дает Богу, мы - как маленький мальчик, который придет к отцу и скажет: "Папа, дай мне денег, я куплю тебе подарок". Конечно, отец даст, и подарок его порадует, все это хорошо и правильно. Но только дурак подумает, что отец выиграл. Вот когда человек сделает оба эти открытия, Бог сможет по-настоящему приняться за него. Только после этого и начинается для него настоящая жизнь. Человек пробуждается... Теперь мы можем перейти к вере во втором смысле.

Мне хотелось бы, чтобы на то, с чего я начну, каждый обратил особое внимание. А начну я с предупреждения. Если глава не покажется вам интересной; если вы думаете, что я пытаюсь ответить на вопросы, которые у вас и не возникали, - не читайте ее до конца. В христианстве есть вещи, которые можно понять еще до того, как вы стали христианином. Но есть и такие, которых не поймете, пока сами не одолеете часть пути. Это чисто практические вещи, хотя на первый взгляд они такими не кажутся. Они как бы указывают направления, отмечают перекрестки, предупреждают о препятствиях, которые вы встретите на пути веры. Естественно, они ничего не говорят тому, кто еще не достиг перекрестков и не наткнулся на препятствия. Всякий раз, когда вы сталкиваетесь в христианской литературе с тем, что для вас не имеет смысла, не задумывайтесь, проходите мимо. Наступит день, может быть - годы спустя, когда вы внезапно поймете, что это значит. Возможно, вам принесло бы вред, если бы вы поняли слишком рано.

Все это, конечно, говорит против меня, как говорило бы против всякого другого. А вдруг я собираюсь объяснить то, до чего сам еще не вполне дошел? Поэтому я прошу тех христиан, которые разбираются в тонкостях нашей доктрины, внимательно следить за ходом моих рассуждений и указать на ошибки. Остальных же прошу принять то, что я говорю, как некую крупицу истины, которая может оказаться полезной, памятуя при этом, что я и сам не совсем убежден в своей правоте.

Попытаюсь говорить о вере во втором, более высоком смысле слова. Я только что сказал, что потребность в этом разобраться возникает не прежде, чем мы сделали все от нас зависящее, чтобы следовать христианским добродетелям, и увидели, что это невозможно; не раньше, чем мы поняли, что, если бы это даже удалось, мы отдали бы Богу только то, что и без того Ему принадлежало. Иными словами, лишь тогда, когда мы обнаружим полное свое банкротство.

Позвольте мне еще раз повторить: для Бога важнее всего не наши действия, а наше состояние. Он хочет, чтобы мы были существами особого рода или качества, такими, какими Он предназначил нам быть в самом начале, то есть - определенным образом связанными с Ним. Не обязательно добавлять "и друг с другом", одно вытекает из другого. Если у вас установились правильные отношения с Богом, то непременно установятся правильные отношения и со всеми вашими собратьями. Это - как спицы колеса: если они правильно посажены на втулку, то будут симметричны и по отношению друг к другу. А

пока человек думает о Боге как об экзаменаторе, который требует выполнить какое-то проверочное задание, или как об участнике двухсторонней сделки; пока он считает, что Ему или нам можно ставить требования, преждевременно говорить о правильных отношениях с Богом. Этот человек еще не понял, что такое он сам и что такое Бог.

В правильные отношения с Создателем человек не сумеет вступить до тех пор, пока не обнаружит полного своего банкротства. Когда я так говорю, я имею в виду, что он действительно это обнаружит, а не повторит, как попугай, за другими. Конечно, и ребенок, получивший какое-то религиозное образование, вскоре научится повторять, что мы не можем предложить Богу ничего такого, что бы Ему не принадлежало, и даже этого мы не в состоянии предложить целиком, не удержав чего-то для себя. Однако я имею в виду подлинное открытие, когда человек на личном опыте убеждается, что все это правда.

Обнаружить, что мы не способны следовать Божьему закону, нам дано только ценой самых настойчивых попыток соблюдать его, в несостоятельности которых мы сами убедимся. Пока мы не приложим настоящих стараний, где-то в глубине души мы будем надеяться, что если в следующий раз мы постараемся изо всех сил, то наконец сумеем стать непогрешимыми. Таким образом, с одной стороны, возвращение к Богу требует нравственных усилий, предельных стараний; но, с другой стороны, не эти старания приведут нас к желанной цели. Зато они ведут к той исключительно важной минуте, когда мы обратимся к Богу и скажем: "Сделай это, сам я этого сделать не могу". И прошу вас, не спрашивайте: "Достиг ли я этого?" Не копайтесь в своих ощущениях, стараясь понять, наступает ли та самая минута. Ведь когда случается что-то важное, мы нередко этого не замечаем. Человек не говорит себе: "Как хорошо, я расту!" Чаще всего он заметит, что действительно вырос, только оглянувшись назад. Вы можете это увидеть и в более простых вещах. Человек, который с нетерпением ожидает сна, скорее всего, не заснет. То, о чем я говорю, может быть, не с каждым случится так, как случилось с апостолом Павлом или Беньяном: его не поразит молния. Иногда это происходит постепенно, и человек не сумеет указать ни часа, ни даже года, когда это произошло. Важно, что именно с нами было, а не то, что мы при этом чувствовали. Изменение выразится в том, что от уверенности в своих силах мы перейдем к состоянию, когда, отчаявшись хоть чего-то добиться, мы все предоставим Богу.

Я знаю, слова "предоставить Богу" могут ввести в заблуждение. Тем не менее сейчас их надо произнести. Для христианина это значит "все доверить Христу"; так выражает он упование на то, что Христос каким-то образом поделится с нами Своей способностью к совершенному послушанию, которое Он соблюдал от рождения до распятия. В этих словах звучит надежда на то, что Христос сделает человека более подобным Себе - излечит его слабости, исправит недостатки. Говоря по-христиански, Сын Божий разделит с нами Свою природу и сделает нас причастными Его высокому сыновству. В четвертой книге я постараюсь поглубже разобрать значение этих слов.

Итак, Христос предлагает нам нечто важное и притом - даром; более того, Он даром предлагает нам все. В некотором смысле христианская жизнь и состоит в том, что мы принимаем совершенно исключительное предложение. Трудно признать, что все, что мы сделали, и все, что мы можем сделать, в сущности - ничто. Однако совсем, совершенно передать наши заботы Христу - не значит, что мы перестанем действовать, не будем стараться. Доверившись Ему, мы делаем все то, что Он подсказывает. Какой смысл говорить, что вы доверяете такому-то, если вы не следуете его советам? Если вы действительно доверились Богу, вы будете, по мере сил, Ему подчиняться. Но и стараться вы будете по-иному, ни о чем не волнуясь. Вы станете выполнять то, о чем Он говорит, не для того, чтобы спастись, а из-за того, что Он уже начал спасать вас. Вы станете жить и действовать иначе - не ради того, чтобы попасть на небо в награду за хорошее поведение, а потому, что внутри вас уже забрезжил слабый отблеск небесного света.

Христиане часто спорят о том, что ведет христианина в дом Отчий - добрые дела или вера. Не знаю, имею ли я право приниматься за столь трудную тему, но мне кажется, что спорить об этом - все равно, что спрашивать, какое лезвие у ножниц важнее. Только

самое серьезное нравственное усилие поможет вам понять, что все ваши усилия тщетны; лишь вера во Христа способна спасти вас тогда от отчаяния. А уж эта вера неизбежно приведет вас к добрым делам.

Есть две пародии на истину, которых придерживались некоторые христиане и которые осудили другие христиане. Возможно, если мы задумаемся над этими пародиями, нам станет яснее сама истина.

Одна из идей, подвергшихся осуждению, такая: "Важны только добрые дела. Лучшее из них - это благотворительность. Лучшая форма благотворительности - денежные пожертвования. А кому же еще жертвовать деньги, как не церкви? Так что дайте церкви 10 000 фунтов стерлингов, и она позаботится о том, чтобы с вами все было в порядке". На эту бессмыслицу, очевидно, напрашивается возражение: "Добрые дела, совершенные потому, что ты хочешь подкупить небо, не добры ни с какой точки зрения. Это просто торговая сделка".

Другое заблуждение сводилось к следующему: "Важна только вера. Следовательно, если у вас есть вера, действия ваши и поступки роли не играют. Грешите в свое удовольствие, мой друг, развлекайтесь, наслаждайтесь жизнью, а Христос позаботится о том, чтобы все это не отразилось на вашем пребывании в вечности". Возражая на эту чушь, мы говорим: "Если то, что вы называете верой в Христа, не побуждает вас обратить хоть немного внимания на Его слова и советы, значит, это и не вера. У вас нет ни веры, ни доверия к Нему, разве что кое-какие теоретические знания".

Проблему того, что важнее - дела или вера. Библия решает, объединяя их в одной замечательной фразе. В первой части ее мы читаем: "Со страхом и трепетом совершайте свое спасение", и получается так, словно все зависит от нас и наших дел; но во второй части той же фразы говорится: "Потому что Бог производит в вас хотение и действие по Своему благоволению" (Фил.2:12,13), и можно понять, что Бог делает за нас все, мы же - ничего. Именно с этой дилеммой и сталкиваемся в христианстве.

Я и сам порою ощущаю себя в тупике, но не удивляюсь. Видите ли, мы сейчас пытаемся понять и на два лада толкуем то, что толкованию не подлежит, а именно: что же в точности делает Бог, что - человек, когда они действуют сообща. Мысленно мы прежде всего сравниваем их с двумя людьми, работающими вместе, когда можно сказать: "Он сделал то-то, а я то-то". Но такое сравнение несостоятельно, Бог - не человек. Он действует и внутри нас, и во внешнем мире. Даже если бы нам удалось понять, кто и что здесь делает, я не думаю, что человеческий язык выразит такие понятия.

Пытаясь все-таки как-то это выразить, разные церкви говорят разное. Но примечательно, что те из них, которые особенно подчеркивают важность добрых дел, говорят вам о необходимости веры; те же, кто особое значение придает вере, настаивают на добрых делах. Это, пожалуй, все, что я могу сказать.

Я думаю, все христиане согласятся со мной - хотя на первый взгляд кажется, будто христианство сводится к морали, долгу и соблюдению правил, вине и добродетели, оно ведет нас дальше, за пределы всего этого. Человек видит проблеск иной страны, где никто о таких вещах не говорит, разве что в шутку. Каждый в той стране исполнен добра, как зеркало исполнено света. Но никто не называет это добром, вообще никак не называют, об этом просто не думают. Там слишком заняты, там созерцают его источник. Но мы приблизились к тому месту, откуда дорога уходит за пределы нашего мира. Никто не способен видеть так далеко, хотя многие, конечно, видят дальше, чем я.

Книга 4. ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЛИЧНОСТИ, ИЛИ ПЕРВЫЕ ШАГИ В УЧЕНИИ О ТРОИЦЕ

1. Сотворить - не значит родить

Меня часто предупреждали, чтобы я не рассказывал вам того, что собираюсь рассказать в этой книге. Мне говорили: "Обыкновенный читатель не хочет никакой теологии, дайте ему простую, практическую религию". Я отверг эти советы. Я не думаю, что обыкновенный читатель настолько глуп. Слово "теология" означает "наука о Боге"; и я полагаю, что каждый человек, хоть немножко задумывающийся о Создателе всего сущего, хотел бы, насколько это возможно, получить самые ясные и точные представления о Нем. Вы не дети, так зачем же обращаться с вами, как с детьми?

В какой-то мере я понимаю, почему некоторым хотелось бы обойти теологию стороной. Я помню, во время одной моей беседы пожилой офицер, побывавший, видно, во многих переделках, поднялся и сказал: "Мне вся эта болтовня ни к чему. Но, доложу вам, я тоже человек религиозный. Я знаю, что Бог есть. Как-то ночью, когда я был один в пустыне, я чувствовал Его присутствие. Это величайшая тайна. Именно поэтому я не верю всем вашим аккуратным формулам и догмам. Да и каждому, кто пережил реальную встречу с Ним, они покажутся жалкими, сухими и ненастоящими".

В каком-то смысле я согласен с этим человеком. Вполне вероятно, что он и в самом деле пережил встречу с Богом в той пустыне. И когда от личного опыта он обратился к христианской доктрине, то, видимо, почувствовал, что переходил от чего-то реального к отвлеченному и не очень значительному. Наверное, что-то подобное испытывал бы человек, который видел Атлантический океан с берега, а теперь рассматривает его на карте. Сравнимы ли океанские волны с куском раскрашенной бумаги? Однако дело вот в чем. Карта - действительно кусок раскрашенной бумаги, но вы должны понять две вещи. Во-первых, она составлена на основании открытий, сделанных сотнями и тысячами людей, плававших по настоящему Атлантическому океану, то есть как бы впитала в себя богатый опыт, не менее реальный, чем тот, который пережил человек, стоявший на берегу. За одним исключением. Человек этот видел океан лишь в каком-то одном, доступном ему ракурсе. Карта же сконцентрировала в себе все опыты, вместе взятые. Во-вторых, если вы хотите куда-то отправиться, карта вам необходима. Пока вы довольствуетесь прогулками по берегу, впитывать в себя величественное зрелище гораздо приятнее, чем рассматривать карту. Но пожелай вы отправиться в Америку, она будет вам несравненно полезнее, чем ваши прогулки.

Теология подобна карте. Простое размышление о христианских доктринах, даже изучение их, если вы на нем остановитесь, не так важно и интересно, как то, что пережил офицер в пустыне. Доктрины - это не Бог. Они - вроде карты. Но карта эта составлена на основании того, что пережили сотни людей, которые вошли в реальное соприкосновение с Богом. В сравнении с этим любые переживания или чувства, которые, возможно, посетили вас или меня, очень примитивны и расплывчаты. И еще, если вы хотите двигаться вперед, карта вам необходима. Видите ли, то, что поразило офицера в пустыне, при всей своей реальности, бесполезно даже для него. Оно никуда не ведет, оно сводится к эмоциональному потрясению и не требует никакой работы. Это все равно что смотреть на океанские волны, стоя на берегу. Вы не попадете в Ньюфаундленд, если ваш контакт с Атлантическим океаном этим ограничится. Вы не обретете жизни вечной, наслаждаясь ощущением Божьего присутствия в цветах и музыке. Однако вы никуда не попадете и в том случае, если будете смотреть на карту, а выйти в открытое море не решитесь. Выйдя же в плавание без карты, вы не сможете чувствовать себя в безопасности.

Иными словами, теология - это практическая наука, особенно в наши дни. В старые времена, когда образование не было таким массовым, а дискуссии - столь популярными, люди, возможно, могли довольствоваться очень простыми истинами о Боге. Сейчас все иначе. Каждый человек читает, каждый прислушивается к тому, о чем спорят. Они не участвуют в теологических беседах, но какие-то представления о Боге у них все-таки

есть. Однако это сплошь и рядом - плохие, беспорядочные, устаревшие представления. Очень многие из них выдают сегодня за новые, между тем как уже несколько столетий назад их рассмотрели, изучили и отвергли известные теологи. К их числу относятся некоторые популярные формы религии; исповедуя их, мы делаем шаг назад, словно возвращаемся к тому, что Земля - плоская.

Вникните в популярное у нас толкование христианской доктрины, и вы увидите, что оно сводится вот к чему: Иисус Христос - великий учитель нравственности, и если бы только мы последовали Его совету, то сумели бы установить лучший социальный порядок и избежать еще одной войны. Что ж, это верно. Но касается это лишь малой части христианской истины и, как ни странно на первый взгляд, именно практической ценности и не имеет.

Да, если бы мы воспользовались советами Христа, то вскоре создали бы гораздо более счастливый мир. Однако для начала идти так далеко, как Христос с Его неземной мудростью, вовсе не обязательно. Если бы мы делали то, что советовали нам Платон, или Аристотель, или Конфуций, то и тогда все у нас было бы гораздо лучше. За чем же дело стало? А за тем, очевидно, что мы никогда не следовали советам ни одного из этих учителей. Так почему мы должны им следовать сейчас? Почему советам Христа мы последуем скорее, чем советам других? Потому что Он лучше учил нравственности? Если это так, вероятность того, что мы пойдем за Ним, только снижается. Ведь если мы не в состоянии усвоить урок по курсу начальной школы, можно ли рассчитывать, что мы усвоим что-то посложнее? Если христианство сводится к еще одному доброму совету, то ценность его невелика. За последние четыре тысячелетия у человечества не было недостатка в хороших советах. Несколько дополнительных - положения не изменят. Но возьмите любую серьезную теологическую работу, толкующую о христианстве, и вы увидите, что в ней и в этой популярной версии речь идет о совершенно разных вещах. Христианские авторы говорят, что Христос - Сын Божий (чтобы это ни значило). Они говорят, что те, кто Ему доверится и поверит, тоже смогут стать сынами Божьими (что бы это ни значило). Наконец, они говорят, что смерть Его спасла нас от наших грехов (что бы это ни значило).

Нет смысла жаловаться, что это трудно понять. Христианство и не скрывает, что оно говорит нам о другом мире, о чем-то таком, что за пределами мира, который мы можем осязать, слышать и видеть. Вы вправе считать это неправдой; но, если то, что говорит христианство, все-таки истина, понять ее будет нелегко, по крайней мере - так же трудно, как современную физику, и по той же причине.

Больше всего нас неприятно поражает, что, предавшись Христу, мы можем стать сынами Божьими. Кто-нибудь спросит: "Разве мы и так не Божьи дети? Разве не в том одна из главных идей христианства, что Бог

- Отец всем людям, до единого?" Что ж, в некотором смысле, мы все - дети Божьи. Бог вызвал нас к существованию. Он любит нас, заботится о нас, как Отец. Но когда Библия говорит нам, что мы можем стать сынами Божьими, она, безусловно, подразумевает что-то другое. И это приводит вас к самой сердцевине богословия.

В одном из христианских символов веры говорится, что "Христос, Сын Божий, рожден от Бога, а не сотворен Им", и дальше: "рожденный Отцом прежде всех веков" (то есть до сотворения мира). Пожалуйста, уясните себе как следует: откровение это не имеет ничего общего с тем, что потом Христос родился на земле как Человек и был Сыном Девы. Сейчас мы не говорим о непорочном зачатии. Нас интересует что-то такое, что происходило еще до сотворения мира, до начала времен. "Прежде всех веков Христос был рожден, а не сотворен". Что это значит?

Родить - значит стать отцом. Сотворить - значит сделать, Разница между этими двумя понятиями в том, что у рожденного от вас - та же природа, что у вас. У человека рождаются человеческие дети, у бобра - бобрята, птица кладет яйца, из которых вылупятся птенцы. А вот когда вы что-то делаете, оно отлично от вас по природе. Птица

вьет гнездо, бобер строит плотину, человек делает радиоприемник или что-то более похожее на него самого, например, - статую. Если он достаточно искусный скульптор, то может создать статую, очень похожую на человека. И все-таки неживая статуя никогда не будет человеком, поскольку не может ни дышать, ни думать; она лишь похожа на него.

Все это надо очень ясно понять. То, что рождено Богом, есть Бог, как рожденное от человека - человек. То, что создано Богом, - это не Бог, как и созданное человеком - не человек. Вот почему люди - не сыны Божьи в том смысле, в каком Сын Божий - Христос. Люди могут быть похожи на Бога, но они - существа другого рода. Они скорее похожи на статую или картину, изображающую Бога. Как и статуя, которая похожа на человека, но лишена жизни, человек (в некотором смысле, что я и собираюсь объяснить) похож на Бога, но в нем нет того рода жизни, который присущ Богу.

Давайте сначала рассмотрим первый пункт (сходство человека с Богом). Все, что создано Богом, чем-то похоже на него. Космос похож на Него своей необъятностью. Не то чтобы необъятность космоса была такой же, что и необъятность Бога; но безграничность Вселенной как бы символ Его безграничности или выражение ее в понятиях недуховных. Материя похожа на Бога в том смысле, что и она обладает энергией; хотя, конечно, физическая энергия отличается от энергии, свойственной Богу. Растительный мир схож с Богом в том, что, как и Он, обладает жизнью. Но биологическая жизнь - не та же самая, которая присуща Богу. Она - только символ или тень Его жизни.

Когда мы переходим к животному миру, то обнаруживаем другие черты сходства, помимо биологической жизни. Бурная жизнедеятельность и плодовитость насекомых, возможно - первый, неясный намек на непрестанную созидательную активность Бога. У более высоких форм, млекопитающих, мы видим начало инстинктивной привязанности. Конечно, эта привязанность не то же самое, что любовь, присущая Богу; но она похожа на нее, как пейзаж картина, написанная на плоском холсте.

И вот мы подошли к человеку, высшему существу в животном мире, в нем мы замечаем наиболее полное сходство с Богом. (Возможно, другие миры населены существами, еще более похожими на Бога, но нам об этом ничего не известно.) Человек не только живет - он любит и думает; в нем биологическая жизнь достигает высшего уровня.

Однако в естественном состоянии человек лишен духовной жизни, то есть особого, более высокого рода жизни, который присущ Богу. Мы используем одно и то же слово "жизнь" и для того, и для другого. Но если вы сделаете отсюда вывод, что они, в сущности, одно и то же, то ошибетесь. Они не одинаковы, как не одинаковы необъятность Вселенной и необъятность Бога. Различие между биологической жизнью и духовной настолько важно, что впредь я собираюсь именовать их по-разному.

Биологическую жизнь, которую мы получаем через природу и которая (как и все в природе) отмечена склонностью к постоянному угасанию и разложению, а потому нуждается в непрерывной поддержке (она и поступает к ней из природы в виде воздуха, воды, пищи и т. п.), - этот род жизни я буду называть "биос" (греческое слово). Духовную жизнь, которая есть в Боге "от вечности", источник всей физической Вселенной, назовем греческим словом "зоэ" (что, собственно, значит "жизнь"). Биос, несомненно, схож с зоэ, как тень ее или символ. Сходство это такое, как между статуей и человеком. Перемена, которая происходит, когда биос сменяется в нас на зоэ, равносильна превращению мраморной статуи в живого человека.

Именно в этом суть всех христианских откровений; наш мир - студия Великого Скульптора. Мы с вами - статуи, и ходит слух, что в один прекрасный день некоторые из нас оживут.

2. Бог в трех лицах

В предыдущей главе мы рассмотрели разницу между понятиями "рождать" и "делать" или "творить". Человек рождает ребенка, статую он делает. Бог рождает Христа, человека Он творит. Сказав это, я проиллюстрировал лишь одну истину о Боге: то, что рождается от Бога-Отца, есть Бог, Существо той же природы, что и Он Сам. В некотором роде это подобно рождению человеческого сына от человеческого отца. Однако сходство тут не абсолютное. Постараюсь объяснить это несколько подробнее.

Очень многие в наши дни говорят: "Я верю, что есть Бог, но не могу поверить, что Бог - это личность". Они чувствуют, что таинственное нечто, стоящее за всеми вещами, больше, чем просто личность. И христиане вполне согласны с этим. Но никто, кроме христиан, ничего не говорит о том, чему может быть подобно существо, стоящее над личностью. Все остальные, соглашаясь, что Бог выходит за пределы личности, именно на этом основании и представляют Его чем-то безличным (а на самом деле - чем-то меньшим, чем личность). Если же вы ищете в Боге сверхличность, некое начало, стоящее выше личности, то выбор между христианской и иными доктринами для вас отпадает. Ибо она, единственная в мире, именно так и толкует Бога.

Некоторые думают, что после этой жизни или после нескольких жизней человеческие души будут впитаны Богом. Но если вы спросите их, что они под этим понимают, то обнаружите что-то вроде поглощения одних веществ другими. Они и говорят, что это - словно капли, которые стекают в океан. Но когда капля стекает в океан, ей приходит конец. Если это и происходит с нами, нас просто больше не будет. Только у христиан вы найдете мысль о том, как человеческие души могут обрести жизнь в Боге, оставаясь при этом собою, более того - становясь собою в значительно большей степени, чем они были прежде.

Я предупреждал вас, что теология - наука практическая. Цель нашей жизни, таким образом, в том, чтобы войти в жизнь Бога. Неверные представления об этой жизни мешают достигнуть цели.

А сейчас я попросил бы особого внимания.

Вы знаете, что в пространстве вы можете двигаться в трех направлениях: налево или направо, назад или вперед, вниз или вверх. Любое направление представляет собой либо одно из этих трех, либо какую-то их комбинацию. Мы называем это тремя измерениями. А теперь напрягите внимание. Пользуясь лишь одним измерением, вы можете начертить только прямую линию. Пользуясь двумя, вы можете начертить фигуру, например квадрат. Квадрат состоит из четырех прямых линий. Давайте сделаем еще один шаг вперед. Если в вашем распоряжении три измерения, вы можете построить объемную фигуру, например куб, похожий на игральную кость или на кусочек сахара. Куб составлен из шести квадратов.

Замечаете, в чем тут дело? Мир, в котором только одно измерение, будет прямой линией. В мире с двумя измерениями мы все еще видим прямые, но несколько прямых создают фигуру. В трехмерном мире есть плоские фигуры, но, составленные вместе, они образуют объемное тело. Иными словами, продвигаясь к более сложным уровням, вы не отбрасываете того, чем располагали на уровнях более простых - вы сохраняете их, группируя по-новому, в такие формы, которых вы не сумели бы придумать, если бы вам были известны только простейшие уровни.

Христианское учение о Боге строится по этому же принципу. Человеческий уровень - это простой и относительно пустой уровень. На нем одна личность - одно существо, а две личности будут двумя существами. Точно так же при двух измерениях (к примеру, на листе бумаги) один квадрат будет одной фигурой, два квадрата - двумя. На Божественном уровне вы все еще - в мире личностей; но эти личности связаны там иначе, совсем другим способом. Мы, никогда не жившие на том уровне, не можем вообразить, каким именно образом они связаны между собой.

В Божьем измерении вы, так сказать, находите существо, состоящее из трех Лиц, но остающееся в то же время одним Существом; ведь остается же куб, содержащий шесть квадратов, одним кубом. Полностью постичь такое Существо мы, конечно, не можем. Мы и куба не сумели бы ясно представить, если бы оперировали только двумя измерениями в пространстве. Однако смутное представление об этом нам доступно. Когда оно приходит к нам, мы впервые начинаем постигать, пусть неясно, какую-то позитивную идею Сверхличности - Того, Кто больше, чем личность. Это что-то такое, до чего мы никогда бы не сумели додуматься. И тем не менее, однажды услышав об этом, мы почти чувствуем, что должны были и сами об этом догадаться, потому что это безукоризненно согласуется со всем тем, что мы уже знаем.

Вы спросите: "Если мы не можем вообразить себе Существо, вмещающее в себя три личности, то какой смысл говорить о Нем?" Что ж, пожалуй, никакого. Но смысл есть в том, чтобы мы вошли в жизнь этого триединого Существа, и это может начаться в любое время - сегодня, если хотите.

Я имею в виду следующее. Обыкновенный, простой христианин становится на колени, чтобы помолиться. Он пытается установить связь с Богом. Но если этот человек - христианин, он знает, что сила, которая велит ему молиться, - тоже Бог, так сказать, Бог внутри него. Еще он знает, что все его знания о Боге приходят через Христа - Человека, который был Богом. Это Христос стоит рядом с ним, помогая ему молиться, молясь за него. Вы понимаете что происходит? Бог - Тот, Кому он молится, цель, которой он пытается достичь. Бог, в то же время, - внутри него, это - та сила, которая вызывает в нем желание молиться. И Бог же - тот путь, по которому толкает его к цели сила, находящаяся внутри. И все это троякое действие Триединого Существа происходит в обычной маленькой спальне, где молится обыкновенный человек. Этот человек захвачен высшей формой жизни - той, которую я назвал словом "зоэ", или жизнью духовной. Богом он "затянут" в Бога, оставаясь в то же время самим собой.

Так и начиналась теология. У людей уже было смутное представление о Боге. Потом пришел Человек, сказавший, что Он - Бог. Человек был не такой, чтобы от Него отмахнуться, как от сумасшедшего, и Ему поверили. После того как Его видели убитым, Он пришел снова. Позднее, после того как Его ученики объединились в маленькое общество, они обнаружили, что Бог каким-то непостижимым образом внутри них; Он направлял их, давал им силы совершать дела, на которые прежде они не были способны. Когда они сопоставили все это и крепко над всем поразмыслили, то пришли к христианской мысли о Триедином Боге.

Понятие это не придумано людьми; лишь примитивные религии придуманы. Теология, в некотором смысле, экспериментальная наука. Говоря "в некотором", я имею в виду, что теология подобна экспериментальным наукам, но не во всем. Если вы геолог и изучаете горные породы, то должны ездить в экспедиции, чтобы найти образцы этих пород. Они не придут к вам сами, но и не убегут от вас, если вы придете к ним. Тут вся инициатива принадлежит вам. Горные породы не в состоянии ни помочь, ни помешать вам. Но, предположим, вы зоолог и хотите сфотографировать диких животных в естественных для них условиях. Все будет иначе, чем у геолога. Дикие животные не придут к вам сами, но они могут убежать от вас, и они непременно убегут, если вас заметят. Вот и первые признаки их инициативы.

Поднимемся еще на один уровень. Предположим, вы хотите близко узнать человека. Если он не позволит вам, у вас ничего не получится. Вы должны завоевать его доверие. В данном случае инициатива распределяется поровну - для дружбы между двумя людьми необходима обоюдная инициатива. Что касается познания Бога, то здесь инициатива исходит от Него.

Если Он не откроет вам Себя, вы не сможете сделать абсолютно ничего, чтобы найти Его. Так оно и бывает: одним Он открывается в большей степени, чем другим, не потому, что у Него есть любимчики, а потому, что для Него невозможно открыть Себя человеку, чей разум и характер - не в соответствующем состоянии. Солнечный свет не может в пыльном зеркале отразиться так же ярко, как отражается он в чистом.

Эту же мысль поясним иначе: в других науках вы пользуетесь инструментами, так сказать, из внешнего мира (микроскопами или телескопами); инструмент же, с помощью которого вы можете воспринять Бога, - все ваше существо. Если человек не содержит себя в чистоте, то образ Бога будет смутным и расплывчатым - как Луна, если ее рассматривать в грязный телескоп. Вот почему варварские народы исповедуют варварские религии - они смотрят на Бога через нечистые линзы.

Бог может открыть Себя таким, какой Он действительно есть, только настоящим людям - не просто людям, которые хороши сами по себе, а тем, кто объединились в одну семью, любят и поддерживают друг друга и помогают друг другу познать Его. Он и предназначал человечество к тому, чтобы стать музыкантами в одном оркестре или органами одного тела.

Таким образом, единственный подходящий инструмент для познания Бога - христианское братство, совокупность всех христиан, вместе ожидающих встречи с Ним. Вот почему все люди, которые появляются время от времени на нашем горизонте, предлагая изобретенные ими или упрощенные религии вместо христианских традиций, зря теряют время. Они подобны человеку, который, вооружившись старым полевым биноклем, пытается учить настоящих астрономов. Он может быть умным; возможно, он умнее, чем некоторые профессионалы; но полевой бинокль - не подходит, а потому не может научить их чему бы то ни было. Через год-два о нем забудут, а настоящая наука будет идти, как шла.

Если бы христианство относилось к числу наших изобретений, мы, безусловно, сумели бы сделать его проще. Но это не так. Не нам, христианам, соперничать с людьми, изобретающими легкие и простые религии. Да и как нам тягаться с ними? Мы ведь имеем дело с фактом. Позволит себе быть попроще лишь тот, кто не знает фактов и не заботится о них.

3. Время и за пределами времени

Некоторым кажется, что, читая книгу, мы не должны ничего пропускать. А мне думается, что разделы или главы, которые, по нашему мнению, не принесут нам никакой пользы, читать не следует. Я уже обращался к моим потенциальным читателям с таким советом, и так как в этой главе я собираюсь говорить о вещах, которые одним могут быть полезны, а другим покажутся нарочитыми и ненужными, то повторю свой совет: пропустите эту главу, если она не покажется вам интересной, и переходите к следующей.

В предыдущей главе я коснулся молитвы; и пока эта тема еще свежа в нашей с вами памяти, я хотел бы поговорить о трудностях, возникающих у некоторых. Помнится, один из таких людей сказал мне: "Я могу верить в Бога, но не верю, что Он слушает несколько сот миллионов человек, обращающихся к Нему одновременно". Видимо, очень многие люди разделяют эту точку зрения.

Попробуем разобраться в этом. Прежде всего, обратим внимание на то, что вся сложность, наверное - в слове "одновременно". Многие из нас легко себе представляют, что у Бога - неограниченное количество времени, вот Он и способен выслушать неограниченное число просителей, если только они приходят к Нему один за другим. Таким образом, мы, очевидно, не можем понять, как Бог разбирается с необозримым количеством дел в один и тот же миг.

Что ж, эта сложность, вероятно, была бы неразрешимой, если бы дело касалось нас с вами. Наша жизнь приходит к нам миг за мигом. Одно мгновение исчезает прежде, чем появляется другое, и каждое вмещает в себя очень немного. Вот что такое время. Конечно, мы с вами принимаем как должное, что такой порядок, эта последовательность - прошлое, настоящее, будущее - не что-то, действительно лишь для Земли и нас, ее обитателей, но объективная реальность, распространяющаяся на все сущее. Мы склонны считать, что вся Вселенная и даже Сам Господь Бог постоянно движется от прошлого к

будущему, как мы с вами. Между тем современная наука знает, что это не так. Теологи первыми заговорили о том, что некоторые вещи - вне времени. Позднее эту идею подхватили философы, и лишь в наше время - ученые.

Вероятнее всего, Бог - вне времени. Его жизнь не состоит из моментов, следующих один за другим. Если миллион человек молится Ему в десять часов ночи, Ему не нужно высушивать их всех в один и тот же отрезок времени, который мы называем "десять часов". Этот миги каждый другой от начала мира - бесконечное настоящее для Него. Если хотите, в Его распоряжении вся вечность, чтобы выслушать молитву пилота, с которой тот обращается к Нему, пока падает самолет.

Это трудно представить, я знаю. Позвольте мне пояснить эту мысль на таком примере. Предположим, я пишу повесть. Я пишу: "Мэри отложила работу. В следующее мгновение раздался стук в дверь". Для Мэри, которая вынуждена жить в воображаемом времени, между тем, как она отложила работу, и стуком в дверь нет интервала. Но я, автор, который изобрел Мэри, не живу в этом времени. Между первой и второй фразой я могу просидеть три часа, думая о Мэри. Я могу думать о ней, словно она - единственное действующее лицо в книге, размышлять о ней столько, сколько мне захочется; но все часы, которые я затрачу на это, недействительны для того времени, в котором живет Мэри (то есть - протекает сюжет романа). Это, конечно, далеко не совершенная иллюстрация, но она может внести некоторую ясность. Поток времени, в русле которого движется жизнь нашей Вселенной, отражается на Боге и последовательности или ритме Его действий не больше, чем отражается поток воображаемого времени в повести на творческом процессе ее автора. Бог может уделить неограниченное внимание любому из нас. Ему не надо разбираться с нами как с какой-то массой народа. По отношению к Нему вы - отдельный, особый человек, словно - единственное живое существо, созданное Им. Когда Христос умер, Он умер за каждого из нас, как если бы каждый был единственным в мире.

Моя иллюстрация не вполне соответствует идее, которую я стараюсь пояснить, и вот почему. Автор выходит из одного потока времени (протекающего в повести) только за счет того, что входит в другой, реальный. Бог, по моему убеждению, вообще не живет во времени. Его жизнь не сочится по капле, момент за моментом, как наша. У Него все еще не закончился 1940 год и уже наступил 1990-й. Ведь Его жизнь - это Он Сам.

Если вы представите себе время в виде прямой линии, вдоль которой мы вынуждены путешествовать, то Бога вы должны себе представить в виде целой страницы, на которой эта линия начерчена. Мы подходим к отдельным точкам этой линии; мы должны оставить А прежде, чем мы сможем достичь Б, и не можем достичь В прежде, чем не оставим Б позади. Бог сверху, или извне, или отовсюду вмещает в Себя всю линию, целиком и видит ее всю.

Эта идея стоит того, чтобы ее постичь - с ее помощью из христианства устраняются мнимые трудности. Прежде чем я стал христианином, я никак не мог понять вот чего: христиане считают, что вечный Бог, Который вездесущ и Который движет всей Вселенной, стал однажды человеком. Что же происходило со Вселенной, спрашивал я, когда Он был младенцем или когда Он спал? Как Он мог быть одновременно Богом, Который знает все, и человеком, спрашивающим у Своих учеников: "Кто прикоснулся ко мне"? Как видите, и здесь загвоздка - в категориях времени: "когда Он был младенцем", "как мог Он одновременно?" Иными словами, я предполагал, что жизнь Христа как Бога протекала во времени, а Его жизнь как жизнь человека Иисуса в Палестине представляла собой короткий отрезок, взятый из времени, точно так же, как моя служба в армии была коротким отрезком моей жизни. Возможно, так думает об этом большинство людей.

Мы представляем себе, что Бог жил во времени, когда Его земная, человеческая жизнь только предстояла Ему. Потом мы видим Его в этой жизни. Потом, представляется нам, Он может оглянуться на Свою земную жизнь как на прошлое. Но, скорее всего, эти наши представления не имеют ничего общего с реальностью. Мы не можем ставить земную жизнь Христа в Палестине в какое бы то ни было временное соотношение с Его жизнью как Бога, который - вне пространства и времени. Человеческая природа Христа с

присущей ей слабостью, неведением и потребностью в сне включается каким-то образом во всю Его Божественную жизнь. Эта, человеческая Его жизнь, с нашей точки зрения, - определенный период в истории нашего мира (с Рождества Христова до Распятия).

Мы считаем, что этот период - и период в истории Бога. Но у Бога нет истории. Он слишком реален от начала и до конца, чтобы иметь историю. Ведь иметь историю - значит потерять часть реального существования (история и есть та часть его, которая ускользнула от нас в прошлое) и не обрести до поры до времени другой его части (она еще в будущем), фактически у нас нет ничего, кроме крошечной частицы настоящего, которое исчезает прежде, чем мы начинаем о нем говорить. Не приведи нам Господи думать, что и Бог - такой же. Даже мы можем надеяться, что в вечности от этого избавимся.

Если вы думаете, что Бог - во времени, у вас возникает еще одна трудность. Каждый человек, который сколько-нибудь верит в Бога, верит и в то, что Бог знает о наших намерениях на завтрашний день. Но если Он знает, что я собираюсь сделать, не значит ли это, что я не свободен сделать что-то другое?

Здесь опять-таки трудность возникает из-за предположения, что Бог существует и проявляет Себя в соответствии с линией времени, подобно нам; единственная разница в том, что Он может видеть будущее, а мы нет. Что ж, если бы это было так, если бы Бог предвидел наши поступки, то очень трудно было бы понять, как мы можем не совершить их. Но представьте себе, что Бог - над линией времени. В этом случае то, что мы называем "завтра", видно Ему так же хорошо, как то, что мы называем "сегодня". Для Него все будет "сейчас". Он не вспоминает того, что мы делали вчера; Он просто видит это теперь, потому что, хотя для нас "вчера" безвозвратно ушло и потеряно, для Него оно осталось. Он не предвидит те вещи, которые мы сделаем "завтра"; Он просто видит, как мы это делаем. Для нас "завтра" еще не настало, а Он уже сейчас в "завтра". Нам бы никогда не пришло в голову, что мы не свободны выбирать вот сейчас, потому что Бог знает, что мы делаем. В каком-то смысле Он не знает наших действий до тех пор, пока мы их не совершили; но, с другой стороны, когда бы мы их ни совершили, для Него это - "сейчас".

Это соображение мне сильно помогло. Если оно не помогает вам, забудьте о нем. Мысль эта - вполне христианская в том смысле, что ее придерживались мудрые представители христианства, и ничего противоречащего христианству в ней нет. Но вы не найдете ее ни в Библии, ни в каком-либо из церковных догматов. И вы можете оставаться превосходным христианином, не принимая ее или не задумываясь над этим вообще.

4. Благотворная инфекция

Я начинаю эту главу с просьбы. Постарайтесь представить себе такую картину: на столе лежат две книги, одна поверх другой. Совершенно очевидно, что нижняя книга та, что на ней, наверху, поддерживает. Только благодаря нижней книге верхняя на пять сантиметров выше поверхности стола, а не касается этой поверхности. Обозначим нижнюю книгу буквой А, а верхнюю - буквой Б. Позиция А обуславливает позицию Б. Это ясно, да? Теперь представим себе (это, конечно, не может случиться на самом деле, но подойдет для иллюстрации), представим, себе, что обе книги были в таком положении вечно. В этом случае позиция Б всегда зависела от позиции А, но позиция А не существовала до позиции Б. Иными словами, результат здесь наступает не после причины, как бывает обычно: сначала вы съедаете огурец, а потом у вас расстройство желудка. Этот принцип действует не всегда. Еще минутку терпения, и вы увидите, почему я считаю это важным.

Несколькими страницами раньше я сказал, что Бог - это Существо, состоящее из трех Лиц, но остающееся тем не менее одним Существом (и привел приблизительную иллюстрацию - куб, который состоит из шести квадратов, но остается одной фигурой). Но как только я стараюсь объяснить, как эти Лица взаимосвязаны, возникает впечатление, будто одно из

них существовало прежде других. Мне приходится прибегать к словам, которые повинны в таком впечатлении. Первое Лицо в этом Троиединстве называется Отцом, Второе Лицо - Сыном. Мы говорим, что Первый рождает, или производит Второго; мы называем это рождением, а не творением, потому что Он производит Существо того же рода, что и Он Сам. В данном случае единственное подходящее слово - "Отец". Но, к сожалению, это слово предполагает, что Он существовал прежде, как человеческий отец существует до появления сына. На самом же деле это не так. Здесь нет места ни "прежде", ни "потом". Вот почему, я считаю, очень важно понять: одна вещь может быть источником или причиной другой и не существовать прежде нее. Сын существует потому, что существует Отец; но никогда не было мгновенья, предшествующего рождению Сына.

Вероятно, лучше всего взглянуть на это так: я просил вас представить себе две книги. Возможно, многие из вас сделали это, совершили некий акт воображения, и перед вами возникла мысленная картина. Совершенно очевидно, что он был причиной, она - следствием, результатом. Но это не значит, что вы сначала вообразили, а потом получили картину. В тот самый момент, когда начало действовать ваше воображение, она возникла перед вашим мысленным взором. Все это время ваша воля удерживала ее перед вами. Однако акт воли и картина начались в один и тот же момент и прекратились в одно время. Если бы был Кто-то, живущий вечно, и если бы Он вечно представлял в Своем воображении одно и то же существо, то постоянно создавался бы какой-то мысленный образ, который был бы таким же вечным.

Я полагаю, именно так мы и должны думать о Сыне, Который постоянно струится от Отца, как струится свет от лампы, или тепло от огня, или мысль из головы. Он - самовыражение Отца, то, что Отец хочет сказать, и во всей вечности не было мгновенья, когда бы Отец не произносил Своего Слова.

Заметили вы, что происходит? Все эти примеры света и тепла создают впечатление, что Отец и Сын - это две субстанции, а не две Личности. Очевидно, образ Отца и Сына, который дает нам Новый Завет, гораздо более точен, чем любые иллюстрации, которыми мы пытаемся его подменить.

И так случается всякий раз, когда вы отходите от того, что сказано в Библии. Вполне оправданно отойти от текста, чтобы лучше понять то или иное. Но потом к нему надо вернуться. Бог, естественно, гораздо лучше знает, как описать Самого Себя, чем любой из нас. Он знает, что отношения Отца и Сына следует, скорее всего, описывать как отношения между Первой и Второй Личностями, а не как что-то иное, придуманное нами. Самое главное в том, что это - отношения любви. Отец находит радость в Сыне, Сын преданно любит Отца. Прежде, чем мы пойдем дальше, обратите внимание на огромную важность этих слов.

Самым разным людям нравится повторять христианское изречение: "Бог есть любовь". Но они как будто не замечают, что слова эти имеют смысл только в том случае, если Бог включает в Себя, по крайней мере, две личности. Ведь Любовь - это что-то такое, что одно лицо испытывает к другому. Если бы Бог был существом в одном лице, тогда, до того как Он создал мир, Он не был бы любовью. Очевидно, когда говорят: "Бог есть любовь", люди имеют в виду что-то иное, а именно: "любовь есть Бог". Они, видимо, считают, что наше чувство любви, независимо от того, как и где оно возникает и к каким результатам приводит, следует почитать. Возможно, они и правы; но христиане совершенно иначе понимают слова "Бог есть любовь". Они верят, что живая, динамичная энергия любви действует в Боге вечно и именно она - источник всего сущего.

В этом, возможно, самое главное отличие христианства от всех остальных религий: Бог - не статичное существо и даже не просто личность. Это динамичная, живая, пульсирующая энергия, что-то почти драматическое, что-то (пожалуйста, не считайте меня непочтительным) подобное танцу. Единство между Отцом и Сыном настолько живо и реально, что это единство само Личность. Я знаю, это звучит почти невысказанно, но взгляните на это иначе. Когда люди собираются вместе в клубе или в профсоюзе, возникает "дух" семьи, или клуба, или профсоюза. Люди говорят об этом духе, ибо когда

они собираются вместе, то вырабатывают особую манеру вести себя, которая не была бы им свойственна, если бы они оставались разрозненными. (Это коллективное поведение может быть, конечно, и лучше, и хуже, чем поведение индивидуальное.) Словом, объединение людей как бы вызывает к существованию коллективную личность. Это, естественно, не личность в буквальном смысле слова, а подобие личности. Но в том-то и заключается одно из различий между Богом и нами. То, что возникает из объединенной жизни Отца и Сына - Личность, Третье Лицо Троиинства, которое есть Бог.

На профессиональном, теологическом языке это Третье Лицо называется Святым Духом, или Духом Божьим. Не волнуйтесь и не удивляйтесь, если обнаружите, что ваше представление о Нем более туманно и неясно, чем представление о первых двух Лицах Троиинства. Я думаю, на это есть вполне законная причина. В процессе своей христианской жизни вы, как правило, не смотрите на Него; это Он постоянно действует через вас. Если вы думаете об Отце как о Том, Кто рядом с вами, помогая вам молиться и стараясь превратить вас еще в одного сына Божьего, то о Третьем Лице вы должны думать как о ком-то, кто внутри или позади вас. Возможно, для некоторых людей проще начать с Третьего Лица и двигаться от Него в обратном направлении: Бог есть любовь, и эта любовь действует через людей, особенно через всю совокупность христиан вместе взятых. Но дух любви, от самой вечности - любовь между Отцом и Сыном.

Какое же все это имеет значение для нас? Самое большое на свете. Всю эту драму, или образ жизни Троиинства, надо проиграть через каждого из нас. Или (если взглянуть с противоположной стороны) каждый из нас должен приблизиться к этому образу жизни, занять свою позицию в драме. Счастья, для которого мы созданы, не достичь иным путем. Все хорошее, как и плохое, подвержено воздействиям извне. Если вы хотите согреться, вы должны стать поближе к огню. Если хотите намокнуть, вы должны войти в воду. Если вы стремитесь к радости, силе, миру, вечной жизни, вы должны подойти ближе или даже войти в то, что всем этим обладает. Радость, сила, мир, бессмертие - не награды, которые Бог мог бы, если бы захотел, протянуть любому. Это величайший источник энергии и красоты, бьющий в самом центре действительности. Если вы близко от него, брызги его достигнут вас; если нет - останетесь сухим. Если человек соединен с Богом, то как ему не жить вечно? И как может человек, разделенный с Богом, не засохнуть и не умереть?

Но как он соединится с Богом? Как нам с вами влиться в триединую жизнь? Вы помните, что я сказал во второй главе о рождении и создании? Мы с вами не рождены Богом, мы только созданы Им; в нашем естественном состоянии мы не сыны Божьи, мы всего лишь статуи. В нас нет зoe, или духовной жизни; у нас есть только биос, биологическая жизнь, которая неизбежно движется к угасанию и смерти. Но христианство говорит: мы можем, если не станем противиться Божьей воле, принять участие в жизни Христа. Если это случится, мы станем соучастниками той жизни, которая рождена, а не создана, которая была всегда и всегда будет. Христос - Божий Сын. Если мы войдем в Его жизнь, то станем Божьими детьми. Мы будем любить Отца, как любит Он, и Святой Дух будет пребывать в нас. Христос пришел в этот мир и стал человеком для того, чтобы распространить среди других людей ту высшую форму жизни, которая присуща Ему Самому. Я называю это "благодетельной инфекцией". Каждый христианин должен стать маленьким Христом. Именно это и значит "быть христианином".

5. Упрямые оловянные солдатики

Сын Божий стал человеком для того, чтобы наделить людей способностью стать Божьими детьми. Мы не знаем - по крайней мере, я не знаю, - что случилось бы, если бы человеческий род не восстал против Бога и не присоединился к вражескому стану. Возможно, тогда каждый человек пребывал бы во Христе, был бы соучастником Его жизни с рождения. Возможно, биос, или естественная жизнь, устремлялась бы тогда в зoe, то есть в высшую, несотворенную жизнь, с самого своего зарождения, непрерывно, по мере роста. Но все это только догадки. А нам с вами хочется узнать, как обстоят дела сейчас.

Вот как: два вида жизни не только разнятся между собой (они и были бы различны), но противоположны друг другу. Естественная жизнь в каждом из нас эгоцентрична, она требует внимания к себе и восхищения собою. Ей присуща склонность добиваться преимущества за счет других жизней, эксплуатировать все мироздание. А больше всего эта жизнь хочет, чтобы ее предоставили ей самой и она могла держаться в стороне от всего, что лучше, или сильнее, или выше, чем она, то есть в стороне от всего, перед чем она чувствует себя маленькой и незначительной. Она боится духовного света и воздуха, как люди, выросшие в грязи, боятся ванны. В каком-то смысле эта жизнь права. Она знает, что, если духовная жизнь вовлечет ее в свою орбиту, вся ее эгоцентричность, все ее своеволие будут убиты. И потому она готова сражаться до последнего, чтобы этого избежать.

Думали ли вы когда-нибудь в детстве о том, как было бы интересно, если бы ваши игрушки ожили? Что ж, давайте представим, что вы на самом деле оживили их. Вот на ваших глазах оловянный солдатик превращается в человечка. Олову пришлось бы стать плотью; но вообразите, что оловянному солдатику это не нравится. Ему кажется, что олово испорчено. Он думает, что вы убиваете его. Он сделает все, что в его силах, чтобы вам помешать. Его не удалось бы переделать в человека, если бы это зависело от него.

Я не знаю, что сделали бы вы с таким оловянным солдатиком. Но с нами Бог сделал вот что: Второе Лицо Божественного Троиства, Сын, Сам стал человеком. Он родился в мир, как рождается настоящий человек - реальный человек определенного роста, с определенным цветом волос, говорящий на определенном языке, весящий столько-то килограммов. Он, Вечносущий, Который знает все и Который сотворил Вселенную, стал не только человеком, но младенцем, а перед тем - зародышем в теле женщины. Если вы хотите понять, что это для Него значило, подумайте о том, как бы понравилось вам стать слизнем или крабом.

Так в нашей человеческой семье появился Человек, Который был всем тем, чем предназначалось быть людям, - человеком, в котором созданная жизнь, унаследованная от Матери, позволила превратить себя полностью и совершенно в жизнь рожденную. Человечество в один миг достигло, так сказать, пункта своего назначения - перешло в жизнь Христа. И поскольку трудность для нас в особом умерщвлении естественной жизни, Он избрал для себя такой жизненный путь, который убивал на каждом шагу Его человеческие желания. Он познал нищету, непонимание семьи, предательство одного из близких друзей; Он подвергался преследованиям и глумлению, умер под пытками. А после того, как Он был убит - как Его убивали каждый день, - человеческое существо в Нем, благодаря Своему органическому единству с Божьим Сыном, снова возродилось к жизни. Человек в Христе поднялся из мертвых. Человек, не только Бог! В этом вся суть. В первый раз мы увидели настоящего человека. Один оловянный солдатик - такой же оловянный, как все, - победил и ожил.

И здесь мы подходим к той точке, в которой мой пример уже не действует. В случае с игрушечными солдатиками то, что один из них оживает, не имеет абсолютно никакого значения для остальных. Все они существуют отдельно, независимо друг от друга. Но с людьми все обстоит иначе. Они лишь выглядят отдельными организмами, потому что вы видите, как они двигаются и действуют вне всякой связи друг с другом. Однако мы созданы так, что можем видеть только настоящее.

Если бы мы могли видеть прошлое, все выглядело бы совсем по-другому. Каждый человек был когда-то частью своей матери, еще раньше - частью отца, а те, в свою очередь, были частью его дедушек и бабушек. Если бы мы могли видеть человечество на протяжении времени, как видит его Бог, оно выглядело бы для вас не как масса отдельных точек, разбросанных тут и там, а как единый растущий организм, больше всего похожий на гигантское, необычайно сложное дерево. Вы увидели бы, что каждый человек связан со всеми другими. И не только это. Каждый из нас отделен от Бога не больше, чем отделены мы друг от друга. Каждый мужчина и женщина, каждый ребенок в мире чувствует и дышит сейчас, в этот самый момент, только потому, что Бог поддерживает в нем жизнь. Следовательно, когда Христос стал человеком, это было не то же самое, как если бы ожил

оловянный солдатик. Скорее о явлении Его в мир можно рассказать так: нечто, постоянно воздействующее на все человечество, в определенный момент начало по-новому оказывать влияние на всех людей. Влияние это распространяется на тех, кто жил до Христа той поры, и на тех, кто жил после Него, и даже на тех, кто никогда о Нем не слышал, подобно тому, как одна капля какого-то вещества, упавшая в стакан, придает новый вкус и новый цвет всей воде. Безусловно, ни одна из этих иллюстраций не отражает сколько-нибудь полно истинного положения вещей. Бог ни с чем не сравним. Он творит вещи, которым нет ничего подобного, и вы едва ли можете рассчитывать, что обнаружите такое подобие.

Как же изменил Он человечество? Он превратил человека в сына Божьего, существо сотворенное - в существо рожденное; временную биологическую жизнь - во вневременную, духовную. И все это ради нас и для нас. В принципе, человечество уже спасено. Мы, отдельные люди, просто должны воспользоваться этим спасением, каждый человек - сам. Но наиболее трудная часть процесса - та, которую мы не в состоянии выполнить сами, сделана за нас. Нам незачем своими силами забираться в духовную жизнь. Эта жизнь уже спустилась к человеческой семье. Если только мы откроем сердце Человеку, в Котором эта жизнь присутствует во всей полноте и Который, будучи Богом, в то же время настоящий человек. Он совершит это в нас и за нас. Помните, что я сказал о "благотворной инфекции"? Один из представителей нашей человеческой семьи обладает этой новой жизнью; если мы подойдем к Нему ближе, то заразимся от Него.

Вы, конечно, можете выразить то же самое иначе. Вы можете сказать, что Христос умер за наши грехи. Или что Отец простил нас, ибо Христос совершил за нас то, что надлежало сделать нам самим. Или что мы омыты кровью Агнца. Вы можете сказать, что Христос победил смерть. И все это верно. Примите ту из этих формул, которая вам по душе. Только не начинайте при этом ссориться с людьми из-за того, что они отдали предпочтение другой.

6. Два примечания

Я хотел бы дать здесь примечания к двум вопросам, возникшим в последней главе.

1. Один рассудительный человек пишет: "Если Бог хотел, чтобы у Него вместо игрушечных солдатиков были сыновья, почему же Он не родил сыновей сразу, вместо того, чтобы создавать игрушечных солдатиков, а потом подвергать их столь трудному и болезненному процессу"?

Частично ответить на этот вопрос довольно просто; ответ на другую его часть, возможно, за пределами человеческого познания. Отвечу на легкую часть. Превратить это создание в сына было бы нетрудно и не болезненно, если бы человеческая семья не отвернулась от Бога тысячелетия тому назад. У людей была возможность сделать это, потому что Бог дал им свободу воли. Он дал им свободную волю потому, что мир простых автоматов никогда бы не смог познать любви, а следовательно, - истинного, безграничного счастья.

Трудная часть ответа - такая: все христиане согласны, что в полном, первоначальном смысле слова есть только один Сын Божий. Настаивая на своем вопросе: "А могло ли быть у Бога много сыновей?", - мы рискуем забраться в такие дебри, из которых выбраться не сумеем. Есть ли вообще в словах "А могло бы..." какой-нибудь смысл, когда вопрос касается Бога? Я полагаю, что так спрашивать можно о вещи или явлении, имеющих начало и конец, потому что она (или оно) могли быть иными из-за того, что какая-то другая вещь (или явление) были иными, а эти, в свою очередь, могли быть иными по той причине, что иной была какая-то третья вещь. И так далее (буквы на этой странице могли быть красными, если бы печатник взял красную типографскую краску, и он взял красную краску, если бы получил соответствующую инструкцию, и т.д. и т.п.). Но когда речь идет о Боге - то есть о первооснове, о неизменяемой реальности, которая обуславливает все остальные реальности, явления, факты, то спрашивать, могло ли что-то обстоять иначе, бессмысленно. Он - То, что Он есть, и этим все исчерпано.

Но и помимо этого мне очень трудно осмыслить Бога, рождающего сыновей на протяжении вечности. Для того чтобы этих сыновей было много, они должны как-то отличаться друг от друга. Два пенса выглядят совершенно одинаково. Почему же их два? Очевидно, потому, что они - в разных местах и состоят не из одних и тех же атомов. Иными словами, чтобы говорить о них как об отдельных, разных единицах, мы должны прибегнуть к таким понятиям, как пространство и материя, то есть к сотворенной Вселенной. Я могу понять различие между Отцом и Сыном, не вовлекая в дело пространства или материи, потому что в этом случае один рождает, а другой рождается. Отец по отношению к Сыну будет не тем, чем Сын - по отношению к Отцу. Но если бы существовало несколько сыновей и родственное их отношение друг к другу и к Отцу было одинаковым, как бы они отличались друг от друга? С первого взгляда этого, конечно, не замечают. Люди считают, что мысль о нескольких сыновьях вполне разумна. Однако когда я задумываюсь глубже, то прихожу к выводу, что реальной она выглядит только потому, что мы смутно представляем этих сыновей в виде людей, стоящих друг подле друга в каком-то пространстве. Иначе говоря, хотя нам и кажется, что мы думаем о чем-то, существовавшем до сотворения Вселенной, на самом деле мы контрабандой пытаемся ввести сотворенную Вселенную и поместить сыновей внутри нее. Когда мы перестаем это делать, но все еще стараемся думать об Отце, рожающем многих сыновей до сотворения мира, то обнаруживаем, что, в сущности, думаем ни о чем. Образы тают, а сама идея обращается в набор слов. Потом возникает другая мысль: а не была ли Природа - пространство, время, материя - создана именно для того, чтобы сделать эту множественность возможной? Может быть, единственный путь получить "легионы" бессмертных духов - предварительно создать множество физических существ во Вселенной и потом одухотворить каждое из них? Но все это, конечно, догадки.

2. Представляя все человечество в виде единого огромного организма, подобного дереву, не следует думать, будто это свидетельствует о том, что индивидуальные различия не имеют значения или что реальные люди - Том, Нобби или Кэт - менее важны, чем такие коллективные понятия, как классы или расы. Фактически эти понятия противоположны друг другу. Отдельные части единого организма могут очень сильно отличаться одна от другой, а отдельные элементы, не входящие в один организм, могут быть похожи друг на друга. Шесть однопенсовых монет никак не связаны между собой, но выглядят одинаково. Мой нос и мои легкие по виду своему совершенно несхожи, но живут они только благодаря тому, что входят в состав моего организма и принимают участие в его жизни. Христианство рассматривает отдельных людей не просто как членов одной группы или отдельные предметы в перечне, но как органы единого тела, которые отличаются друг от друга, и каждый выполняет то, чего другие выполнить не могут. Когда вы ловите себя на желании сделать своих детей, или учеников, или соседей подобными вам во всем, вспомните, что Богу, скорее всего, это совсем не нравится. Вы и они - это отдельные органы, предназначенные для выполнения различных функций. С другой стороны, если у вас возникает искушение не обращать внимания на чужие нужды, потому что это не "ваше дело", вспомните: хотя другие и не похожи на вас, они - часть того же самого организма. Если вы забываете, что любой человек принадлежит к одному с вами организму, вы станете индивидуалистом. Если же вы забываете, что другой - не тот же орган, что вы, и пытаетесь подавить всякое различие между людьми, чтобы все были одинаковыми, то станете тоталитаристом. Между тем христианин ни индивидуалистом, ни тоталитаристом быть не должен.

Мне очень хочется сказать вам - и вы хотите сказать мне, - какая из этих ошибок опаснее. Но это бес морочит нас. Он всегда посылает в мир ошибки парами, состоящими из двух противоположностей, и побуждает нас тратить как можно больше времени, размышляя о том, какая хуже. Вы, конечно, понимаете, почему? Он полагается на нашу неприязнь к одной из ошибок, чтобы постоянно привлекать нас к противоположной. Но мы не должны потакать ему. Мы должны трезво идти к цели между соблазнами той и другой ошибки, стараясь не впасть ни в одну.

7. Воображение

Позвольте мне и эту главу начать двумя примерами, точнее, напомнить вам две истории, над которыми я попрошу вас задуматься. Одну из них - сказку "Аленький цветочек" - вы все читали. В этой сказке девушка должна была почему-то выйти замуж за чудище. И она это сделала. Но прежде она поверила в любовь этого чудища, испытала его доброту и сама попыталась ответить любовью. Когда она поцеловала чудище, словно оно - человек, то, к великому ее облегчению, прямо на глазах чудище и на самом деле немедленно превратилось в прекрасного юношу.

Другая история рассказывает о человеке, которому пришлось носить маску. В этой маске он был гораздо привлекательнее, чем без нее. Носил он ее несколько лет, и когда наконец снял, то обнаружил, что лицо приняло очертания маски. Он стал красивым. То, что было вначале притворной, ненастоящей красотой, стало реальным.

Я думаю, обе эти истории могут (в иносказании, конечно) проиллюстрировать то, о чем я собираюсь сейчас с вами говорить. До сих пор я старался описывать факты - кто такой Бог, что Он сделал. Теперь я хочу перейти к вопросу практическому: что должны делать мы? Какой смысл имеет для нас вся эта теология? Возможно, мы это скоро уже почувствуем. Если вам достало интереса дочитать досюда, надеюсь, вам хватит его и на то, чтобы сделать еще один шаг - помолиться. Что бы вы ни сказали, вы вероятно, повторите и слова той молитвы, которой научил нас Господь.

Помните, как она начинается? "Отче наш". Сейчас вы уже знаете, что эти слова значат. Они недвусмысленно свидетельствуют о том, что вы ставите себя в положение сына Божьего. Иными словами, вы облакаетесь в Христа, так сказать, воображаете себя Христом. В тот самый момент, когда до вас доходит смысл этих слов, вы начинаете понимать, что на самом деле вы - не сын Божий. Вы совсем не такой, как Сын, Чьи интересы, Чья воля абсолютно едины с интересами и волей Отца. Вы - комок сосредоточенных на самом себе страхов, надежд, жадности, зависти и самолюбия. И все это, вся ваша сущность, обречено на смерть. То, что вы берете на себя смелость уподобляться Христу - возмутительно и самонадеянно. Но, странное дело, именно так Он и приказал нам делать. Почему? Что за смысл выдавать себя за кого-то или за что-то иное? Однако даже на человеческом уровне существуют, как вы знаете, два рода притворства - плохое и хорошее. В первом случае человек пытается кого-то обмануть: например, он притворяется, будто помогает вам, вместо того чтобы помочь на самом деле. А вот второй, полезный вид притворства ведет к чему-то настоящему. Например, вам не хочется проявлять дружелюбие к Х., но вы знаете, что должны его проявить; в таком случае правильнее всего вести себя так, словно вы лучше, чем на самом деле. И через некоторое время вы действительно почувствуете к Х. расположение.

Всем нам это знакомо. Очень часто мы не ощутим чего-то, если не поведем себя так, как если бы уже ощутили. Вот почему игры так важны для детей. Они ведь постоянно притворяются, будто они взрослые, - играя в войну или в магазин. Но с каждым разом мускулы их становятся тверже, а разум - острее, так что притворство помогает им расти на самом деле.

И дальше. Когда вы сознательно скажете себе: "Вот, я воображаю, будто я Христос", - вы, скорее всего, тут же почувствуете, как сделать это ваше "притворство" не столь явным, хоть чуточку приблизить его к реальности. Вы думаете о таких вещах, о которых не думали бы, если бы действительно были сыном Божиим; что ж, постарайтесь прогнать эти мысли. Или, быть может, вы внезапно поймете, что сейчас - надо не читать молитвы, а сесть за стол и написать письмо матери или отправиться на кухню и помочь жене, которая моет посуду. Поднимитесь и сделайте то, что вам подсказывает внутренний голос.

Видите, что происходит? Сам Христос, Сын Божий, человек (такой же, как мы с вами) и Бог (такой же, как Его Отец), находится рядом и уже обращает воображение в реальность. И это не высокопарные слова, выражающие лишь ту мысль, что это ваша совесть подсказывает вам. Если вы прямо спросите вашу совесть, вы получите один ответ. Если

вы помните, что вы воображаете себя Христом, ответ будет иной. Существует множество вещей, которые совесть не осудит прямо (особенно когда вы обдумываете), но вы их сразу отвергаете, если серьезно стараетесь подражать Христу. Ведь тогда вы не просто будете думать о том, что хорошо, а что плохо - вы постараетесь подхватить от Него "благотворную инфекцию". Так пишут портрет, а не подчиняются правилам. Интересно, что в некотором отношении это труднее, чем правила, зато в другом - гораздо легче.

Настоящий Сын Божий будет рядом с вами. Он начинает превращать вас в существо, подобное Самому Себе. Он начинает, так сказать, "прививать" вам Свой образ жизни и мыслей, вливать в вас присущую Ему зoe. Он начинает превращать оловянного солдата в живого человека. И конечно, та часть в вас, которая все еще остается оловянной, будет этому противиться.

Некоторые из вас могут заметить, что ничего подобного не испытывали. Вы можете сказать: "У меня никогда не было чувства, будто мне помогает невидимый Христос, зато люди часто мне помогали". Тут мне вспоминается анекдот из времен первой мировой войны об одной женщине, которая сказала: "Нашу семью не волнуют перебои с хлебом, мы все равно едим только гренки". Если у вас нет хлеба, то не будет и гренков. Если бы не помогал Христос, вы не увидели бы и помощи от людей. Он действует на нас самыми разными путями, а не только в рамках "религиозной жизни". Он действует через природу, через наши тела, через книги, иногда - через чувства, которые на первый взгляд могут показаться антихристианскими. Когда молодой человек, который ходил в церковь по привычке, поймет со всей искренностью, что он не верит в христианское вероучение, и перестанет в нее ходить, то, если его побуждает честность, а не желание поступить наперекор родителям, дух Христа, возможно, ближе к нему, чем прежде.

Но чаще всего Его Дух действует на нас через наше общение друг с другом. Люди - это зеркала, или "переносчики" Христа. Иногда они и сами об этом не подозревают. "Благотворную инфекцию" могут переносить и те, кто ею не заражен. Мне, например, помогли прийти к христианству люди, которые сами не были христианами. Но, как правило, именно те, которые знают Его, приводят к Нему других. Вот почему роль Церкви, этой совокупности всех христиан, открывающих Его друг другу, настолько важна. Не будет преувеличением сказать, что в двух христианах, следующих вместе за Христом, христианство возрастает не в два, а в шестнадцать раз.

Не забывайте, для грудного младенца естественно сосать молоко, не зная матери. Вот и для нас поначалу естественно видеть человека, который помогает нам, и не видеть стоящего за ним Христа. Однако мы не должны оставаться младенцами. Мы должны идти вперед, должны понять, Кто посылает нам помощь. Не увидеть и не понять этого - просто безумие. Тогда нам осталось бы полагаться на людей; а это рано или поздно приведет к великому разочарованию. Даже лучшие из них допускают ошибки, и всем суждено умереть. Мы должны быть благодарны каждому из тех, кто оказал нам помощь, мы должны уважать и любить их, но никогда не полагаться абсолютно и безраздельно ни на одного человека, пусть это будет самый лучший, самый мудрый человек на свете. Можно сделать много прекрасных вещей из песка, только не пытайтесь строить на нем дом.

А теперь мы хоть немного видим то, о чем постоянно говорит Новый Завет. Он говорит о христианах, "рожденных вновь"; о людях "облекшихся в Христа"; о том, что Христос "изображается в нас", а мы обретаем "ум Христов". Сразу же отрешитесь от мысли, что все это - лишь сложная метафорическая форма, а выражает она просто, что христиане должны читать сказанное Христом и, по мере сил, этому следовать, подобно тому как читают Платона или Маркса и стараются воплотить их идеи. Мысль в разной форме, но постоянно встречающаяся в Новом Завете значит гораздо больше: реальный Христос - здесь, сейчас, в этой комнате, где вы молитесь - делает что-то для вас и с вами. Причем речь идет не о прекрасном человеке, умершем две тысячи лет тому назад, а о живом Человеке, все еще Человеке в такой же степени, как и вы, но и Боге в такой же степени, в какой Он был Им, когда создавал мир. И вот этот живой Богочеловек приходит к вам и начинает трудиться над вашим сокровенным, внутренним "я", убивает ваше старое "я" и заменяет его другим, таким, каким обладает Он Сам. Вначале - на несколько мгновений.

Потом - на более долгий срок. И наконец, если все идет хорошо, Он навсегда обращает вас в существо совершенно другого сорта - в нового маленького Христа, в существо, которое по-своему, пропорционально своим возможностям обретает тот же род жизни, который присущ Богу; в существо, которое разделяет силу Бога, Его радость, знание и бессмертие. Немного погодя, мы делаем два других открытия.

1. Мы начинаем замечать не только наши греховные поступки, но и нашу греховность. Другими словами, нас начинает беспокоить не только то, что мы делаем, но и то, какие мы. Это звучит сложновато, и я постараюсь выразить ту же мысль яснее, прибегнув к личному своему примеру. Когда я готовлюсь к вечерней молитве и стараюсь припомнить все совершенные за день грехи, в девяти случаях из десяти самым очевидным будет нарушение заповеди о любви к ближнему: я или сердился, или кричал и возмущался. И в моем уме сразу же возникает оправдание: меня спровоцировали; со мной заговорили неожиданно; меня застали врасплох; у меня не было времени собраться с мыслями. Это как будто служит смягчающим обстоятельством: все могло быть гораздо хуже, если бы я так сделал сознательно, предварительно обдумав.

С другой стороны, то, что человек делает, когда его застанут врасплох, - лучшее доказательство того, какой он. То, что срывается с языка, прежде чем вы успеете подавить свой порыв, выдает вашу истинную суть. Если в подвале водятся крысы, то больше всего шансов увидеть их, если вы войдете туда внезапно. Но не внезапность порождает крыс; она только мешает им вовремя скрыться. Точно так же не внезапность повода или предлога делает меня вспыльчивым; она лишь обнаруживает мою вспыльчивость. Крысы в подвале живут постоянно, но если вы будете входить туда с криками и шумом, они спрячутся, прежде чем вы включите свет.

Очевидно, крысы противоборства и мстительности постоянно бытуют и в подвале моей души. В этот подвал не может проникнуть моя сознательная воля. До определенного предела я контролирую свои действия, но над моим темпераментом прямого контроля у меня нет. А если то, какие мы, важнее, чем наши поступки; если наши поступки важны (главным образом) постольку, поскольку показывают, кто мы, из этого следует, что перемену, которой мне предстоит подвергнуться, не могут произвести мои собственные усилия. Это относится и к хорошим поступкам. Много ли я совершил их под воздействием добрых побуждений? Сколько раз я просто боялся общественного мнения или хотел показать себя с хорошей стороны? Сколько из них совершено из упрямства или превозношения, которые при других обстоятельствах могли привести меня к плохим поступкам? Я не способен прямым нравственным усилием пробудить в себе новые стимулы. Сделав всего несколько шагов по дороге христианства, мы начинаем понимать, что все необходимые перемены внутри наших душ может произвести только Бог. И это подводит нас к тому, что в моей передаче до сих пор не совсем верно отражало истину.

2. Из моих слов могло создаться впечатление, что именно мы сами все и совершаем. В действительности же все изменения совершает Бог. Мы в лучшем случае не противимся тем переменам, которые Он производит в нас. В каком-то смысле вы даже можете сказать, что это не мы, а Бог прибегает к воображению. В самом деле, Трехликий Бог видит перед Собой жадное, ворчливое, непокорное существо. Но Он говорит: "Давайте вообразим, что это не простое существо, а Наш сын. Это существо похоже на Иисуса в том смысле, что Иисус тоже человек. Он ведь стал Человеком. Давайте вообразим, что человек подобен Христу и по духу, и будем обращаться с ним, как если бы это соответствовало истине, хотя на самом деле это не так. Но мы представим себе, что наше воображение стало действительностью".

Бог смотрит на нас как на маленького Христа; Христос стоит рядом, чтобы помогать нам, когда мы превращаемся в Него. Идея о Божьей игре в воображение звучит на первый взгляд странно. Но странно ли это? Разве не именно так существа более высокого порядка воспитывают тех, кто ниже? Мать учит ребенка говорить, беседуя с ним, словно он ее понимает, задолго до того, как он начнет понимать ее. Мы обращаемся с нашими собаками, как с людьми. Вот почему в конце концов они становятся "почти как люди".

8. Легко ли быть христианином?

В предыдущей главе мы говорили о том, как "облечься в Христа" или как представлять себя сыном Божиим, чтобы в конце концов стать им по-настоящему. Теперь я хочу ясно сказать, что это не просто одно из занятий, которым должен предаваться христианин, и не своего рода упражнение, необходимое для перехода в следующий класс. В этом - смысл и суть христианства. Ничего иного оно не предлагает. И я хотел бы показать, в чем тут отличие от обычных идей морали и добра.

Обычное представление, которое мы все разделяем еще до того, как станем христианами, состоит в следующем. Мы берем наше обыкновенное "я" с его разнообразными желаниями и интересами. Потом мы признаем, что что-то еще - назовите это "моралью", или "правилами поведения", или "соображениями общественного блага" - предъявляет к нему требования и они вступают в конфликт с его собственными желаниями. "Быть хорошим" - значит, по-нашему, уступать этим требованиям. Некоторые вещи, которые нашему "я" хотелось бы сделать, оказываются тем, что мы называем "злом". Что ж, в таком случае мы должны отказаться от них. Другие, которые нашему "я" делать не хочется, напротив, оказываются тем, что мы называем "добром", - и нам приходится их делать. Но мы все время надеемся, что, когда мы выполним все эти требования, у нашего бедного "я" еще останутся возможность и время исполнить свои собственные желания, пожить своей жизнью, в свое удовольствие. Собственно, мы очень похожи на честного человека, платящего налоги. Он добросовестно платит их, но при этом надеется, что у него останется достаточно денег, чтобы безбедно прожить на них. Все это происходит по той причине, что за исходную точку мы принимаем наше обычное "я". Пока мы думаем так, мы чаще всего приходим к одному из двух результатов. Либо мы отказываемся от стараний "быть хорошими", либо превращаемся в людей по-настоящему несчастных. Почему? Потому что (не заблуждайтесь!), если вы действительно собираетесь выполнять все предъявляемые вам требования, то у вашего "я" не останется ни времени, ни сил, чтобы жить для себя. Чем больше вы прислушиваетесь к голосу совести, тем больше этот голос от вас требует. Ваше природное "я", которое страдает от голода, все время натывается на препятствия и сгибается под бременем, начнет наконец возмущаться все больше и больше. Вот почему вы либо прекратите эти старания, либо превратитесь в одного из тех, которые, по их словам, "живут для других", но при этом всегда недовольны и постоянно на все ворчат, вечно удивляясь, почему "другие" не замечают их самопожертвования, их непрестанного мученичества. Когда вы превратитесь в такое существо, то станете куда невыносимее для окружающих, чем если бы оставались откровенным эгоистом.

Христианство предлагает иной путь. Этот путь и труднее, и легче. Христос говорит: "Отдайте Мне *все*. Мне не нужно столько-то вашего времени, столько-то ваших денег или вашего труда; Я хочу *вас*. Я пришел не для того, чтобы мучить ваше природное "я", но для того, чтобы умертвить его. Никакие полумеры здесь не помогут. Я не хочу отрубить ветку здесь, ветку там, Я хочу срубить все дерево. Я не хочу сверлить зуб, или ставить на него коронку, или заполнять в нем дупло. Я хочу удалить его. Передайте Мне все ваше "я" безраздельно, со всеми желаниями, и невинными, и порочными, полный набор. Я дам вам взамен новое "я". Собственно, Я дам Самого Себя, и все Мое станет вашим".

Это и труднее, и легче, чем то, что стараемся делать мы. Я надеюсь, вы заметили, что Сам Христос иногда описывает христианский путь как очень трудный, а иногда - как очень легкий. Он говорит: "Возьми свой крест", то есть как бы призывает к мученической смерти в каком-нибудь концлагере. Но тут же Он говорит: "...иго Мое благо, и бремя Мое легко". Нетрудно понять, почему и то, и другое правда.

Учителя могут сказать вам, что самый ленивый ученик в классе - тот, кто работает упорнее всех в конце учебного года. Они не шутят. Если вы дадите двум ученикам доказать какую-то геометрическую теорему, тот, кто готов приступить к делу, постарается понять ее. Ленивый ученик пытается зазубрить ее на память, потому что сейчас, вот сейчас на это уйдет меньше усилий. Но шесть месяцев спустя, когда они начнут готовиться к экзаменам, лентяю придется провести много мучительных часов над тем, что прилежный ученик легко и с удовольствием выполнит за несколько минут. В конце концов лентяю приходится работать больше. Или давайте взглянем на это с другой стороны. В

сражении или при восхождении на гору порой необходимо сделать что-то очень трудное; то, что требует усилий и мужества. Однако это же обеспечит самую верную безопасность. Если вы этого не сделаете, то через несколько часов окажетесь в большей опасности. Трусливый поступок будет и самым неразумным.

Именно так обстоит дело в христианстве. Ужасно, почти невозможно отдать себя - все свои желания, все заботы о себе в руки Христа. Но это гораздо легче, чем то, что стараемся делать мы. Ведь мы стараемся остаться "самими собою", не отказываемся от личного счастья как от главной своей цели, и в то же время пытаемся быть "хорошими". Мы стараемся не препятствовать уму своему и сердцу, когда они сосредоточиваются на мечтах о богатстве, на честолюбивых планах, на стремлении к удовольствиям - и надеемся, несмотря на это, вести себя честно, целомудренно и скромно. Именно против этого предостерегал нас Христос. Он говорил, что смоквы не растут на терновнике (3). Поле, засеянное травой, не принесет урожая пшеницы. Если вы будете регулярно косить траву, вам удастся сохранить ее короткой. Но пшеницы на этом поле все-таки не будет. Чтобы оно дало пшеницу, надо его изменить - глубоко перепахать и засеять заново. Вот почему подлинная проблема христианской жизни возникает там, где люди обычно не думают столкнуться с ней. Возникает она в то самое мгновение, когда мы просыпаемся поутру. Все наши желания и надежды, связанные с новым днем, набрасываются на нас как дикие звери. А наша первая обязанность - в том, чтобы попросту прогнать их; мы должны прислушаться к другому голосу, принять другую точку зрения, позволить, чтобы нас заполнил поток другой, более великой, более сильной и более спокойной жизни. И так целый день: мы сдерживаем свои естественные капризы и волнения, вступаем в полосу, защищенную от ветра.

Вначале, обретая такое состояние духа, вы сумеете сохранить его лишь несколько минут. Но в эти минуты по всему нашему физико-духовному организму распространяется жизнь нового типа, потому что мы позволяем Христу совершать в нас работу. Есть разница между масляной краской, которая покрывает только поверхность, и красителем, пропитывающим предмет насквозь. Христос никогда не произносил неясных идеалистических фраз. Говоря: "Будьте совершенны", Он имел в виду именно это. Он подразумевал, что мы должны пройти полный курс лечения. Это трудно; но компромисса, которого мы жаждем, достичь несравненно труднее, это просто невозможно. Яйцу, вероятно, трудно превратиться в птицу; однако ему несравненно труднее научиться летать, оставаясь яйцом. Мы с вами подобны яйцу. Но мы не можем бесконечно оставаться обыкновенным, порядочным яйцом. Либо мы вылупимся из него, либо оно испортится.

А теперь позвольте мне повторить то, что я сказал прежде: в этом и состоит все христианство; больше в нем нет ничего. Допускаю, что это может вызвать недоумение. Ведь так очевидно, что у церкви множество других забот - образование, возведение новых зданий, миссионерская работа, службы. Очевидно и то, что многими заботами обременено государство: это и оборона, и политика, и экономика, и многое другое. Но на самом деле все гораздо проще. Государство существует лишь для того, чтобы обеспечивать и защищать обычное человеческое благополучие. Муж и жена беседуют у камина, друзья играют в карты и пьют, человек читает книгу в своей комнате или работает в своем саду, - а государство их защищает. Все законы, парламенты, армии, суды, полиция, экономика имеют смысл только в том случае, если они помогают все это продлить и охранить. Иначе они оборачиваются лишь тратой времени и денег.

Что касается церкви, то она существует только для того, чтобы привлекать людей к Христу, формировать из них маленьких Христов. Если она этого не делает, все кафедральные соборы, все священство, все миссионерские организации, проповеди, даже сама Библия сведутся лишь к пустой трате времени. Бог стал человеком именно ради этой цели. И знаете что? Может быть, только ради этого и была создана Вселенная. В Библии говорится, что она создана для Христа и все должно соединиться в Нем. Я думаю, никто из нас не может понять, как все это произойдет в масштабе Вселенной. Мы не знаем, что живет (если там вообще что-нибудь живет) в тех частях ее, которые удалены от Земли на многие миллионы километров. Даже на этой Земле мы не знаем, что произойдет со всем

остальным, кроме человека. Но чего, собственно, мы ожидали? Нам показана только та часть плана, которая касается нас. Иногда я люблю себе представить, как все будет с другими существами и предметами. Мне кажется, высшие животные в каком-то смысле сблизятся с человеком благодаря его любви к ним и тому, что он делает их (а это именно так) гораздо более очеловеченными, чем они были бы, не существуй на Земле человека и всей его деятельности. Я даже улавливаю какой-то смысл в том, что одушевленные вещи и растения подтягиваются к человеку, по мере того как он пользуется ими и ценит их. Если бы иные миры были населены разумными существами, и те могли бы делать все это там, у себя. Может быть, когда разумные существа войдут в Христа, они, в этом смысле, принесут с собой в Него и все остальное. Но я не знаю, как все это будет на самом деле, и могу лишь делиться своими догадками.

Нам сказано только о том, как мы, люди, соединимся в Христе, как мы станем частью того удивительного дара, который молодой Князь Вселенной хочет преподнести Своему Отцу, - дара, который есть Он Сам и, следовательно, мы в Нем. Только для этого мы и созданы. В Библии есть странные, волнующие намеки на то, что, когда мы соединимся с Ним и в Нем, многое в природе начнет обретать свой первоначальный, верный смысл. Страшный сон кончится; наступит утро.

9. Во что это обходится

Многих, оказывается, смутило то, что я сказал в предыдущей главе о словах нашего Господа: "Будьте совершенны". Некоторые, видимо, думают, что слова эти значат: "Пока вы не станете совершенными, Я не буду вам помогать", - а поскольку мы не можем стать совершенными, наше положение безнадежно. Но я не думаю, чтобы это было так. Мне кажется, Господь сказал: "Я стану помогать вам лишь в одном - в достижении совершенства. Возможно, вас устраивает что-нибудь поменьше, но Я не дам вам ничего меньше этого".

Позвольте мне пояснить мою мысль. В детстве у меня часто болели зубы, и я знал: стоит пойти к маме - и она даст что-нибудь болеутоляющее, я смогу спокойно уснуть. Но я не шел к ней - по крайней мере, до тех пор, пока боль не становилась невыносимой. Я не шел к ней вот по какой причине: не сомневаясь в том, что она даст мне аспирину, я знал, что этим она не ограничится, а на следующее утро поведет меня к зубному врачу. Я не мог получить от нее то, что хотел, и не получить того, чего я совсем не хотел. Мне надо было мгновенно избавиться от боли, но мне пришлось бы еще и проверить все зубы. А я знал этих зубных врачей! Знал, что они станут копаться и в тех зубах, которые болеть не начинали. Как говорится, дай им только палец, они всю руку отхватят.

Наш Господь, если вы позволите мне такое сравнение, в некотором роде напоминает этих зубных врачей. Если вы дадите Ему палец, Он возьмет у вас всю руку. Десятки людей приходят к Нему, чтобы излечиться от какого-то одного греха, которого они особенно стыдятся (например, от трусости), или от такого, который портит им жизнь (скажем, от вспыльчивости или пьянства). Что ж, Он вылечит любой недуг, но не остановится на этом. Может быть, вы больше ничего у его и не просили, но Он, если только вы придете к Нему, непременно подвергнет вас полному курсу лечения.

Вот почему Он предупреждает людей, чтобы они, прежде чем станут христианами, взвесили, во что им это обойдется. "Поймите меня правильно, - говорит Он. - Если вы Мне позволите, Я сделаю вас совершенными. В тот момент, когда вы вручите себя в Мои руки, знайте, что именно это Я намерен сделать с вами. Именно это, ничего другого. Однако ваша воля остается свободной. Если вы захотите, то сможете оттолкнуть Меня. Но если вы не оттолкнете, помните: Я доведу работу до конца. Каких бы страданий вам это ни стоило в вашей земной жизни, чего бы это ни стоило Мне, я не успокоюсь и не оставлю в покое вас до тех пор, пока вы действительно не станете совершенными - пока Мой Отец не сможет без колебаний сказать, что доволен вами, как Он сказал обо Мне. Я могу это сделать, и Я сделаю это. Но Я не стану делать ничего, что меньше.

И тем не менее (это очень важно!) Помощник, Которого не удовлетворить ничем, кроме совершенства, будет очень рад вашей первой, слабой попытке, которую вы предпримете завтра, чтобы выполнить простейшую свою обязанность. Как говорил христианский писатель Джордж Макдональд, каждый отец доволен, когда его ребенок делает первые неуверенные шажки, но ни один отец не удовлетворится меньшим, чем уверенная, свободная походка взрослого сына. Точно так же, говорит он, "легко снискать одобрение Бога, но удовлетворить Его трудно".

Из всего этого следует практический вывод. С одной стороны, то, что Бог требует от нас совершенства, не должно ни в коей мере обескураживать нас, когда мы пытаемся быть хорошими, как не должны у нас опускаться руки от неудач, которые мы терпим при этих попытках. Всякий раз, когда вы падаете, Он снова ставит вас на ноги. Он превосходно знает, что ценой своих собственных усилий вы никогда не сможете и близко подойти к совершенству. В свою очередь вы с самого начала должны понимать, что цель, к которой Он вас направляет, - это абсолютное совершенство и ни одна сила во Вселенной, кроме вас самих, не может воспрепятствовать Ему. Это очень важно понять. Если мы не поймем, то, весьма вероятно, захотим в какую-то минуту пойти на попятную и начнем Ему противиться. Я думаю, многие из нас склонны считать себя достаточно хорошими, после того как Христос помог нам преодолеть один-два греха, которые особенно беспокоили нас. Он сделал все, чего мы от Него хотели, и теперь мы были бы очень признательны, если бы Он оставил нас в покое. У нас принято говорить: "Я и не стремился стать святым. Мне просто хотелось быть порядочным человеком". Нам даже кажется, что это свидетельствует о смирении.

Но мы ошибаемся, и ошибка наша - очень печальна. Конечно же, мы не хотели и никогда не просили, чтобы нас превращали в совершенство. Но дело не в наших желаниях, а в тех намерениях, которые были у Него, когда Он создавал нас. Он - Изобретатель, мы - только машины. Он - Художник, мы - всего лишь картина. Как можем мы знать, что Он намеревается из нас сделать? Вы замечаете, что Он уже превратил нас во что-то, сильно отличающееся от того, чем мы были. Давным-давно, прежде нашего рождения, когда мы еще находились в материнском чреве, мы прошли через разные стадии развития. Сначала видом своим мы напоминали растения, потом - рыб, и только на последней стадии стали мы походять на человеческих младенцев. Если бы мы могли осознать те ранние стадии, то, вполне возможно, удовлетворились бы таким вот существованием в виде растения или рыбы и не захотели бы превращаться в младенцев. Но все это время у Него был особый план, и Он твердо намеревался выполнить его до конца. То же самое происходит и сейчас, только на более высоком уровне. Нас, допускаю, вполне удовлетворит, если мы останемся "обыкновенными людьми", но Он намерен привести в исполнение совершенно другой план. Отказ от участия в этом плане диктует не смирение, а лень и трусость. Подчинение ему свидетельствует не о тщеславии или мании величия, а о покорности.

Эти грани истины можно осветить иначе. С одной стороны, не надо воображать, что ценой своих собственных усилий мы продержимся в категории порядочных людей хотя бы сутки. Если бы не Его поддержка, никто из нас не был бы застрахован от серьезного греха или преступления. С другой стороны, вся святость и весь героизм, которыми отличались величайшие из святых, не превышали того, чем Он намерен наделить каждого из нас. Его работа над нами не закончится в этой жизни. Но Он намерен выполнить ее настолько, насколько это возможно, до нашей смерти.

Вот почему мы не должны удивляться, если на нашу долю выпадают тяжелые времена. Когда человек обращается к Христу и ему кажется, что все у него идет как надо (в том смысле, что он избавляется от дурных наклонностей), то часто ему представляется: теперь, вполне естественно, и обстоятельства станут складываться глаже. Но приходят неприятности - болезнь, бедность, разные искушения, - и такой человек разочарован. Все это, думает он, было необходимо, чтобы пробудить во мне совесть и привести меня к раскаянию, но почему сейчас? А потому, что Бог гонит его вперед, велит подняться на более высокий уровень. Он помещает его в такие обстоятельства, когда от него требуется гораздо больше храбрости, или терпения, или любви, чем он мог и подумать. Нам все это

кажется излишним; но только потому, что мы еще не представляем, какими поразительными существами Он собирается нас сделать.

Я думаю, мне придется позаимствовать еще одно сравнение у Джорджа Макдональда. Представьте себе, что вы - жилой дом. Бог входит в этот дом, чтобы перестроить его. Сначала, возможно, вы еще можете понять, что Он делает. Он ремонтирует водопровод и крышу. Тут все ясно и не вызывает удивления. Но вот Он начинает ломать дом, да так, что вам становится больно. К тому же вы не видите в этом никакого смысла. Чего Он хочет добиться? А вот чего: Он строит из вас совсем другой, новый дом, совсем не такой, каким вы его представляли. В одном месте Он возводит новое крыло, настилает новый пол, в другом - пристраивает башни, создает дворики. Вы думали, что вас собирались переделать в хорошенький маленький коттедж. Но Он сооружает дворец и намерен поселиться во дворце Сам. Заповедь "Будьте совершенны" - это не просто идеалистически высокопарный призыв. Это и не приказ сделать невозможное. Дело в том, что Он собирается преобразовать нас в такие существа, которым этот приказ по силам. Он сказал (в Библии), что мы - "боги", и докажет правоту Своих слов. Если только мы Ему позволим - мы можем помешать Ему, если захотим, - Он превратит самого слабого, самого недостойного из нас в бога или богиню, в ослепительное, светоносное, бессмертное существо, пульсирующее такой энергией, такой радостью, мудростью и любовью, какие мы сейчас не можем вообразить. Он превратит нас в чистое, искрящееся зеркало, способное отразить в совершенном виде (хотя, конечно, в меньшем масштабе) Его безграничную силу, радость и доброту. Это долгий, а то и болезненный процесс. Но именно в том, чтобы пройти его, - наше назначение. Рассчитывать на меньшее нам не приходится. То, что Господь сказал. Он говорил всерьез.

10. Хорошие люди, или новое человечество

Да, то, что Он сказал, Он говорил всерьез. Те, кто отдаст себя в Его руки, станут такими же совершенными, как Он Сам, - совершенными в любви, мудрости, радости, красоте и бессмертии. Эта перемена не завершится в нашей земной жизни, потому что смерть - важная часть лечения. Как глубоко затронет оно каждого христианина при его земной жизни, знать никому не дано. Я думаю, сейчас самая пора рассмотреть то, о чем часто спрашивают: если христианство право, то почему христиане - в массе своей - не лучше, чем нехристиане? Вопрос этот, с одной стороны, совершенно правомочен, с другой - неоправдан. Обоснованность его вот в чем. Если обращение в христианство никак не проявляется в поведении человека: человек остается таким же высокомерным, или завистливым, или тщеславным, каким был прежде, - то мы должны, я думаю, усомниться в искренности его обращения. Всякий раз, когда обращенный полагает, что чего-то достиг, он именно так может проверить себя. Прекрасные чувства, большая пронизательность, возросший интерес к религии не значат ничего, если поведение наше не меняется в лучшую сторону, как ничего не значит то, что больной чувствует себя лучше, если температура по-прежнему повышается. В этом смысле мир совершенно прав, когда судит христианство по результатам. Христос говорил нам, чтобы именно так мы и судили. Дерево познается по плодам. "Чтобы узнать, хорош ли пудинг, надо его съесть". Когда мы, христиане, ведем себя недостойно или когда из наших попыток вести себя так, как надо, ничего не получается, мы внушаем людям недоверие к христианству. На плакатах военного времени мы читаем: "Легкомысленная болтовня может привести нас к гибели". Переиначив эти слова, скажу, что легкомысленный образ жизни может привести к злоречивым толкам. И мы сами даем повод для толков, ставя под сомнение истинность христианства.

Но, с другой стороны, окружающий нас мир бывает довольно нелогичным в своих требованиях к христианству. Порой людям недостаточно, чтобы жизнь человека, ставшего христианином, изменилась к лучшему. Они пытаются, прежде чем сами придут к вере, четко разделить весь мир на два лагеря - христиан и нехристиан; при этом они ожидают, что все люди из первого лагеря в любой данный момент должны быть безусловно лучше, чем люди из второго. Это неосновательно, и по нескольким причинам.

1. Во-первых, в реальной жизни все гораздо сложнее. Мир не состоит из стопроцентных христиан и стопроцентных нехристиан. Существуют люди (их немало), которые медленно выбывают из христиан, но все еще называют себя этим именем, причем некоторые из них - священнослужители. Другие постепенно становятся христианами, хотя еще так себя не называют. Есть люди, которые пока не принимают учение о Христе во всей полноте, но в такой степени поддались обаянию Его Личности, что уже принадлежат Ему в гораздо более глубоком смысле, чем сами сознают. Известны и люди, которые, исповедуя другие религии, под скрытым воздействием Бога сосредоточили внимание на тех разделах, которые согласуются с христианством. Например, буддист доброй воли, побуждаемый таким воздействием, может все больше внимания уделять буддийскому учению о милосердии, оставляя в стороне другое (хотя он все еще говорит, что исповедует именно буддизм). В таком положении находились и многие добродетельные язычники задолго до рождения Христа. А сколько в мире людей, у которых в голове неразбериха и убеждения сотканы из обрывков несовместимых верований? Значит, бессмысленно судить о христианах и нехристианах в целом. Можно сравнивать кошек и собак или даже мужчин и женщин, потому что здесь каждому ясно, кто есть кто. К тому же животные не превращаются (ни внезапно, ни постепенно) из собаки, скажем, в кошку. Когда мы сравниваем христиан с нехристианами, то обычно думаем не о реальных людях, которых знаем, а о неких смутных идеях, почерпнутых нами из книг и газет. Если же вы хотите сопоставить плохого христианина с хорошим атеистом, то пусть это будут два конкретных человека, которых вы действительно видели. До тех пор пока мы не докапаемся до сути, мы будем только время терять.

2. Предположим, мы докапались до сути и говорим уже не о воображаемых христианах и нехристианах, а о двух конкретных людях, живущих по соседству. Даже в этом случае надо судить очень внимательно. Если христианство истинно, из этого должно вытекать, что:

а) любой христианин лучше, чем был бы тот же самый человек, если бы остарелся нехристианином;

б) любой человек, становящийся христианином, лучше, чем он был до этого.

Позвольте мне привести сравнение. Если реклама зубной пасты "Белозубая улыбка" не обманывает нас, то из этого следует:

а) у каждого, кто пользуется ею, зубы лучше, чем они были бы, если бы он ею не пользовался;

б) если кто-то начнет ею пользоваться, зубы у него станут лучше. Но то, что от употребления этой пасты мои плохие зубы (которые я унаследовал от обоих родителей) не станут такими же прекрасными, как у здорового, молодого негра, который вообще никогда не употреблял никакой пасты, еще не доказывает, что реклама говорит неправду.

Возможно, христианка мисс Бэйтс злее на язык, чем неверующий Дик Феркин. Само по себе это еще не доказывает, что христианство - недействительно. Вопрос надо ставить иначе: а каким был бы Дик, стань он верующим? У мисс Бэйтс и Дика, из-за наследственности и воспитания, полученного в раннем детстве, разный темперамент и характер. Христианство обещает взять под контроль оба эти темперамента и характера, если только ему позволят. Правомочен лишь такой вопрос: улучшит ли это мисс Бэйтс и Дика? Каждому ясно, что в случае Дика под контроль поступил бы характер куда более доступный благоприятному воздействию, чем в случае мисс Бэйтс. Но дело не в этом. Чтобы судить о том, хорошо ли управляют фабрикой, надо принимать в расчет не только качество продукции, но и техническое оснащение. Возможно, техническое оснащение фабрики А таково, что она лишь чудом вообще что-то производит. Напротив, у фабрики Б первоклассное оснащение, и придется признать, что высокое качество ее продукции все-таки гораздо ниже, чем могло бы быть. Несомненно, хороший руководитель на фабрике А установит новое оборудование при первой возможности, однако это произойдет не сразу. До тех пор низкий уровень того, что она выпускает, не может свидетельствовать о неумелости руководства.

3. А теперь углубимся дальше. Руководитель собирается поставить новое оборудование, и еще прежде, чем Христос закончит работать над мисс Бэйтс, она станет воистину прекрасным человеком. Но если мы на этом остановимся, то все будет выглядеть так,

словно единственная цель Христа - подтянуть мисс Бэйтс до того уровня, на котором Дик был с самого начала. У вас могло сложиться впечатление, будто с Диком вообще нет никаких проблем и в христианстве нуждаются только люди с дурным характером, а приятные, милые люди вполне могут обойтись и без него, словно приятность - это все, чего требует Бог. Это было бы роковой ошибкой. Правда - в том, что, с точки зрения Бога, Дик Феркин нуждается в спасении ничуть не меньше, чем мисс Бэйтс. В каком-то смысле (через минуту я объясню, в каком именно) сомнительно, чтобы приятность характера вообще имела какое-нибудь отношение к этому.

Мы не можем ожидать, чтобы Бог смотрел на спокойный характер и дружелюбие Дика теми же глазами, какими смотрим на них мы. Ведь эти качества в значительной степени порождены естественными причинами (благоприятная наследственность), то есть в конечном счете обусловлены Самим Богом. Но, с другой стороны, они связаны с темпераментом, а значит - едва ли устойчивы и могут исчезнуть, коль скоро у Дика нарушится пищеварение. Приятность характера - это, в сущности, Божий дар Дику, а не дар Дика Богу. Точно так же Бог допустил, чтобы в силу естественных причин, действующих в мире, от глубокой древности испорченном грехом, разум у мисс Бэйтс оказался ограниченным, а нервы - взвинченными, от чего и зависит главным образом ее несносность. Он намеревается в свое время выправить этот недостаток. Но для Бога не это - самое главное и трудное. Не об этом Он беспокоится. Того, за чем Он следит, чего ожидает и ради чего работает, нелегко добиться даже Ему, Богу, потому что в силу установленного Им принципа свободной воли Он не может достичь этого силой. Он ждет и наблюдает за появлением "этого" и в мисс Бэйтс, и в Дике Феркине; только от их доброй воли это зависит. От каждого из них зависит, сделать этот шаг или отказаться от него, обратиться к Богу - или нет, достигнув, таким образом, той единственной цели, ради которой они и созданы. Их свободная воля вибрирует, как стрелка компаса. Эта стрелка наделена правом выбора. Она может повернуться точно к северу, но не обязана. Повернется ли стрелка, установится ли, укажет ли на Бога?

Он может ей в этом помочь, но не может ее заставить. Он не может протянуть руку и повернуть ее - тогда она лишилась бы предоставленной ей от начала свободы воли. Установится ли стрелка по направлению к северу? От этого зависит все остальное. Предадут ли мисс Бэйтс и Дик свою человеческую природу в руки Божьи? Только в этом суть. А что один из этих характеров - приятен, а другой - несносен, вопрос второстепенный. С этим у Бога проблем не будет.

Не поймите меня, пожалуйста, превратно. Бог рассматривает плохую, несносную человеческую природу как зло, как беду. Конечно, хороший характер в Его глазах - благо, как благо - хороший хлеб, или солнечный свет, или чистая вода. Но все это такое благо, которое Он дает, а мы принимаем. Он дал Дику крепкие нервы и хорошее пищеварение, и добро не оскудело в том источнике, откуда оно произошло. Ему, насколько нам известно, ничего не стоит творить благо. Но ради того, чтобы взбунтовавшаяся человеческая воля могла обратиться на праведный путь, Он умер на кресте. Поскольку эта воля свободна, она может, действуя и в хороших, и в плохих людях, принять или отвергнуть Его. В последнем случае все приятные качества Дика, будучи лишь свойством его человеческой природы, обратятся в ничто, ибо сама эта природа исчезнет. Сочетание естественных причин произвело в Дике благоприятную психологическую структуру, как порождает оно приятные сочетания цветов на закатном небе. Но в силу особенностей, присущих природе, такое сочетание быстро распадается и исчезает. Дику предлагалась возможность превратить (или, скорее, позволить, чтобы Бог превратил) мимолетное сочетание в бессмертную красоту вечного духа; но он эту возможность упустил.

Возникает парадокс: до тех пор, пока Дик не обратится к Богу, он будет думать, что его приятный характер - его собственность во всех отношениях (и по происхождению, и по принадлежности). Но пока он так думает, прекрасные качества ему не принадлежат. Только когда он поймет, что они - не его заслуга, а дар Божий, и вновь предложит их Богу, только тогда качества эти станут его собственностью. Только то мы и можем сохранить, что добровольно отдадим Богу. А то, что попытаемся удержать для себя, непременно потеряем.

Мы не должны поэтому удивляться, встречая среди христиан людей, все еще несносных. Если подумать, можно понять, почему от неприятных людей можно ожидать, что они скорее обратятся к Христу, чем приятные. Вы помните, как возмущались современники Христа тем, что, по их мнению, Он привлекал к Себе самых ужасных, самых презираемых людей? То же самое вызывает возмущение и недоумение у наших современников. Так и будет и завтра, и всегда. Вы догадываетесь, почему? Вспомните слова Христа: "Трудно богатому войти в Царство Небесное". А еще Он говорил: "Блаженны нищие духом". Очевидно, что речь Он вел о двух видах богатства и нищеты - материальном и духовном. Опасность для людей материально богатых - в том, что они довольствуются счастьем, которое дают им деньги, и не понимают, как нужен им Бог. Если все кажется таким доступным, если вы можете получить все, чего пожелаете, простым росчерком пера на чеке, то вам легче позабыть о том, что каждую минуту вы - в полной зависимости от Бога. Не меньшую опасность несет и природная одаренность. Если вы получили от Бога крепкие нервы, незаурядный ум, отличное здоровье, если вы хорошо воспитаны и считаетесь "душой общества", то как вам не быть довольным своим характером и обстоятельствами? "К чему впутывать во все это Бога?" - спасите вы себя. Хорошие манеры и поведение даются вам без особого труда. Вы не из тех несчастных, которые отягощены разными комплексами: вас не мучат тяготы пола, вы не страдаете ни чрезмерной тягой к выпивке, ни повышенной раздражительностью или дурным характером. Все вокруг называют вас "славным малым", и вы сами (наедине с собой) соглашаетесь с их мнением. Вы, вполне вероятно, верите, что все ваши хорошие качества - это ваша личная заслуга, и не видите никакой необходимости стать еще лучше, но лучше по-новому, в более высоком смысле слова. Очень часто люди, наделенные от природы добродетелями, не могут понять, как им нужен Христос, до тех пор пока в один прекрасный день не окажется, что добродетели их - тщетны, и разочарование постигнет их, а самодовольство - рассеется. Иными словами, трудно тем, кто богат и в этом смысле слова, войти в Царство Небесное.

Все иначе с людьми неприятными, маленькими, приниженными, боязливыми, испорченными, слабосильными, одинокими или необузданными, страстными, неуравновешенными. Предприняв малейшую попытку стать хорошими, они незамедлительно почувствуют, что им не обойтись без помощи. Для них - либо Христос, либо ничего. У них только один выбор - или взять свой крест и следовать за Ним, или жить в постоянном отчаянии. Они - заблудшие овцы; Он приходил специально для того, чтобы отыскать их (2). Они-то и есть в самом настоящем, в самом страшном смысле этого слова "нищие". Именно их Он благословил. Это они - то "ужасное сборище", с которым Он общается. И конечно, фарисеи все еще говорят, как говорили в самом начале: "Если бы христианское учение опиралось на истину, эти люди не были бы христианами".

В сказанном мною - либо предостережение, либо ободрение для каждого из нас. Если вы славный человек, если добродетель дается вам легко - берегитесь! С того, кому много дано, много и спросится. Если вы принимаете за собственные достоинства то, что на самом деле - Божий дар, полученный вами от природы; если вы довольствуетесь своим приятным характером, вы все еще противитесь Богу, и когда-нибудь ваши природные дары послужат лишь более ужасному падению, более изощренному соращению, а дурной пример станет особенно разрушительным. Сам сатана был когда-то архангелом; его природные дары были настолько же выше ваших, насколько ваши - выше природных даров шимпанзе.

А вот если вы несчастное существо, искалеченное никуда не годным воспитанием в семье, где царила низкая зависть и не прекращались бессмысленные ссоры, если вы обременены, не по своей воле, каким-нибудь отвратительным половым извращением и день за днем терзаетесь комплексом неполноценности, набрасываясь и огрызаясь даже на лучших своих друзей, - не отчаивайтесь. Бог знает о вас все. Вы - один из тех нищих, которых Он благословил. Он знает, какой воистину жалкой машиной стараетесь вы управлять. Не сдавайтесь. Делайте все, что в ваших силах. В один прекрасный день Он выбросит эту машину на свалку и даст вам новую. И тогда вы, возможно, поразите всех нас - и самого себя, потому что вы прошли трудную школу вождения ("Многие же будут первые последними, и последние первыми").

Обладать приятным характером, быть цельной, высоконравственной личностью прекрасно. Мы должны использовать все доступные нам средства - медицину, образование, экономику, политику, - чтобы создать такой мир, где как можно больше людей были бы именно такими, как стараемся мы создать мир, где у каждого достаточно еды. Но при этом мы должны помнить: если бы нам даже удалось каждого человека сделать хорошим и добродетельным, мы бы не спасли все человеческие души. Мир, состоящий из приятных людей, довольствующихся своей приятностью и не имеющих ничего больше, другими словами, мир, отвернувшийся от Бога, будет так же отчаянно нуждаться в спасении, как и мир жалких, несчастных людей, - а спасти его, быть может, еще труднее. Простое, механическое улучшение - не искупление, хотя искупление постоянно делает людей лучше, даже здесь и сейчас, и усовершенствует их до такой степени, о которой мы не можем еще и мечтать. Бог стал человеком, чтобы обратить существа, созданные Им, в Своих детей; не просто для того, чтобы улучшить человеческую породу, но чтобы создать людей совершенно иного рода. Это не то же самое, что дрессировка лошади, которую учат прыгать все выше и выше, это - превращение ее в сказочного крылатого коня. Конечно, как только у лошади вырастут крылья, она сможет перелетать через такие заборы, через которые никогда бы не перепрыгнула, и обычной лошади ни в чем с ней будет не сравниться. Однако вначале, когда крылья только станут отрастать, все это, наверное, будет ей не под силу. Наросты в верхней части спины будут выглядеть нелепо и смешно, и никто не догадается, глядя на них, что из них вырастут крылья.

Однако мы, возможно, посвятили этому слишком уж много времени. Если вам нужен только довод против христианства (а я хорошо помню, как сам я жадно искал такие доводы, когда начал бояться, что христианство соответствует истине), то вы легко сможете найти какого-нибудь неумного и не очень приятного христианина и сказать: "Так вот он, ваш хваленый новый человек! Дайте-ка мне лучше старого!" Но если вы хотя бы раз почувствуете, что ключи к христианству - не там, то в глубине сердца поймете, что все ваши возражения и аргументы - лишь попытка уйти. Что вы можете знать о других человеческих душах? Об их искушениях, их возможностях, их борьбе? Лишь одну душу во всем Божьем мире знаете вы, и это та душа, чья судьба отдана в ваши руки. Если Бог существует, вы в некотором смысле - один на один с Ним. Вы не можете от Него избавиться, философствуя о достоинствах и недостатках своих соседей или вспоминая то, о чем вы читали в книгах. Что будут значить все эти пересуды и домыслы (да и сможете ли вы вообще их вспомнить?), когда развеется притупляющий туман анестезии, который мы называем "природой" или "реальным миром", и Присутствие, о Котором вы всегда знали, станет осязаемым, непосредственным, неустрашимым?

11. Новые люди

В предыдущей главе я сравнивал работу Христа, создающего новых людей, с превращением обычной лошади в сказочного крылатого коня. Я воспользовался этим крайним примером, чтобы подчеркнуть, что речь идет не об улучшении, усовершенствовании, а о полном преобразовании. Ближайшим подобием этому в природе будет поразительное превращение насекомых, когда на них воздействуют определенные лучи. Некоторые считают, что именно так происходит эволюция. Изменения, в которых ее сущность, могли вызвать лучи, поступающие из космоса (конечно, как только эти изменения возникнут, в действие вступает то, что называют "естественным отбором" - виды, которые претерпели полезные изменения, выживают, другие - отсеиваются).

Возможно, современный человек лучше сможет понять идею христианства, если попробует рассмотреть ее в связи с теорией эволюции. Каждый знаком с этой теорией (хотя некоторые образованные люди отвергают ее). Каждого из нас учили в свое время, что современный человек эволюционировал из более низких форм жизни. Поэтому часто спрашивают: "Каким будет следующий шаг?" Писатели- фантасты пытаются время от времени описать этот шаг, изображая некоего сверхчеловека. Обычно из-под их пера возникает существо, гораздо более неприятное, чем нынешний человек, и создатели его

пытаются скрасить впечатление, наделяя свое создание дополнительными руками или ногами. Но почему не предположить, что следующий шаг принципиально отличается от всего, что только измыслит самое изощренное воображение? Скорее, именно так и будет. Тысячи лет тому назад появились огромные тяжелые существа, покрытые бронеподобной чешуей. Если бы кто-нибудь в то время наблюдал за ходом эволюции, он, вероятнее всего, предположил бы, что следующим звеном в ее цепи будут существа, еще надежнее защищенные, еще более приспособленные для выживания, но он бы ошибся. Будущее прятало в рукаве свою козырную карту, и секрет ее оказался совершенно неожиданным: из рукава выскочили не вооруженные до зубов чудовища, а маленькие, голые, безоружные зверьки, наделенные лучшими мозгами. С помощью этих мозгов им предстояло покорить всю планету. Им суждено было не просто обрести больше власти, чем у доисторических чудовищ; власть, которую предстояло завоевать, была совершенно нового типа. Следующий шаг должен был стать не просто другим, а по-иному другим. Поток эволюции резко сворачивал в принципиально иное русло, чем мог бы ожидать наш предполагаемый наблюдатель.

Сегодня, мне кажется, в догадках о следующем шаге содержится та же ошибка. Люди видят (или, им кажется, будто они видят), как совершенствуется человеческий интеллект, как все более уверенной становится власть человека над природой. Они думают, что поток эволюции движется лишь в этом направлении, никакого другого русла вообразить себе не могут. Что же до меня, я не могу отделаться от мысли, что следующий шаг будет воистину небывалым; он будет сделан в таком направлении, о котором мы и не подозревали. А если бы не так, то едва ли его можно было бы назвать новым шагом. Я предвижу не просто изменения, а какой-то новый метод, направленный на изменения принципиально иного толка. Выражаясь другими словами, следующая стадия эволюций выйдет за ее пределы; эволюция как метод, производящий изменения, будет вытеснена каким-то иным. И я не слишком бы удивился, если бы, когда все это случится, немногие бы это заметили.

Если вы согласны продолжать беседу в том же духе, то есть опираясь на знакомое нам понятие эволюции, то, согласно христианской точке зрения, новый шаг уже сделан. Он действительно нов по-новому. Это не переход от людей мозговитых к еще более мозговитым; это изменение - совершенно другое, оно превращает Божьи создания в Божьих сыновей и дочерей. Первый момент его зафиксирован в Палестине две тысячи лет тому назад. В некотором смысле это изменение - не эволюция, потому что его вызывали не естественные процессы, оно входит в природу извне.

Однако именно этого я и ожидал. Мы пришли к идее об эволюции, изучая прошлое. Если будущее содержит в себе воистину что-то новое, тогда, конечно же, наше представление, основанное на прошлом, не может этого нового вмещать, тем более что новый шаг отличается от всех предыдущих не только тем, что вносит в природу что-то извне.

1. Новое изменение не передается от поколения к поколению и не связано с полом. Следует ли этому удивляться? Было время, когда пола еще не существовало, размножались и развивались тогда иначе. Значит, мы могли бы ожидать, что вновь наступит время, когда пол исчезнет или (как и происходит в действительности), продолжая существовать, уже не будет главным каналом развития.

2. На начальных стадиях у живых организмов не было выбора (или был незначительный выбор), предпринять им новый шаг или нет. Они были объектами прогресса, а не субъектами. А новый шаг, превращение сотворенных существ в рожденных сыновей и дочерей, - сугубо добровольный, по крайней мере - в одном отношении. Он не доброволен в том смысле, что сами мы не могли бы ни придумать его, ни избрать, не будь он нам предложен. Но он доброволен в том смысле, что мы можем от него отказаться, когда нам предлагают совершить его. Мы можем, так сказать, отпрянуть назад; можем прирасти ногами к земле, а новое человечество уйдет вперед без нас.

3. Я назвал Христа "первым мгновением" нового человека. Он, конечно, гораздо больше, чем "первое мгновение", - не просто один из новых людей, а новый Человек. Он -

источник, центр и жизнь всех новых людей. Он пришел в эту созданную Им вселенную по своей воле, принес с Собой зю, новую жизнь (новую для нас, с нашей точки зрения, конечно; ибо там, где Он пребывает вечно, она была всегда). Он передает нам ее не по наследству, а посредством того, что я назвал "благотворной инфекцией". Получить ее можно, вступив с Ним в личный контакт. Другие люди становятся новыми, пребывая в Нем.

4. Этот шаг отличается от всех предыдущих своей скоростью. Ведь по сравнению со всем тем временем, за которое развился человек, распространение христианства среди людей подобно мгновенной вспышке молнии, ибо две тысячи лет - почти ничто в масштабах Вселенной. (Не забывайте, что мы все еще ранние христиане.) Недобрые, попусту изнуряющие нас разделения - это, будем надеяться, детская болезнь: у нас еще режутся зубы. Внешний мир, несомненно, придерживается противоположной точки зрения. Он полагает, будто мы умираем от старости. Но он много раз полагал так и прежде. Мир снова и снова приходил к заключению, что христианство умирает от преследований извне и от разложения изнутри, умирает из-за мусульманства, из-за естественных наук, из-за революционных движений. И всякий раз его ожидало разочарование. Впервые оно настигло его после распятия Христа: Человек снова ожил! В некотором смысле - я прекрасно понимаю, какой ужасной несправедливостью это должно казаться, - Воскресение продолжается с тех пор и по сей день. Дело, которое Он начал, они непрестанно убивают, и каждый раз, когда разравнивают землю на его могиле, внезапно доходит слух, что оно все еще живо и даже появилось в новом месте. Неудивительно, что нас ненавидят.

5. Риск в данном случае гораздо выше. Соскользнув обратно, на более раннюю стадию развития, творение теряло в самом худшем случае несколько лет жизни на Земле, а то не теряло и этого. Когда был сделан новый шаг, обстоятельства изменились; теперь, отступив назад, мы теряем награду, которая (в самом строгом смысле слова) бесценна и безгранична, - ведь сейчас наступил критический момент. Век за веком Бог направлял природу к той точке, где она обретает способность производить такие существа, которые смогут, если захотят, перешагнуть за ее пределы, чтобы обратиться в "богов". Позволят ли они, чтобы их взяли из среды природы? В некотором смысле этот процесс подобен критическому моменту родов. До тех пор, пока мы не поднимемся и не пойдем вслед за Христом, мы останемся в составе материальной природы, все еще будем во чреве нашей великой матери. Ее беременность длится долго, она - болезненна и тревожна, но она уже достигла своей критической точки. Великий момент наступил. Все готово. Доктор прибыл. Пройдут ли роды благополучно?

Нельзя забывать, что от обычных они отличаются в одном, очень важном отношении. При обычных родах ребенок лишен права выбора. В данном случае такой выбор есть.

Интересно, что сделал бы обыкновенный ребенок, если бы мог выбирать? Возможно, он предпочел бы остаться в темноте и тепле, в безопасности материнского чрева. Ему, конечно, казалось бы, что, оставаясь там, он обеспечивает себе безопасность. И в этом была бы его роковая ошибка - ведь если бы он остался во чреве, то неизбежно бы погиб. Потому-то и был предпринят новый шаг, сфера действия которого постоянно расширяется. Новые люди появляются тут и там, во всех уголках Земли. Некоторых из них, как я уже сказал, трудно пока распознать. Но есть и такие, которых вы узнаете довольно легко. Кто-то из них иногда встречается нам. Даже голоса их и лица отличаются от наших: они сильнее, спокойнее, счастливее, светлее. Их активность начинается там, где большинство из нас останавливается. Их, как я сказал, можно узнать; но для этого вам следует четко определить для себя, чего вы, собственно, ищете. Они не похожи на тех религиозных людей, образ которых возник у вас из прочитанных книг. Они не привлекают к себе внимания. Часто вы склонны считать, что проявляете к ним доброту, тогда как это они на самом деле добры к вам. Они любят вас больше, чем другие люди, но нуждаются в вас меньше. (Мы должны побороть в себе стремление быть необходимыми, незаменимыми. Для некоторых славных людей, особенно женщин, это - самое трудное.) Так и кажется, что у них всегда на все есть время; вы поражаетесь, где они его берут. Когда вы узнаете одного из них, вам будет значительно легче узнать следующего. И я подозреваю (хотя

откуда мне знать?), что они узнают друг друга немедленно и безошибочно, невзирая на расовые, половые, классовые и возрастные барьеры, невзирая даже на барьеры вероисповедания. Каким-то образом стать святым подобно вступлению в тайное общество. Помимо всего прочего, это очень интересно.

Но вы не должны думать, что все новые люди однолики в обычном смысле слова. Боюсь, многое из того, о чем я говорил в этой книге, могло вызвать у вас именно такое впечатление. Ведь чтобы стать новым человеком, надо потерять свое старое "я"; мы должны "выйти из себя" и "войти в Христа". Его воля должна стать нашей волей; Его мысли - нашими мыслями. Мы должны обрести "ум Христов", как говорит Библия. Поскольку существует только один Христос и только Он один должен находиться в нас, не значит ли это, что мы все должны стать совершенно одинаковыми? Выглядит как будто бы так. Но это совсем не так.

Мне трудно подобрать удачные примеры или сравнения, чтобы пояснить это, потому что ничто не может находиться друг с другом в таких же отношениях, в каких находятся Создатель и Его создания. И все же я попытаюсь привести два очень несовершенных сравнения, которые, надеюсь, помогут вам понять, что я имею в виду. Вообразите себе людей, которые всю свою жизнь прожили в полной темноте. Вы приходите к ним и пытаетесь описать, на что похож свет. Вы говорите им, что если они выйдут наружу, то один и тот же свет упадет на каждого из них и все они будут отражать его и станут видимыми. Услышав это, они, вполне вероятно, подумают: если мы узрим один и тот же свет и каждый из нас будет реагировать на него одним и тем же образом (то есть все мы будем его отражать), то не окажемся ли мы все похожими друг на друга? Между тем мы с вами прекрасно знаем, что на самом деле свет лишь выявит, насколько они друг на друга непохожи.

Или, предположим, вам встретился человек, который совершенно не знаком со вкусом соли. Вы даете ему щепотку на пробу, и он ощущает сильный, резкий вкус и потом вы говорите ему, что в вашей стране люди кладут соль в пищу. Вполне возможно, он ответит на это: "Значит, ваши блюда не отличаются одно от другого - вкус этого порошка настолько резок, что убьет всякий другой". Между тем мы с вами прекрасно знаем, что соль производит как раз противоположный эффект. Вместо того чтобы убить вкус яйца, или мяса, или капусты, соль проявляет его. Все они будут казаться безвкусными до тех пор, пока вы не прибавите к ним соли. (Конечно, как я и предупреждал вас, сравнение это хромает, потому что вы можете убить любой вкус, положив в пищу слишком много соли, тогда как убить специфику человеческой личности, добавив к ней слишком много от Христа, невозможно.)

Что-то действительно подобное этому происходит между Христом и нами. Чем больше нашего собственного "я" мы убираем с пути, позволяя Ему взять контроль над нами, тем больше мы становимся самими собою.

Он содержит в себе такое богатство и такое разнообразие, что миллионов и миллионов "маленьких Христов", каждый из которых не похож на другого, все еще не будет достаточно, чтобы полностью выразить Его. Он сделал всех нас. Он придумал нас, как писатель придумывает действующие лица в романе, - всевозможными и разнообразными, какими вам и мне предстояло стать. В этом смысле наше подлинное "я" все еще ожидает своего проявления в Нем. Нет пользы пытаться "быть самим собой", минуя Его. Чем больше я сопротивляюсь Ему и стараюсь жить по-своему, тем больше господствуют надо мной мои наследственность и воспитание, окружающая среда и растущие во мне страхи и желания.

Фактически то, что я с гордостью называю "самим собою", оказывается лишь точкой, где пересеклись последствия тех явлений, событий, случаев и процессов, которые не я начинал и не мне прекращать. Так называемые "мои желания" попросту навязаны мне физическими отправлениями моего организма, или мыслями других людей, или подсказаны бесом. Я плотно поел, крепко выпил и отлично выспался - вот истинный источник того минутного вожделения, которое я испытал к девушке, сидящей напротив меня в купе вагона; между тем я наивно приписываю его моему "тонкому вкусу и независимому, высоко личному решению". Пропанганда - вот истинный источник того, что

я именую своими политическими убеждениями. В своем естественном состоянии я далеко не та личность, какой считаю себя. Большую часть того, что я называю своим "я", можно объяснить какими-то внешними причинами. Только когда я обращаюсь к Христу, когда я передаю себя Ему, сдаюсь Его Личности, - только тогда я начинаю приобретать собственное, настоящее "я"! Вначале я сказал, что Бог содержит в Себе личности. Сейчас я хочу остановиться на этом подробнее. Только в Нем истинные личности и бывают. Пока вы не отдадите себя Ему, вы не сможете обрести своего истинного "я". Одинаковы главным образом естественные люди, а не те, кто отдал себя Христу. Как заунывно одинаковы великие тираны и завоеватели! Как величественно разнообразны святые!

По-настоящему отдайте себя, без сожалений откажитесь от своего "я", и взамен Христос действительно даст вам настоящее "я", истинную личность: однако вы не должны приходить к Нему только ради этого. Если ваше личное "я" - это все, что вас волнует, значит, ваш путь к Нему еще не начинался. Самый первый шаг на этом пути - постараться забыть о себе. Ваше подлинное новое "я" (личное "я" Христа, но и ваше, и ваше только потому, что оно - Его) не придет к вам до тех пор, пока вы стараетесь найти его. Оно придет, когда вы станете искать Христа. Это звучит странно, правда?

Но тот же самый принцип действует и в других областях. Даже в общественной жизни вы не сумеете произвести хорошего впечатления, пока не перестанете думать о том, какое впечатление производите. То же самое относится к литературе и искусству: ни один человек, больше всего заботящийся об оригинальности, никогда оригинальным не станет; и наоборот, если вы просто стараетесь выразить истину (нимало не заботясь о том, как часто до вас говорили о ней другие) , - девять против одного, что вы действительно окажетесь оригинальным, даже не замечая этого.

Принцип этот пронизывает всю жизнь, сверху донизу. Отдайте себя - и вы обретете себя. Пожертвуйте жизнью - и вы спасете ее. Предавайте смерти свое тщеславие, свои самые сокровенные желания каждый день и свое тело - в конце, отдайте каждую частицу своего существа - и вы найдете жизнь вечную. Не удерживайте ничего. То, что не умерло в вас, не воскреснет из мертвых. Будете искать "себя" - и ваши уделом станут лишь ненависть, одиночество, отчаяние, гнев и гибель. Но если вы будете искать Христа, то найдете Его, и "все остальное приложится вам".